

Федеральная служба исполнения наказаний
Академия ФСИН России
Научно-исследовательский институт ФСИН России
Ассоциация юристов России
Попечительский совет УИС

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ФОРУМ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, ИСПРАВЛЕНИЕ»

(к 60-летию принятия Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и 30-летию принятия Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних)

Рязань, 25–27 ноября 2015 г.

Сборник тезисов выступлений и докладов участников

Том 3 Материалы Международной научно-практической конференции «Совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации»

Рязань
2015

ББК 67.409.02
М43

II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 60-летию принятия Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и 30-летию принятия Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних) : сб. тез. выступлений и докладов участников (Рязань, 25–27 нояб. 2015 г.) : в 8 т. – Рязань : Академия ФСИН России, 2015.

ISBN 978-5-7743-0700-5

Т. 3 : Материалы Международной научно-практической конференции «Совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации». – 2015. – 210 с.

ISBN 978-5-7743-0703-6

Представлены тезисы выступлений участников II Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление», состоявшегося в Академии ФСИН России 25–27 ноября 2015 г. Содержит материалы по основным направлениям развития уголовно-исполнительной системы России, работы пенитенциарных учреждений иностранных государств, а также передовой зарубежный опыт в сфере исполнения уголовных наказаний.

Будет интересен преподавателям, адъюнктам, аспирантам, слушателям, курсантам, студентам, а также персоналу учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

ISBN 978-5-7743-0700-5
ISBN 978-5-7743-0703-6 (т. 3)

ББК 67.409.02
© Коллектив авторов, 2015
© Академия ФСИН России, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

- 7 *Борисова О. В., Соколова О. В.* К вопросу об отраслевой принадлежности норм об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания
- 11 *Боровиков С. А., Горлицева Я. М.* Современная российская амнистия: состояние и перспективы
- 15 *Галузин А. Ф.* Раскаяние как структурный элемент правового покаяния
- 19 *Голодов П. В.* Совершенствование организационно-правовых форм работы с осужденными в условиях исправительного учреждения: экспериментальный опыт
- 23 *Горбань Д. В.* Понятие и сущность самостоятельного института уголовно-исполнительного права, связанного с пребыванием осужденного за пределами исправительных учреждений
- 27 *Горбунова М. М.* К вопросу о необходимости закрепления понятия «пенитенциарный контроль» в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации
- 31 *Грушин Ф. В.* К вопросу о системе факторов, влияющих на развитие уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительного законодательства и права
- 34 *Давыдова И. А.* К вопросу о совершенствовании законодательства об условно-досрочном освобождении осужденных к пожизненному лишению свободы
- 38 *Демидова О. В.* Влияние международных норм на развитие уголовно-исполнительного законодательства России
- 41 *Дикаева М. С.* Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы как проявление пенитенциарной политики России
- 45 *Егорова Т. И.* Уголовно-правовой механизм обеспечения социальной эффективности наказания
- 50 *Епифанов О. С.* Подготовка осужденных к лишению свободы к освобождению от наказания в международных стандартах и российском законодательстве
- 53 *Ефремов Р. С.* Система принципов уголовно-правовых мер в реформировании российского уголовного законодательства
- 59 *Жиляев Р. М.* Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства, регулирующего вопросы, связанные с раздельным содержанием различных категорий осужденных к лишению свободы
- 67 *Зинин Г. Ю., Сухарев С. Н.* Судимость как инструмент постпенитенциарного воздействия
- 71 *Ибрагимов О. А.* О некоторых вопросах международного регулирования пожизненного лишения свободы
- 75 *Кашин О. В.* Средства криминального подкупа: понятие и характеристика

- 81** *Князева О. В.* Обстоятельства, учитываемые судом при назначении условного осуждения
- 84** *Кольяков Р. В.* Ограничения в уголовном праве Российской Федерации, возлагаемые на условно осужденных
- 89** *Копыткин С. А.* Актуальные проблемы исполнения наказаний в отношении осужденных к лишению свободы, страдающих социально значимыми заболеваниями
- 94** *Коробкин А. В.* Развитие примирительных процедур как одна из приоритетных задач уголовно-исполнительной политики Российского государства на современном этапе
- 98** *Коробова И. Н.* О некоторых проблемах применения к осужденным к лишению свободы мер взыскания
- 101** *Корякин Е. А.* Значение международных правовых актов при использовании труда осужденных к лишению свободы
- 104** *Косоногова С. В., Мельникова Н. А.* Функции уголовно-исполнительной системы по реализации норм антикоррупционного законодательства (системно-правовой анализ)
- 108** *Лавёрычева С. А.* Труд осужденных в следственном изоляторе: средство исправления или экономическая необходимость?
- 111** *Лапшин В. Ф.* Проблемы квалификации преступлений, связанных с оскорблением сотрудника уголовно-исполнительной системы
- 117** *Майорова С. Е.* Запреты в уголовно-исполнительном праве и практика их реализации
- 120** *Макаревич З. Б.* О профессиональной подготовке осужденных в местах лишения свободы
- 125** *Маркунцов С. А.* Анализ законодательных инициатив Верховного Суда РФ или к вопросу об изменении предмета уголовно-исполнительного права
- 131** *Мельников А. С.* Правовые рекомендации: особенности исследования и применение в сфере исполнения наказаний
- 134** *Нарышкина Н. И.* Рецепция прогрессивных элементов института тюремного заключения уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации
- 138** *Оленев М. Г.* К вопросу о взаимодействии Уполномоченного по правам человека в РФ с ФСИН России по соблюдению прав человека в уголовно-исполнительной системе
- 142** *Павленко А. А.* Проблемы применения мер медицинского характера к осужденным, отбывающим лишение свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних
- 146** *Перрон Ю. В.* Международный контроль как средство обеспечения международных стандартов обращения с осужденными
- 150** *Ромашов Р. А.* Концепция развития УИС России до 2020 г.: судьба пенитенциарной реформы

- 154** *Руденко А. С., Шуранова О. А., Абдулкеримов И. Д.* Некоторые аспекты назначения осужденным к лишению свободы исправительной колонии общего режима
- 158** *Рыжов Р. С.* О некоторых «курьезах» замены штрафа на другое наказание
- 163** *Сагарян А. В.* Проблемы имплементации международных нормативных актов в российское уголовно-исполнительное законодательство
- 165** *Середин А. А.* Проблемы обеспечения деятельности пенитенциарных учреждений нормами уголовного закона
- 169** *Смирнов А. М.* К вопросу о криминализации самосуда в сфере уголовно-правовых отношений
- 172** *Тараканов И. А.* Пределы необходимой обороны: проблема разграничения чрезмерного и достаточного
- 176** *Тепляшин П. В.* Современная уголовно-исполнительная политика России: вопросы концепции, эффективности и гуманизма
- 180** *Умирзакова Ж. А.* Понятие и признаки уголовного преследования по Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан
- 184** *Федоров В. Е.* Сотрудники исправительных учреждений как субъекты должностных преступлений
- 190** *Филиппов Р. А.* Личность осужденного к лишению свободы как основа индивидуализации исполнения наказания
- 194** *Хорошко И. В.* Казуистичность норм Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (по отношению к национальному законодательству)
- 196** *Худорожков С. В.* Трудовое исправление осужденных
- 201** *Цапанова С. С.* Исполнение уголовных наказаний как одно из направлений охранительной функции современного Российского государства
- 205** *Яковлева О. Н.* Исполнение наказаний в отношении осужденных женщин: возможности дальнейшего совершенствования

О. В. БОРИСОВА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса;

О. В. СОКОЛОВА,

кандидат юридических наук,
заместитель декана юридического факультета,
доцент кафедры уголовного права и процесса
(Ивановский государственный университет)

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НОРМ ОБ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Освобождение от отбывания наказания в настоящее время регулируется путем сложного сочетания норм УК, УИК и УПК РФ. Освобождение принято рассматривать как составную часть института наказания, имеющего межотраслевой характер. Межотраслевым считается и сам институт освобождения от наказания и от его отбывания. Он образован на основании единства основных целей и задач уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права¹.

В узком смысле освобождение от отбывания наказания – это освобождение от уже реализуемого наказания. Нормы главы 12 УК, регулирующие одновременно основания такого освобождения и освобождения от наказания, могут быть разделены на группы: 1) устанавливающие основания освобождения от наказания – статьи 80.1 и 83; 2) устанавливающие основания освобождения от отбывания наказания – статьи 79, 80; 3) устанавливающие основания, применимые к обоим видам освобождения – статьи 81, 82, 82.1. С учетом правового значения амнистии и помилования, ст. 85 можно отнести во вторую группу, а ст. 84 – в третью. В науке уже высказывалось мнение о разделении указанных трех видов освобождения путем изменения последовательности норм в главе 12 УК РФ². Первая и третья группы норм, применяемые судом при вынесении приговора, определяют форму реализации уголовной ответственности и содержатся в УК РФ. Вопрос об отраслевой принадлежности возникает применительно ко второй из выделенных группе норм: об условно-досрочном освобождении, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания и о помиловании. Данные нормы, в отличие от норм других групп, не могут применяться судом при постановлении приговора. Они фактически регу-

¹ См.: Зельдов С. И. Освобождение от наказания и от его отбывания. М., 1982. С. 12; Кирин В. А. Законодательство о борьбе с преступностью: отрасли и их взаимосвязь. М., 1978. С. 194, 202; Филимонов В. Д., Филимонов О. В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. М., 2014. С. 198.

² См.: Низамитдинова Е. М. Освобождение от наказания по российскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 16.

лируют отношения между государством и осужденным по поводу исполнения и отбывания наказания, а это – сфера действия уголовно-исполнительного законодательства (ч.2 ст.2 УИК РФ).

Регламентация указанных мер в уголовном законе есть дань традиции, основанной на том, что уголовно-исполнительное законодательство не было в достаточной степени развито до новейшего времени. Однако и в советское время звучали предложения относить условно-досрочное освобождение к исправительно-трудовому праву. Эту позицию, высказанную, в частности, Н. А. Беляевым, критиковал Ю. М. Ткачевский, указывая на то, что условно-досрочное освобождение прекращает¹ или приостанавливает² исполнение наказания, а, следовательно, и действие нормы исправительно-трудового права. Однако наблюдение за лицами, условно-досрочно освобожденными регулировалось тогда Исправительно-трудовым кодексом РСФСР (глава 19), так что нормы этой отрасли продолжали действовать. Н. А. Стручков отмечал дисбаланс уголовного и исправительно-трудового законодательства, то, что уголовный закон должен закреплять основные, исходные положения освобождения от отбывания наказания, определять все основания освобождения³. В действительности же и в то время и сейчас перечень оснований (неполный) дается в Уголовно-исполнительном кодексе РФ (ст.172).

В 2000 годах произошел ряд изменений норм УК и УИК РФ об УДО и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, причём многие из этих изменений были инициированы именно исполнительными органами: обращение осужденного с ходатайством, взамен или наравне с внесением представления администрацией ИУ, содержание направляемых в суд документов и – как следствие – материальное основание применения. Стоило ли добиваться состыковок норм единого института, если можно урегулировать содержание всего института в одном законодательном акте? В настоящее время условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания практически значимы как элементы прогрессивной системы исполнения лишения свободы. В этой системе им предшествует изменение вида исправительного учреждения, для которого установлена аналогичная процедура инициирования (обращение с ходатайством или внесение представления, характеристики администрации ИУ – ст.78 УИК РФ), но которое является чисто уголовно-исполнительной мерой (на это указывает ч.4 ст. 58 УК РФ путем отсылки к уголовно-исполнительному законодательству). В первоначальной редакции УИК РФ условно-досрочное освобождение и замена наказания более мягким видом были встроены в систему мер поощрения

¹ См.: Ткачевский Ю. М. Освобождение от отбывания наказания. М., 1970. С. 87.

² См.: Там же. С.88.

³ См.: Стручков Н. А. Курс уголовно-исполнительного права. Проблемы Особенной части. М., 1985. С. 227.

для осужденных к лишению свободы (ст. 113), но впоследствии были изъяты из данной системы в связи с заменой порядка внесения представления администрацией ИУ правом на подачу самим осужденным соответствующего ходатайства.

Предложение об отнесении данных видов освобождения к предмету уголовно-исполнительного права¹ представляется нам обоснованным. При наличии развитого исполнительного законодательства нет необходимости в том, чтобы заполнять текст материального уголовного закона процедурными нормами. Нормы об освобождении обращены именно к осужденным, а не ко всем гражданам. Ч. 2 ст.12 УИК в числе основных обязанностей осужденных указывает обязанность соблюдать требования федеральных законов, определяющих порядок и условия отбывания наказаний, то есть в первую очередь Уголовно-исполнительного кодекса. В пенитенциарном законодательстве нормы об УДО и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания выполняют информационную, воспитательно-предупредительную функции. Поэтому они выступают завершающим звеном прогрессивной системы исполнения лишения свободы (сейчас также именуемой системой «социальных лифтов»). Данная система должна быть представлена осужденному в полном и непротиворечивом виде – в соответствии с принципом стимулирования правопослушного поведения осужденных (ст.8 УИК РФ). Логично сделать это в том законодательном акте, который относится именно и непосредственно к осужденным – в УИК РФ.

Законодательство и судебная практика ищут способы совершенствования условно-досрочного освобождения. Основной акцент делается на рассмотрении судом ходатайства осужденного, наличии оснований для УДО. Освобождение рассматривается в большей степени как досрочное, чем как условное. Законодательство о контроле за условно-досрочно-освобожденными у нас не развито – как представляется, именно потому, что эта деятельность выведена из уголовно-исполнительной сферы. От этого страдает правовое положение подконтрольных лиц. Сравним, например, основания отмены условного осуждения и УДО. В ч. 5 ст. 190 УИК РФ дано определение систематического неисполнения условно осужденным возложенных на него судом обязанностей. Для УДО есть указание на злостное уклонение в п. «а» ч.7 ст.79 УК РФ, а раскрывается это понятие лишь в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (п. 23). Разумеется, необходимо определять такое понятие на уровне закона, поскольку речь идет об основании правовой ответственности.

¹ См.: Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб., 2004. С. 30.

Концепцией развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. предусмотрено возложение на уголовно-исполнительные инспекции полномочий по контролю за условно-досрочно освобожденными лицами, разработка для этого нормативных правовых актов. Спустя почти пять лет после принятия Концепции, это верное направление не реализуется. Как отмечает А. А. Рыбаков, «контроль за лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания, является основным средством эффективной реализации данного института, препятствующим совершению новых преступлений в период неотбытой части наказания»¹. Перемещение указанных норм в УИК позволило бы улучшить инициирование и прохождение досудебных стадий освобождения, контроль за освобожденными лицами и их ответственность. В Уголовном кодексе достаточно было бы сделать отсылку к уголовно-исполнительному законодательству, подобно ч. 4 ст. 58 УК РФ. Особенность условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания состоит в том, что они применяются только к лицам, отбывающим наказания связанные с изоляцией – лишение свободы и содержание в дисциплинарной воинской части. На наш взгляд, серьезно обсуждать вопросы освобождения применительно к наказанию в виде принудительных работ пока преждевременно. Поэтому вместо самостоятельных норм Общей части УК РФ, можно было бы дополнить предписания об этих видах наказаний (ст. 55 и 56 УК РФ) указанием на возможность применения данных мер судом в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством.

¹ Рыбаков А. А. Контроль за лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 10.

С. А. БОРОВИКОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии;
Я. М. ГОРЛИЦЕВА,
курсант 5-го курса юридического факультета
(Вологодский институт права
и экономики ФСИН России)

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АМНИСТИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Осуществляемая современная российская уголовная политика имеет достаточное количество недочетов, ключевым из которых следует назвать постоянную корректировку уголовного законодательства. Отсутствие стабильности в этой части, и наоборот, постоянная изменчивость норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), подрывают доверие граждан к государству, усложняют деятельность правоприменителя. Свою лепту в эту непростую ситуацию вносит злоупотребление Государственной Думой Федерального Собрания РФ правом на проведение амнистии. Обладая широким спектром возможностей (освобождение от основного или дополнительного наказания, включая сокращение или замену; освобождение от уголовной ответственности; снятие судимости) амнистия, выглядит внешне гуманным институтом. В послании к Федеральному Собранию в 2002 году Президент РФ обращал внимание на то, что «Нам крайне важна гуманизация уголовного законодательства и системы наказаний»¹. Однако, полагаем, речь шла именно об уголовном законодательстве и принимаемых на его основе решениях судов по конкретным уголовным делам с учетом всех обстоятельств, имеющих значение, а не о проведенных амнистиях.

Согласно п. «ж» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ объявление амнистии относится к ведению Государственной Думы Федерального Собрания РФ².

Действительно, если вести речь о существовании этого института, то возможность его отнесения в компетенции Государственной Думы Федерального Собрания РФ выглядит наиболее разумной. Так как в Российской Федерации именно Государственная Дума определяет формальное содержание законодательства о преступности деяний, их наказуемости и других уголовно-правовых последствиях. Следовательно, при наличии совокупности определенных условий некоторые коррективы в части наказуемости и иных уголовно-правовых последствий, видимо, следует считать допустимыми. Хотя справедливо следует признать, что некоторые страны

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию «России надо быть сильной и конкурентноспособной» // Рос. газета. 2002. 19 апр.

² Конституция Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

отказались от использования амнистии: Германия, Норвегия, Испания, Польша и др.

По мнению П.И. Люблинского положительными социальными действиями амнистии являются: 1) умиротворяющее действие акта – сглаживание борьбы, конкуренции общественных и политических отношений; 2) укрепляющее действие – возвышение морального, религиозного авторитета власти; 3) побочное действие – иные социальные цели, преследуемые в том или в другом случае, но не характерные для амнистии, как таковой¹.

Однако такой подход нам представляется отчасти устаревшим. Полагаем, что в современных условиях следует использовать иные более эффективные средства.

Несмотря на внешнюю гуманность и законность проводимых амнистий анализируемый институт характеризуется рядом существенных противоречий. У института амнистии существует иная сторона, включающая множество проблем и спорных вопросов, ответы на которые являются крайне важными для поддержания социального благополучия. Мониторинг современной практики его применения позволяет сделать вывод о высокой частоте объявляемых Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации актов об амнистии, а также ее разноплановости как по видам преступлений, так и по кругу лиц.

Анализ частоты применения актов об амнистии на территории РФ, дает следующую картину: до революции 1917 года были объявлены 5 амнистий (отдельные из них следует сюда отнести условно, так как речь шла о конкретных преступлениях), в СССР за 74 года (период с 1917 по 1991 годы) – 18, в Российской Федерации (далее РФ) за 24 года (с 1992 по 2015 годы) – 20 (включая 2 дополнительных постановления, расширяющих пределы применения)². Последняя амнистия в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов была объявлена Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 24.04.2015 № 6576-6 ГД. Частота применения актов амнистии в современный период, в сравнении с предшествующим советским периодом выросла почти в 3,5 раза. Имеются ли предпосылки для такого роста? Думаем, что существенных оснований нет. Полагаем, что чрезмерно частое применение амнистии указывает на явное наличие в государстве проблем социального, экономического, политического характера. В тоже время, если таких проблем нет, то отсутствуют и логические предпосылки (основания) для проведения амнистии. Можно утверждать, что фактически амнистия смягчает действие законодательства и решений, принятых судами на его же основе ранее. В том случае, когда такие предпосылки отсутствуют, следует поставить правомерный вопрос о существующем дисбалансе между зако-

¹ Цит. по : Гришко А. Я., Потапов А. М. Амнистия. Помилование. Судимость. М., 2009. С. 16.

² URL : www.pravo.gov.ru (дата обращения: 28.07.2015).

нодательством в совокупности с судебными решениями и тем результатом, который государство получает, вследствие такой деятельности. Какое можно здесь предложить решение: надо либо смягчать законодательство путем декриминализации части деяний, либо совершенствовать уголовно-правовые механизмы на стадии освобождения от уголовной ответственности, или позволяющие смягчать наказание на стадии назначения, а равно отказываться от применения наказания, путем освобождения, при соблюдении устанавливаемых условий. Вот такие изменения (на выбор законодателя) будут выглядеть системным решением.

Нашу точку зрения отчасти разделяют некоторые практики и законодатели. Например, П. Крашенников в своем интервью отметил: «Мы периодически делаем амнистии, и все время по этим статьям людей освобождаем. Но получается такая странная ситуация, что мы первоначально людей осуждаем, и через амнистию мы их отпускаем. Это, конечно, неправильно»¹.

Какая цель преследуется столь частыми амнистиями, ясны ли последствия таких действий, и не производится ли это вопреки интересам самого государства, общества и граждан?

Количество примеров с сомнительной целесообразностью освобождения от уголовной ответственности (либо от наказания) вследствие проведения различных амнистий более чем достаточно². Это обосновывается следующим:

во-первых, виновные лица, не ощущают на себе предусмотренных законом негативных последствий ответственности за совершенные ими уголовно-наказуемые деяния,

во-вторых, уровень рецидива среди амнистированных даже с учетом погрешности проводимых исследований³ остается достаточно высоким;

¹ URL : <http://www.1tv.ru/news/polit/288959> [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.07.2015 г.).

² См.: URL : <http://www.oprf.ru> [Электронный ресурс] (дата обращения: 03.06.2014 г.); <http://ria.ru/tomsk/20140123/990804084.html> Сбившая беременную девушку у ЦУМа попала под амнистию [электронный ресурс] (дата обращения: 05.04.2014 г.); URL : <http://www.sledcom.ru/smi/406994/> Российская газета: «Пришвартовали» [Электронный ресурс] (дата обращения: 15.08.2014 г.); URL : <http://itar-tass.com/politika/1135673> Источник: амнистия Анатолия Сердюкова утверждена [Электронный ресурс] (дата обращения: 15.08.2014 г.).

³ В соответствии с постановлением Государственной Думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» из мест лишения свободы было освобождено 188 тысяч осужденных. В целом же амнистия коснулась около 400 тысяч лиц. По данным на 2005 год 63% освободившихся вернулись обратно в места лишения свободы, совершив преступления большей тяжести, чем те, за которые были осуждены впервые. См.: Дудко И.Г. Амнистия в России: проблемы и последствия // Гуманитарные науки и образование. № 3. 2010. С. 103.

в-третьих, похищенные государственные средства амнистированными возвращаются в казну в минимальном количестве, что в нынешних экономических условиях было бы весьма востребовано;

в-четвертых, потерпевшие не видят в лице государства защитника своих нарушенных прав, они ощущают неудовлетворенность от результатов деятельности государства;

в-пятых, значительная часть граждан убеждена в ошибочности и коррупционности таких решений.

Однако амнистия содержит и некоторые положительные моменты, связанные с одобрением амнистии, как акта гуманизма, частью граждан, возможностью сокращения расходов на содержание лиц, осужденных к лишению свободы. С ее помощью государство имеет возможность оперативно оказывать влияние на количество лиц, отбывающих наказание в конкретный момент (освобождение от наказания) и в самой ближайшей перспективе (освобождение от уголовной ответственности). В определенных случаях амнистия может быть оправдана необходимостью отражения военной агрессии, потребностью быстрого реагирования на сложившуюся в стране политическую или экономическую ситуацию. Поэтому полностью отказываться от использования амнистии пока преждевременно.

Было бы правильным, на наш взгляд, разработать нормативный акт, более четко регламентирующий институт амнистии, в котором следует определить основания, порядок объявления и применения амнистии. Также будет полезно исследование вопросов совершенствования уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность тех лиц, на которых распространилось действие амнистии, но которые вновь совершили преступное деяние.

Полагаем, что преобразование института амнистии должно стать одной из важных задач современной уголовной и уголовно-исполнительной политики. Институт амнистии, при разумном подходе к его применению содержит в себе огромный потенциал, который следует использовать крайне аккуратно. Он должен быть нацелен на снижение причинения вреда обществу, но не наоборот. Следует помнить, что амнистия имеет и слабые стороны, которые при нерасчетливом использовании могут принести весьма ощутимый вред. Надо четко осознавать акт амнистии – экстраординарное событие. В стабильном обществе амнистия может применяться в исключительных случаях. В современной России амнистия обрела искаженные черты.

А. Ф. ГАЛУЗИН,
кандидат юридических наук, доцент,
почетный работник Прокуратуры Российской Федерации,
заслуженный юрист Самарской области,
заместитель прокурора,
старший советник юстиции
(Прокуратура Самарской области)

РАСКАЯНИЕ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО ПОКАЯНИЯ

Явление покаяния представляет самостоятельную часть предмета правового регулирования. Пенитенциарные материальные нормы Уголовного кодекса РФ¹, Уголовно-процессуального кодекса РФ², Уголовно-исполнительного кодекса РФ³ устанавливают правовое содержание социального явления «покаяние» и материально-правовых покаянных правоотношений. Пенитенциарные процессуальные нормы ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴, УПК, УИК регулируют правоотношения стадий обеспечения (осуществления, охраны, защиты) содержания покаяния участниками сторон пенитенциарного процесса: осуществления субъектом преступления покаянных действий: явки с повинной, деятельного раскаяния, осуществляемого и в рамках письменного досудебного соглашения о сотрудничестве, исправления, подготовки к законопослушной социальной адаптации, а стороной обеспечения покаяния – инициирования, содействия, удостоверения, юридической оценки и принятия юридических решений (актов) о возникновении, изменении, прекращении покаянных действий, правоотношений и их оценки, включающие действия безопасности (охраны и защиты) единого процесса покаяния и его участников.

Источником покаяния является субъект преступления, поэтому и прежде всего востребованные стороной государства его покаянные действия наиболее детально регулируют уголовное, оперативно-розыскное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право.

Раскаяние начинает субъективный и единый пенитенциарный процессы, продвигает их по стадиям покаяния, наиболее результативно – при отсутствии объективных и субъективных препятствий и наличии правового механизма принятия и иного содействия осуществлению покаяния. Но раскаяние может быть свернуто наступающими после совершения преступления или постпреступными фрустрациями. В психологии фрустра-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 25. Ст. 2954.

² Там же. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

³ Там же. 1997. № 2. Ст. 198.

⁴ Там же. 1995. № 33. Ст. 3349.

цию называют состоянием характерных особенностей переживания и поведения, вызываемым объективно непреодолимыми (или субъективно так понимаемыми) трудностями, возникающими на пути к достижению цели¹, в данном случае – раскаяния и покаяния. Фрустрация может быть предпреступной – приводящей человека к совершению преступления, и постпреступной; фрустрацией преступления – не преодоления трудностей и не достижения цели преступлением; фрустрацией покаяния – непреодолимыми препятствиями совершения покаяния. Постпреступные фрустрации могут сочетаться в блокировании раскаяния, не допускающем покаяние. Их выявление, разграничение и поиск вариантов содействия выведению лица в покаяние могут быть осуществлены с использованием специальных познаний психологов.

Уголовно-процессуальное законодательство закрепляет стадию деятельного раскаяния и составляющие ее действия сторон непосредственно за уголовным судопроизводством.

Стадии исправления, подготовки к законопослушной социальной адаптации и действия сторон УПК закрепляет за вне уголовно-процессуальным «уголовно-исполнительным производством» суда (гл. 47 УПК), а раскрывают их содержание в рамках уголовно-исполнительного процесса ст. ст. 1, 9 гл. 22 УИК.

ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» регламентирует стадии покаяния опосредованно, то есть указанием в ст. 1 цели защиты права (в том числе и права на покаяние – авт.) человека и гражданина, в ст. 2 – задач предупреждения, раскрытия преступления, установления лиц, их совершивших, в ст. 5 – обязанности обеспечивать соблюдение прав и права на покаяние, в ст. 6 – возможную форму (опрос) обеспечения деятельного покаяния.

Исправление согласно ч. 1 ст. 9 УИК – это формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, стимулирование правопослушного поведения. Исправление названо целью уголовного наказания наряду с целью предупреждения совершения новых преступлений, в том числе осужденным, в ч. 2 ст. 43 УК, а также целью условного осуждения в ч. 3 ст. 73 УК, которые являются и целями уголовно-исполнительного законодательства (ч. 1 ст. 1 УИК). Обе цели для осужденного представляют по сути одну цель исправления, включающего не совершение им новых преступлений (общественно опасных деяний), как утрачивание общественной опасности.

Законопослушная социальная адаптация определена в УИК опосредованно: в ч. 2 ст. 1 – как задача правового регулирования и оказания осужденным помощи в социальной адаптации, в ст. ст. 180, 181 – как помощь осужденным, освобождаемым от отбывания наказания.

¹ Левитов Н. Д. Фрустрация как один из видов психического состояния // Вопросы психологии. 1967. № 6.

Некоторые результаты публичной и непубличной покаянной подготовки к социальной адаптации субъекта покаяния сформулированы в ст. 175 УИК в виде необходимых суду для условно-досрочного освобождения осужденного от отбывания наказания или замены неотбытого наказания более мягким сведений о том, что: лицо не нуждается в полном отбывании уголовного наказания; о возмещении вреда (полностью или частично); об отношении к учебе, труду и др.; об исправлении осужденного; о раскаянии в совершенном преступлении.

Субъективное раскаяние – это социально обусловленное психическое состояние рефлексии лицом совершенного им преступления и связанных с его последствиями социальных и юридических факторов, актуализирующее и обуславливающее на уровне подсознания и сознания формирование установки, потребности, мотива достижения юридических и иных целей искупления (заслуживания прощения, возмещения чем-нибудь¹) покаянием преступления (греха²), его целей и последствий, приводящие как к публичному правовому покаянию, так и к сокрытому от правовой оценки правоохранительных органов вероисповедальному (церковному), иному непубличному покаянию, возмещению вреда и т. д.

В ч. 1 ст. 175 УИК узаконен термин «раскаялся» без раскрытия его значения, которым могут быть: совершил раскаяние или совершил покаяние через раскаяние.

Установка – это готовность к реализации актуальной в данной ситуации потребности, которая может быть личностной или ситуативной предрасположенностью к определенному восприятию, осмыслению поведения и выражает внутреннюю позицию человека, его взгляды, ценностные ориентации по отношению к событиям, фактам и идеям³. В отсутствии или преодолении фрустрации покаяния рефлексия актуализирует и формирует потребность и мотив совершения покаянных действий как средство достижения установленных законом (прекращения уголовного преследования, дела, снижения наказания и т.д.) и иных целей. Раскаяние и последующее покаяние детерминируют личностные, социальные и юридические факторы, соответственно, раскаяние и покаяние имеют личностный, социальный и юридический аспекты возникновения и существования. Если искупление покаянием становится для раскаивающегося лица нравственной, юридической и социальной ценностью, то инициируемый раскаянием путь публичного, поддерживаемого государством и обществом покаяния будет юридически достоверным духовно-деятельностным бытием постпреступного периода жизнедеятельности человека.

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 367.

² Там же. С. 152.

³ Психологический словарь / под общ. ред. Л. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990. С. 391.

Взаимодействие элементов покаяния и коррелирующих их факторов в психике и поведении совершившего преступления лица в обобщенном виде изображены в нижеследующей схеме:

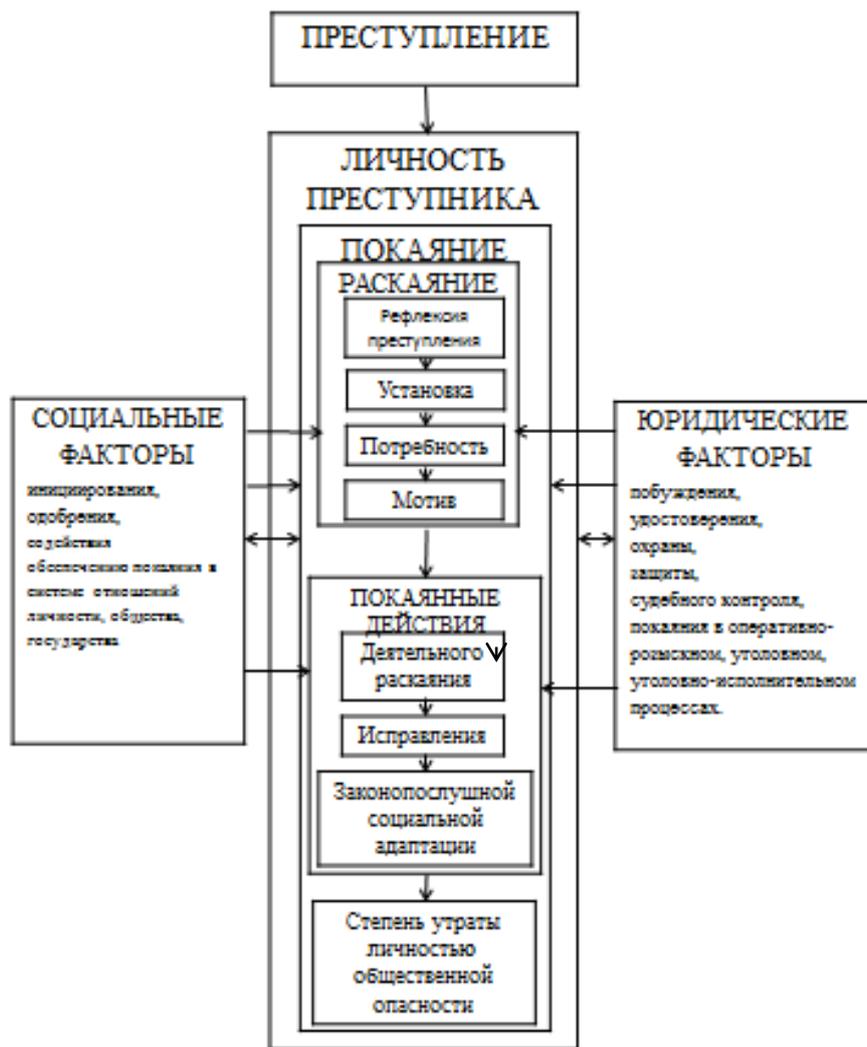

Схема. Механизм правового покаяния личности преступника.

Истинность (правдивость) элементов раскаяния может быть достоверно оценена органами следствия, судами, исполнения уголовных наказаний путем использования специальных познаний полиграфологов и психологов. В рамках внедряемых в оперативно-розыскную и в следственную практику исследований полиграфологов допустимо исследовать возможность получения ответа на вопрос о наличии у совершающего покаянные действия лица информации о воздействовавших на него внешних факторах (люди, обстоятельства), способствовавших явке с повинной и деятельному раскаянию, для назначения психологической экспертизы. Психологи могут конкретизировать: зависимость от внешних факторов через личностные свойства (внушаемость и др.); истинность внутреннего (на уровне подсознания) отношения лица к себе, покаянию или покаянные намерения в соответствии с принятым лицом решением (установкой, потребностью, мотивом) о раскаянии и покаянии; фрустрации преступления и покаяния.

П. В. ГОЛОДОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника института
по научной работе
(Вологодский институт права
и экономики ФСИН России)

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ
РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ
В УСЛОВИЯХ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ:
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ОПЫТ**

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года предусматривает отказ от коллективной формы содержания осужденных, а также реализацию ряда других задач и мероприятий, определяющих формы организационного построения работы с осужденными в местах лишения свободы (дифференциация их содержания в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных преступлений, личностных характеристик осужденных и их поведения во время отбывания наказания, наличия криминального опыта; усиление психолого-педагогической работы с личностью и подготовка ее к жизни в обществе; разработка новых форм проведения воспитательной работы; создание справедливой и эффективной системы стимулов осужденных к законопослушному поведению; предоставление возможности в зависимости от поведения и деятельного раскаяния изменения условий отбывания наказания; гуманизация условий содержания лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов)¹.

Планируемые преобразования связаны, прежде всего, с тем, что существующая в соответствии с УИК РФ² и приказом Минюста России от 30.12.2005 г. № 259 «Об утверждении Положения об отряде осужденных исправительного учреждения Федеральной службы исполнения наказаний»³ отрядная форма работы с осужденными в исправительном учреждении (далее – ИУ) не позволяет в полной мере реализовать такие принципы уголовно-исполнительного законодательства, как дифференциация

¹ Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.

² См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

³ См.: Об утверждении Положения об отряде осужденных исправительного учреждения Федеральной службы исполнения наказаний (ред. от 23.08.2012) : приказ Минюста России от 30 дек. 2005 г. № 259 // Рос. газ. 2006. 2 март.

и индивидуализация исполнения наказаний, рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения, соединение наказания с исправительным воздействием (ст. 8 УИК РФ).

В связи с этим ФСИН России был организован и проведен ряд экспериментов, целью которых стал поиск и апробация новых эффективных моделей организационно-правового построения работы с осужденными в условиях ИУ. А.С. Макаренко утверждал, что «не существует непосредственного перехода от целого коллектива к личности, а есть только переход через посредство первичного коллектива, специально организованного в педагогических целях»¹. Представляется, что и в настоящее время поиск оптимальной формы (модели) организации работы с осужденными в рамках первичных социально-педагогических коллективов является значимой и актуальной в научном плане проблемой.

Приведем несколько примеров экспериментальных преобразований.

В 2011–2014 гг. ФСИН России проводился эксперимент по апробации и внедрению в деятельность воспитательных колоний² модели воспитательного центра для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте (далее – ВЦ)³. Реализация модели предусматривает организацию работы с осужденными посредством создания секторов воспитательной работы (взамен существующей отрядной системы), включающих группы осужденных по 8 человек, за каждой из которых закрепляется воспитатель (социальный педагог). Предусматривается размещение воспитанников в жилых помещениях по 4 человека в зависимости от возраста и их криминальной зараженности. Предусмотрено также создание в структуре ВЦ реабилитационного центра (льготные условия отбывания наказания), размещаемого за пределами охраняемой режимной зоны. Штатная структура ВЦ усилена сотрудниками, реализующими функции психологической и социальной работы.

С 2012 г. на базе исправительной колонии № 6 УФСИН России по Липецкой области реализуется эксперимент по созданию в организационно-управленческой структуре ИУ социально-психологического центра реабилитации и подготовки осужденных к освобождению (далее – СПЦ). Создание СПЦ позволяет обеспечить необходимые условия для формирования в учреждении особой реабилитирующей социально-педагогической среды и более тесного профессионального взаимодействия между психологами,

¹ Макаренко А. С. Соч.: В 7 т. Т. V. М., 1958. С. 179; Макаренко А. С. О моем опыте // Пед. соч. : в 8 т. М., 1983. Т. 4. С. 248–267.

² Апробация модели воспитательного центра осуществлялась в рамках действующего законодательства на базе Алексинской ВК УФСИН России по Тульской области, Брянской ВК УФСИН России по Брянской области, Канской ВК ГУФСИН России по Красноярскому краю, Можайской ВК УФСИН России по Московской области.

³ См.: Модель воспитательного центра для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте // http://фсин.рф/Original_doc/modeli%20Vospitatelnogo%20Centra.doc.

социальными работниками и воспитателями. Целостность процесса ресоциализации осужденных обеспечивается за счет применения единой индивидуальной социально-психолого-педагогической программы. В целевую группу СПЦ зачисляются осужденные, совершившие различные виды преступлений, но имеющие длительный срок отбытой части наказания; добровольно решившие обучаться в центре (мотивированные), а также готовые исполнять свод правил, принятых в центре, в частности готовые и способные к групповой работе; не имеющие психических заболеваний, имеющие срок до условно-досрочного освобождения не менее года. Штатная структура СПЦ усилена сотрудниками, реализующими функции психологической и социальной работы с осужденными¹.

В 2014 г. ФСИН России проводился эксперимент по апробации модели Центра исправления осужденных ИУ². Эксперимент предусматривал получение высоких результатов исправления и ресоциализации осужденных за счет внутренних организационно-структурных изменений, связанных с реорганизацией отрядного звена ИУ и созданием центров исправления осужденных, а также формированием новой системы профессионального взаимодействия специалистов ИУ. Центры создаются с лимитом наполнения 200 осужденных для отбывания наказания в обычных и облегченных условиях. В штатную структуру центра входят: начальник центра, его заместители по воспитательной работе с осужденными, по режиму и надзору, психолог, социальный работник (один на 2 центра), специалист по организации труда осужденных.

Проведем оценку вышеприведенных экспериментальных моделей организации работы с осужденными относительно возможностей реализации принципов и достижения целей, положенных в основу внедряемых организационных новшеств:

№ п/п	Основания (критерии) оценки потенциальной эффективности экспериментальной модели	Организационная форма работы с осужденными		
		Сектор воспитательной работы с осужденными ВЦ	СПЦ	Центр исправления осужденных ИУ
1	2	3	4	5
1	Большая дифференциация осужденных в целях снижения негативного влияния криминальной субкультуры	Возможности имеются	Возможности ограничены	Возможности ограничены

¹ См.: Отчет о НИР «Научно-методическое сопровождение эксперимента по созданию центра социально-психологической реабилитации осужденных и их подготовки к освобождению на базе ИК-6 УФСИН России по Липецкой области». Вологда, 2013.

² Апробация модели проводилась на базе ФКУ ИК-1 УФСИН России по Республике Коми; ФКУ ИК-7 УФСИН России по Республике Башкортостан; ФКУ ИК-11 ГУФСИН России по Иркутской области; ФКУ ИК-17 и ФКУ ИК-31 ГУФСИН России по Красноярскому краю.

2	Большая дифференциация осужденных в целях индивидуализации исправительного воздействия, возможности применения групповых форм и методов работы	Возможности имеются	Возможности имеются	Возможности ограничены
3	Повышение интенсивности и обеспечение комплексности социально-педагогического воздействия на осужденных	Возможности имеются	Возможности имеются	Возможности имеются
4	Большая дифференциация условий отбывания наказания в целях стимулирования правопослушного поведения осужденных	Возможности имеются	Возможности ограничены	Возможности ограничены
5	Возможности создания для осужденных более гуманных условий отбывания наказания в ИУ (снижение численности первичных коллективов осужденных, закрепление специалистов)	Возможности имеются	Возможности имеются	Возможности ограничены

Основываясь на результатах проведенного сравнительного анализа потенциальной эффективности различных моделей организационно-правового построения работы с осужденными в ИУ, можно заключить, что наиболее соответствует положениям Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года форма организации работы с осужденными в виде сектора воспитательной работы с осужденными ВЦ, внедряемая в воспитательных колониях. Представляется целесообразным использовать данный экспериментальный опыт для совершенствования организационно-правовых форм работы с осужденными и в других видах ИУ (с учетом категорий осужденных, имеющихся ресурсных возможностей). Например, в составе центров исправления осужденных ИУ возможно формирование секторов воспитательной работы по мультидисциплинарным признакам с целью оказания адресного психолого-педагогического воздействия на осужденных со сходными личностными и поведенческими характеристиками (целевые группы), а также реабилитационного центра.

Д. В. ГОРБАНЬ,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры ОРиН в УИС
(Кузбасский институт ФСИН России)

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА, СВЯЗАННОГО С ПРЕБЫВАНИЕМ ОСУЖДЕННОГО ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Режим содержания основной массы осужденных должен быть строго регламентированным и дифференцированным¹. Наряду с необходимостью обеспечения изоляции осужденных к лишению свободы, современное уголовно-исполнительное законодательство предусматривает ряд случаев, связанных с ослаблением, либо ограничением их изоляции и предоставлением им возможности нахождения за пределами исправительных учреждений с таким расчетом, чтобы к моменту выхода на свободу они полностью адаптировались в социальном отношении².

В теории уголовно-исполнительного права принято правовые нормы, регламентирующие нахождение осужденных за пределами исправительных учреждений относить к самостоятельным институтам уголовно-исполнительного права³. Отдельные институты, субинституты и правовые нормы уголовно-исполнительного права прямо закрепляют в своем содержании цель социальной адаптации осужденных⁴.

Социальная адаптация осужденных при реализации вышеуказанных правовых норм достигается путем ослабления изоляции и предоставления

¹ Дорофеев Н. К., Зубков А. И. Строго регламентированный внутренний распорядок ИТУ и его реализация. По материалам деятельности передового исправительно-трудового учреждения УВД Кемеровского облисполкома / под ред. А. Л. Ременсон. Томск, 1972. 201 с.

² См.: Баранов Ю.В. Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания: теоретико-методологические и правовые основы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008; Самогов А.Т. Правовое регулирование трудового и бытового устройства освобожденных из исправительно-трудовых учреждений и оказание им других видов социальной помощи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006.

³ Дендебер С. Н. Институт выездов осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2012. Сизая Е. Принципы институтов уголовно-исполнительного права // Уголовное право. 2008. № 6. С. 73–76; Зарипов З. С., Чорный В. Н. Признаки и содержание лишения свободы как института уголовно-исполнительного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2009. № 5 (69). С. 123–129.

⁴ Горбань Д. В. О некоторых правовых проблемах и вопросах классификации смежных институтов уголовно-исполнительного права, связанных с нахождением осужденного за пределами исправительного учреждения // Потенциал современной науки. 2015. № 1 (9). С. 101.

осужденным возможности нахождения за пределами режимной территории исправительного учреждения¹. Цель социальной адаптации осужденных является очень значимой, не смотря на то, что в настоящее время существует ряд проблем при ее достижении².

Отдельными авторами предлагается перевести данную в цель в ряд целей уголовно-исполнительного законодательства, в том числе путем замены цели исправления осужденных. В качестве заменяющих терминов учеными также предлагаются: социализация, социальная интеграция, реинтеграция, адаптация, реадаптация и другие, как отмечают авторы данных нововведений, понятные термины русского языка. При этом в качестве аргумента данных нововведений приводят опыт западно-европейских пенитенциарных систем, где не ставится цель исправления осужденных³.

Возвращаясь к институтам и субинститутам уголовно-исполнительного права декларирующим цель социальной адаптации осужденных и регламентирующим пребывание осужденных за пределами исправительных учреждений необходимо отметить некую дуалистичность (от лат. dualis – двойственный) в подходе к их изучению.

Исходя из классификации норм права на: отрасли, институты, субинституты и нормы, мы имеем возможность определить место группе норм уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующих, пребывание осужденных за пределами исправительного учреждения. Их можно рассматривать со следующих позиций:

1) самостоятельные их виды можно отнести к категории субинститутов уголовно-исполнительного права (например, проживание осужденного за пределами исправительного учреждения);

2) вся их совокупность может образовывать *самостоятельный институт уголовно-исполнительного права, – пребывание осужденных за пределами исправительного учреждения*, в него включаются следующие элементы:

– предоставление осужденным разрешения на передвижение без конвоя или сопровождения за пределами учреждения;

¹ Маликов Б. З. Институты и субинституты уголовно-исполнительного права, регламентирующие пребывание осужденного за пределами исправительного учреждения. постановка проблемы // Закон и право. 2014. № 12. С. 90–92.

² Южанин В. Е. Проблемы социальной адаптации осужденных при подготовке их к освобождению из исправительных учреждений // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 15–21.

³ Селиверстов В. И. Исправление осужденных: необходима ли такая цель // Роль духовенства в ресоциализации и социальной адаптации осужденных в местах лишения свободы и после освобождения : сб. материалов и выступлений участников III Междунар. науч.-практ. конф. по взаимодействию Русской Православной Церкви и уголовно-исполнительной системы России (Рязань, 29–30 сент. 2015 г.). Рязань, 2015. С. 207.

– освобождение в колониях общего режима из-под стражи осужденных, находящихся в облегченных условиях содержания, за шесть месяцев до окончания срока наказания в целях их успешной социальной адаптации;

– разрешение проживания за пределами воспитательной колонии без охраны, но под надзором осужденным, отбывающим наказание в льготных условиях;

– предоставление осужденным возможности выезда за пределы исправительных учреждений;

– проживание осужденных женщин за пределами исправительного учреждения;

– проживание осужденных, содержащихся в колонии-поселения не допускающих нарушений установленного порядка отбывания наказания и имеющих семьи на арендованной или собственной жилой площади, находящейся в пределах колонии-поселения или муниципального образования, на территории которого расположена колония-поселение;

– разрешение осужденным, отбывающим наказание в колониях-поселениях, проведения за пределами колони выходных и праздничных дней;

– предоставление несовершеннолетним осужденным права посещения культурно-зрелищных и спортивных мероприятий за пределами воспитательной колонии в сопровождении сотрудников данной колонии;

– предоставление несовершеннолетним осужденным права выхода за пределы воспитательной колонии в сопровождении родителей, лиц, их заменяющих, или других близких родственников.

Все перечисленные институты и субинституты уголовно-исполнительного права, связанные с нахождением осужденного за пределами исправительного учреждения обладают общим свойством – *выражают отказ от необходимости дальнейшего отбывания лишения свободы осужденным в условиях изоляции, охраны и сравнительно более жесткого режима с одновременным указанием на возможность другого варианта условий – отбывание лишения свободы без охраны, но под надзором, длительно, либо краткосрочно.*

Учитывая указанную особенность рассматриваемых правовых норм, и то обстоятельство, что они не выделены в самостоятельный раздел, а рассредоточены в отдельных статьях и нормах Уголовно-исполнительного кодекса, в которых регулируются вопросы изменения условий отбывания наказания, организации труда осужденных и выездов за пределы исправительного учреждения, представляется обоснованным предпринять попытку их систематизации.

Объединяющим, на наш взгляд, институтом в рассматриваемом аспекте должен выступать *институт открытых условий отбывания наказания*, который предлагается ввести некоторыми учеными-

пенитенциаристами в частности В. Е. Южаниным¹. Открытые условия отбывания наказания в виде лишения свободы должны рассматриваться как обязательное условие, определяющее возможность нахождения осужденного вне пределов исправительного учреждения.

На основании вышеизложенного, мы можем предложить следующее авторское понятие «институт пребывания осужденного за пределами исправительных учреждений» (институт открытых условий отбывания наказания) – это совокупность норм и субинститутов уголовно-исполнительного права, регулирующих общественные отношения в сфере нахождения и (или) проживания осужденных за пределами режимной территории, в целях их социальной адаптации, подготовки к освобождению и закрепления результатов исправления в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

В связи с выделением в категорию самостоятельных института пребывания осужденных за пределами исправительных учреждений или института открытых условий отбывания наказания встает необходимость внесения некоторых изменений в уголовно-исполнительное законодательство РФ:

1) ч. 1 ст. 1 УИК РФ изложить следующим образом: уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями *социальную адаптацию (ресоциализацию)* осужденных и предупреждение совершения новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами;

2) придерживаясь позиции В.Е. Южанина, считаем необходимым в ст. 8 УИК РФ закрепить *принцип прогрессивной системы* отбывания наказания с последующим полным его отражением в институтах и нормах этого закона, в частности связанных с пребыванием осужденных за пределами исправительных учреждений. Завершающий этап прогрессивной системы – перевод осужденного в открытые условия отбывания наказания;

3) дополнить УИК РФ главой 13¹ «Пребывание осужденных за пределами исправительных учреждений».

¹ Южанин В. Е., Горбань Д. В. Проблемы создания открытых условий отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительных учреждениях // Закон и право. № 9. 2013. С. 68–71.

М. М. ГОРБУНОВА,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
(Владимирский юридический
институт ФСИН России)

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ
ПОНЯТИЯ «ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ КОНТРОЛЬ»
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

На сегодняшний день отечественная уголовно-исполнительная система (далее УИС), являясь неотъемлемым элементом всего правоохранительного механизма российского государства, все чаще становится объектом пристального внимания как государственных, так и общественных структур, причем подобный интерес проявляется и на международном уровне. В связи с приобщением уголовно-исполнительной политики России к международным пенитенциарным стандартам, актуальным становится такое явление юридической действительности как контроль за деятельностью системы исполнения уголовных наказаний. О наличии пенитенциарного контроля нам свидетельствуют многие акты уголовно-исполнительного законодательства. В условиях современной действительности стоит констатировать многообразие видов контроля: государственный, включающий судебный, прокурорский виды контроля, ведомственный контроль, общественный контроль, международный контроль. Несомненным достоинством контрольной деятельности является тот факт, что она выступает неким средством обратной связи УИС с государством и общественностью; позволяет выявить и устранить ошибки функционирования пенитенциарной системы. Но с другой стороны, есть и негативные моменты контроля. Они в основном связаны с определением границ контрольных полномочий, а также с теми формами и методами, посредством которых данный контроль должен реализовываться. На наш взгляд, это связано с отсутствием закрепления дефиниции «пенитенциарный контроль» в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации.

Давайте обратимся к нормативно-правовым актам. Так, например, Концепция развития УИС до 2020 года провозглашает модернизацию различных видов контроля, а также обеспечение гласности в деятельности УИС, ее подконтрольности институтам гражданского общества, обеспечение условий для участия общества в решении стоящих перед УИС вопросов¹. Но в то же время, она не дает нам само понятия контроля примени-

¹ Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.

нительно к УИС. В Законе Российской Федерации от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»¹ вопросу контроля за деятельностью УИС посвящена отдельная глава. Понятие контроля законодатель, к сожалению, в ней не раскрывает, однако обозначает круг субъектов, уполномоченных осуществлять контрольную деятельность. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации² содержит в себе главу 3 «Учреждения и органы, исполняющие наказания, и контроль за их деятельностью». В данной главе в разных статьях мы можем встретить термин «контроль». Например, в п.13 ст. 16. говорится, что условно осужденные находятся под *контролем* уголовно-исполнительных инспекций, которые также *осуществляют контроль* за применением принудительных мер медицинского характера. В статьях 19-23 данного нормативного документа говорится о тех видах контроля, которые могут реализовываться на сегодняшний день в уголовно-исполнительной системе. Это *контроль* органов государственной власти (ст. 19), *судебный контроль* (ст.20), *ведомственный контроль* (ст. 21), *общественный контроль* (ст. 23). Но несмотря на многократное упоминание данного термина, трактовка его смысла отсутствует, что позволяет нам только предполагать, что законодатель имел ввиду. Другой нормативный документ, принятый относительно недавно - Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» от 10.06.2008 №76-ФЗ³ в ст. 2, где содержатся основные понятия, используемые для целей настоящего закона, не предусматривает как определения контроля в целом, так и контроля общественного, что, на наш взгляд, вносит достаточно противоречий и неясностей в понимание данных терминов правоприменителями. Положение о ФСИН России, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 №1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний»⁴, в рамках полномочий предписывает ФСИН России осуществление контроля деятельности учреждений и органов УИС, а также контроля за соблюдением законности и обеспечения прав осужденных, лиц, содержащихся под стражей, и лиц, к которым применена мера пресечения в

¹ Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 (ред. от 20.04.2015) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 янв. 1997 №1-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Рос. газ. 1997. №9.

³ Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания : федер. закон от 10 июня 2008 г. №76-ФЗ (ред. от 12.02.2015) // Рос. газ. 2008. № 128.

⁴ Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний : указ Президента Рос. Федерации от 13 окт. 2004 №1314 (ред. от 20.01.2015) // Рос. газ. 2004. № 230.

виде домашнего ареста. Но конкретно что должно содержать в себе понятие контроля относительно пенитенциарной сферы, данный нормативный акт не отмечает. В положениях приказа ФСИН России от 28.08.2010 №378 «Об утверждении Порядка организации контроля в уголовно-исполнительной системе по зональному принципу и рекомендаций по ведению контрольно-наблюдательного дела территориального органа ФСИН России (учреждения уголовно-исполнительной системы)»¹ также отсутствует общее понятие контроля за деятельностью УИС, хотя закреплено понятие зонального контроля или контроля, осуществляемого по зональному принципу. Но, стоит отметить, что данное понятие носит узкий смысл, а именно отражает содержание ведомственного контроля.

Привлекает внимание то, что в пенитенциарном законодательстве встречается наряду с «контролем» термин «надзор». Причем отметим, что расширенное толкование понятия «надзор» является единичным случаем и применяется только к деятельности ограниченного круга органов, исполняющих наказания (уголовно-исполнительные инспекции, исправительные центры), в иных случаях термины «контроль» и «надзор» имеют бессистемное употребление, а также происходит смешивание присущих им функций. Если мы обратимся к пенитенциарному законодательству России периода XIX века, то отметим, что термин «контроль» не имел своего закрепления, а лишь ассоциировался с такими смежными категориями как «попечение», «наблюдение», «надзор», «управление», «заведывание», «ревизия». Это также наводит на мысль об отсутствии разницы в употреблении данных терминов.

Стоит отметить, что в настоящее время понятие пенитенциарного контроля фигурирует лишь в правовой науке, что позволяет нам говорить о его доктринальной дефиниции². Например, профессор С. М. Зубарев позиционирует контроль как системную деятельность уполномоченных органов государства и институтов гражданского общества по установлению соответствия функционирования персонала пенитенциарной системы

¹ Об утверждении Порядка организации контроля в уголовно-исполнительной системе по зональному принципу и рекомендаций по ведению контрольно-наблюдательного дела территориального органа ФСИН России (учреждения уголовно-исполнительной системы) : приказ ФСИН России от 28 авг. 2010 №378 // Ведомости УИС. 2011. № 1.

² См, например: Борсученко С. А. Контроль за соблюдением прав и законных интересов осужденных к лишению свободы уполномоченным по правам человека в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Давыдова И. А. Судебный контроль за исполнением уголовных наказаний : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 200; Карпов Э. С. Государственный финансовый контроль в уголовно-исполнительной системе: финансово-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 200; Федоров В. В. Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы как форма взаимодействия гражданского общества с государством : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.

нормативным предписаниям и корректированию выявленных отклонений при помощи административно-правовых средств¹. В учебниках уголовно-исполнительного права контроль трактуют как систему наблюдения и проверки соответствия деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, требованиям уголовно-исполнительного законодательства и иных нормативно-правовых актов с целью выявления и устранения имеющихся нарушений и их предупреждения в будущем². Данные понятия в целом отражают содержание контрольной деятельности, хотя и нуждаются в некоторых уточнениях.

Закрепление понятия «контроль» на сегодняшний день присутствует в налоговом³, земельном⁴ и ином⁵ законодательстве Российской Федерации. Лишь в пенитенциарной сфере данный вопрос остается неурегулированным. Стоит обратить внимание на то, что в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы российского государства контроль призван решать немаловажные задачи по ее успешному функционированию, и для этого необходимым условием является закрепление содержания данного понятия не только в трудах ученых-теоретиков, но и в нормах отечественного пенитенциарного законодательства, поскольку законодательные дефиниции, исходя из своего теоретического смысла, помогают исключить неясность в законе, установить единообразное понимание и использование данной правовой категории на территории России.

Легальное определение данного термина не только устранит существующую на сегодняшний день терминологическую путаницу в сфере осуществления пенитенциарного контроля, но и будет способствовать внесению ясности в правоприменительную практику.

¹ Зубарев С. М. Теория и практика контроля за деятельностью персонала пенитенциарной системы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 6.

² Уголовно-исполнительное право : учеб. для юрид. вузов / под ред. В. И. Селиверстова. 2-е изд. М., 2000. С. 91.

³ Ст. 82 Налогового кодекса РФ (часть 1) от 31.01.1998 № 146-ФЗ (ред. от 08.07.2015) // Собр. законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3824.

⁴ Ст. 71, 72, 72.1 Земельного кодекса РФ от 25.10.2001. № 136-ФЗ (ред. от 24.07.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

⁵ Например, О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федер. закон от 26 декабря. 2008 №294-ФЗ ст. 2 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

Ф. В. ГРУШИН,
кандидат юридических наук,
докторант факультета подготовки
научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России)

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВА

В теории уголовно-исполнительного права проблема факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительного законодательства и права является достаточно двоякой. С одной стороны любой специалист, разбирающийся в проблемах исполнения наказания, без труда назовет такие основные факторы как экономические политические и социальные. С другой стороны самостоятельные исследования системы факторов, влияющих на развитие уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительного права и законодательства практически отсутствуют. Отдельные аспекты теории факторов рассматривали такие ученые как А. И. Зубков, А. Е. Наташев, В. И. Селиверстов, И. В. Шмаров и ряд других.

На наш взгляд система факторов рассматриваемой сферы заслуживает гораздо большего внимания по следующим причинам.

Во-первых, любые изменения, происходящие в уголовно-исполнительном законодательстве, как в прочем и в любом другом, происходят под влиянием тех или иных факторов. Следовательно, комплексный системный анализ данных факторов позволит выявить закономерности, причины, особенности и недостатки развития действующего уголовно-исполнительного законодательства и, в конечном итоге, повысить эффективность исполнения уголовных наказаний.

Во-вторых, сведение всех факторов к банальным экономическим, политическим и социальным в корне не верно, так как упрощает существующую систему и не позволяет получить должного эффекта от ее анализа. Например, в рамках экономических факторов можно выделить такие группы факторов как: состояние экономики, экономико-географические факторы, уровень жизни населения. При этом каждая группа этих факторов, в свою очередь, состоит из нескольких факторов. Так экономико-географические факторы можно разделить, как минимум, на: фактор масштаба территории; фактор структуры территории; климатический фактор; природноресурсный фактор.

В-третьих, как показывает проводимое исследование, в большинстве случаев, на внесение (или невнесение) конкретных изменений в уголовно-исполнительное законодательство влияет не отдельный фактор, а системная совокупность самых различных факторов.

Например, ч. 1 ст. 99 УИК РФ предусматривает, что норма жилой площади в расчете на одного осужденного к лишению свободы в исправительных колониях не может быть менее двух квадратных метров. Данная норма не претерпела ни одного изменения с момента принятия кодекса в 1997 году. Рассмотрим, какие же факторы влияют на это.

С одной стороны, согласно Европейским пенитенциарным правилам, минимальные стандарты в указанной сфере составляют 4 кв. м на заключенного в многоместной камере и 6 кв. м - в одиночной камере. При этом данные минимальные стандарты основаны на более широком анализе конкретной тюремной системы, включающем данные о том, сколько реально времени заключенные проводят в собственной камере, и не должны рассматриваться в качестве нормы. Хотя Правила напрямую ни разу еще не определяли таких норм, имеющиеся сведения указывают на то, что в качестве желательного размера камеры на одного заключенного будет избрано 9-10 кв.м. В большинстве западноевропейских стран данные нормы соблюдаются. Кроме того, на необходимость увеличения норм жилой площади в исправительных колониях влияет и проводимая уголовно-исполнительная политика Российской Федерации, направленная на гуманизацию отбывания наказания. Таким образом, на изменение рассматриваемой статьи УИК РФ, в сторону увеличения норм жилой площади, влияют следующие факторы: внешнеполитические (международное право, зарубежный опыт исполнения уголовных наказаний) и внутривнутриполитические (проводимая уголовно-исполнительная политика, направленная на гуманизацию).

С другой стороны, увеличение нормы жилой площади в расчете на одного осужденного к лишению свободы в исправительных колониях повлечет для нашего государства существенные финансовые траты, что на любом этапе развития нашего государства, с учетом экономического положения, оказывается неприемлемым. Следующим фактором является уровень жизни населения. Даже в развитых странах, которые служат ориентиром для реформирования российской УИС, периодически высказывается возмущение относительно ситуации, когда уровень жизни осужденных превышает уровень жизни их надзирателей¹. Еще более отчетливо неприятие подобной практики прослеживается в России. Условия жизни, созданные террористу А. Брейвику, лишившему жизни свыше семидесяти человек и приговоренному к 21 году лишения свободы (трехкомнатное помещение с тренажерным залом, компьютером, ванной, спальней, кухней, возможностью перепрофилирования помещения в клинику для психически больного, обращения к психологу и пр.), вызывают, по меньшей мере, недоумение. Во взаимосвязи с данным фактором, выступает и следующий фактор – общественное мнение, в соответствии с которым осужденные в местах лишения свободы должны содержаться в достаточно строгих условиях.

¹ См.: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2308562&cid=5>.

В конечном итоге такие факторы как состояние экономики, уровень жизни населения и общественное мнение оказывают большее влияние, чем международное право, зарубежный опыт исполнения уголовных наказаний и проводимая уголовно-исполнительная политика, направленная на гуманизацию. В результате норма жилой площади в расчете на одного осужденного к лишению свободы в исправительных колониях на протяжении многих лет сохраняется в размере двух квадратных метров.

В-четвертых, принятие тех или иных правовых новел без учета существующих, в настоящий момент, факторов может привести к негативным последствиям.

Например, появление в свое время таких уголовных наказаний как арест, ограничение свободы (в редакции 1997 года), принудительные работы было осуществлено без учета экономических факторов. В результате арест висит мертвым грузом в УК РФ и УИК РФ с 1996 года, принудительные работы – с 2011, а ограничение свободы в первоначальном виде так и не было введено в действие. Еще более неприятная ситуация связана с реализацией отдельных положений Концепции развития УИС до 2020 года, которые предусматривают замену исправительных колоний на тюрьмы. Если в случае с арестом, ограничением свободы, принудительными работами негативные последствия в основном связаны с качеством законодательного процесса, отвлечением людских ресурсов на решение спорных задач, то в случае с реализацией положений концепции можно уже говорить о неэффективной растрате средств, так как в ряде регионов, под давлением предыдущего руководства ФСИН России, уже началась реконструкция существующих исправительных учреждений без принятия окончательного законодательного решения, подтверждающего переход на тюремную систему.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что развитие уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительного законодательства и права происходит под влиянием сложной, многоуровневой и взаимосвязанной системой факторов, требующей дальнейшего комплексного изучения и всестороннего анализа.

И. А. ДАВЫДОВА,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-исполнительного права
(Академия ФСИН России)

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ К ПОЖИЗНЕННОМУ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

В действующем уголовном законодательстве пожизненное лишение свободы предусмотрено лишь за особо тяжкие преступления, преимущественно связанные с посягательством на жизнь человека. Неопределенность жизненной перспективы, вызванная назначенной судом мерой наказания в виде пожизненного лишения свободы, способна оказать на осужденного негативное воздействие, близкое к состоянию фрустрации (крушению надежд).

Вместе с тем необходимо отметить то важное обстоятельство, что уголовный закон формально сохраняет для осужденного рассматриваемой категории возможность условно-досрочного освобождения. Применение условно-досрочного освобождения в отношении пожизненно лишенного свободы дает возможность проживания в позитивной социальной среде, является важнейшим стимулом для его исправления.

По УК РСФСР 1960 г. пожизненное лишение свободы применялось в случае помилования. По данным исследований более 15 % пожизненно лишенных свободы отбывают эту меру в порядке помилования по указу Президента РФ¹. Соответственно, в отношении указанной категории наступает срок, отбытие которого предусмотрено в качестве формального критерия условно-досрочного освобождения пожизненно осужденных, – 25 лет.

При этом следует подчеркнуть, что законодательный механизм условно-досрочного освобождения осужденных к пожизненному лишению свободы имеет целый ряд недоработок, которые не нашли своего разрешения в настоящее время. Институт условно-досрочного освобождения в части его применения в отношении пожизненно лишенных свободы нуждается в существенном уточнении положений, определяющих условия и основания его применения (ч. 5 ст. 79 УК РФ), а также касающихся установления ограничений в отношении указанной категории.

Ретроспективный анализ российского законодательства, а также изучение зарубежного опыта применения института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания пожизненно осужденных позволяет

¹ Горбач Д. В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань. 2012.

сделать вывод о необходимости установления определенных правовых ограничений, в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы освобождаемых условно-досрочно из мест лишения свободы.

Во-первых, следует уточнить законодательный перечень осужденных к пожизненному лишению свободы, к которым условно-досрочное освобождение не применяется. Так, например, в законодательстве ряда зарубежных государств предусматривается пожизненное лишение свободы с возможностью досрочного освобождения и без. Кроме того, в российском законодательстве на различных этапах исторического развития указывались категории осужденных, к которым условно-досрочное освобождение не применяется.

Что касается подготовки такого перечня, то можно согласиться с мнением Д.В. Горбача, который предлагает включать в него лиц: а) осужденных за террористический акт, сопряженный с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ или повлекших умышленное причинение смерти человеку (ч. 3 ст. 205 УК РФ); создание или участие в преступном сообществе, совершенное лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ); б) совершивших умышленное преступление в период отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы; в) которым смертная казнь заменена пожизненным лишением свободы в порядке помилования или амнистии¹.

Во-вторых, с учетом того, что осужденные, отбывающие наказание в виде пожизненного лишения свободы, характеризуются более высокой степенью общественной опасности, а также принимая во внимание, что покамерное содержание затрудняет процесс изучения их личности с точки зрения взаимодействия с социумом, не позволяет прогнозировать возможное поведение осужденных после освобождения. В целях более тщательного изучения личности предполагаемого освобождаемого необходимо перевести осужденных из камер в общежития. В связи с чем, предлагаем предусмотреть за 1 год до наступления срока условно-досрочного освобождения осужденных, отбывающих наказание в облегченных условиях, в целях успешной социальной адаптации перевод их по постановлению начальника колонии в специально предназначенное помещение для подготовки осужденных к освобождению.

В-третьих, в соответствии с ч. 5 ст. 79 УК РФ, лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может быть освобождено условно-досрочно, если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании наказания. По нашему мнению суду для этого необходимо оценить

¹ Горбач Д. В. Указ. соч.

психическое состояние освобождаемого (с учетом длительного срока отбывания наказания, категорий преступлений, совершенных ими и т.д.), а также степень его опасности для общества.

Для обеспечения обоснованности принятия решения суда об УДО и нецелесообразности полного отбытия осужденным наказания, считаем необходимым за 6 месяцев до наступления срока условно-досрочного освобождения предусмотреть проведение судебно-психиатрической экспертизы осужденного, данные о результатах которой, должны быть представлены в суд для решения вопроса об условно-досрочном освобождении указанной категории осужденных. А также в характеристике, которую готовит администрация ИУ на осужденного, подавшего ходатайство об УДО, должны содержаться данные комиссии ИУ о степени его опасности для общества.

В-четвертых, с учетом повышенной общественной опасности лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы и сложности рассматриваемого вопроса, а также зарубежного опыта, где дела об условно-досрочном освобождении пожизненно осужденных рассматриваются комиссионно, при этом имеется обязательный перечень документов, которые должны быть исследованы в ходе рассмотрения указанной категории дел, считаем необходимым рассмотрение вопроса об условно-досрочном освобождении пожизненно осужденных осуществлять коллегией из трех судей, что позволяет действующий УПК РФ.

Кроме того, ч. 7 ст. 79. УК РФ предусматривает правовые последствия неправомерного поведения для лиц, условно-досрочно освобождаемых из мест лишения свободы, в течение оставшейся неотбытой части наказания. В отношении лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, нет соответствующего срока. В науке имеются различные предложения относительно установления такого срока: либо максимальный срок снятия судимости, либо не менее 10 лет, либо пожизненно. При этом указанный срок предлагают называть «контрольным» или «испытательным».

На наш взгляд, наиболее правильно следовало бы говорить об испытательном сроке, поскольку освобождение лица от дальнейшего отбывания пожизненного лишения свободы применяется судом условно. Под испытательным сроком следует понимать определенный промежуток времени, на протяжении которого осуществляется контроль за освобожденным от дальнейшего отбывания пожизненного лишения свободы, который под угрозой отмены такой поощрительной меры, обязан выполнять возложенные на него судом обязанности и другие условия испытания. Этот срок содержит в себе угрозу реальной отмены условного освобождения и возвращения в места лишения свободы для дальнейшего отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы. Считаем необходимым внести соответствующие изменения в законодательство, установив испытательный срок в отношении указанной категории не менее 10 лет.

Большое внимание при условно-досрочном освобождении пожизненно осужденных по нашему мнению должно уделяться ограничениям, применяемым к ним после освобождения из мест лишения свободы.

Применяя условно-досрочное освобождение, суд может возложить на осужденного исполнение определенных обязанностей (ст. 73 УК РФ). Что касается лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, то никаких особенностей по возложению на них обязанностей, либо указания на то, что суд *должен* в отношении указанной категории их установить, в законодательстве не предусмотрено. При этом следует подчеркнуть, что далеко не во всех случаях суд использует свое право на возложение соответствующих обязанностей, кроме того, до сих пор не создан в России специализированный государственный орган, осуществляющий контроль за поведением лиц, осужденных условно-досрочно (предусмотренный ч. 6 ст. 79 УК РФ).

Полагаем несправедливым отсутствие правовой ответственности для пожизненно осужденных за неисполнение обязанностей или другое противоправное поведение условно-досрочно освобожденного из мест лишения свободы. На наш взгляд, с учетом специфики данной категории правонарушителей следовало бы либо перечень индивидуальных обязанностей установить специально в ст. 79 УК РФ, либо необходимо установление административного надзора за лицами, освобождаемыми условно-досрочно от отбывания пожизненного лишения свободы, внеся соответствующие изменения в ст. 173¹ УИК РФ и законодательство об административном надзоре.

Таким образом, полагаем, что указанные предложения существенным образом скорректируют законодательный механизм условно-досрочного освобождения осужденных к пожизненному лишению.

О. В. ДЕМИДОВА,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры теории и истории государства и права
(Воронежский институт ФСИН России)

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ НА РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

В настоящее время многие положения международных правовых стандартов обращения с осужденными нашли свое отражение в законодательстве Российской Федерации. Так, цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 УИК РФ) соответствуют международным нормам; в контексте международных стандартов в УИК РФ сформулированы принципы российского уголовно-исполнительного законодательства (ст. 8); под воздействием международных стандартов в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве были регламентированы основы правового положения осужденных (ст. 10 УИК РФ). Кроме базовых положений уголовно-исполнительное законодательство отражает и конкретные положения международных актов, касающиеся, например, дифференциации осужденных, правового регулирования условий отбывания наказания, режимных требований, организации труда, воспитательной работы, обучения, подготовки к освобождению, социальному и пенсионному обеспечению и т. д.

Можно констатировать, что законодательные изменения, происшедшие в России, позволили адаптировать отбывание наказания в виде лишения свободы к международным стандартам. «В частности, осужденным больным, инвалидам, беременным женщинам, кормящим матерям, несовершеннолетним установлены повышенные нормы питания ... для медицинского обслуживания осужденных организованы лечебно-профилактические учреждения, а для содержания и амбулаторного лечения осужденных, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией, ВИЧ-инфицированных осужденных – лечебно-исправительные учреждения; осужденным предоставлено право на телефонные разговоры, выезд за пределы учреждения, перевод в облегченные условия содержания, проведение длительных свиданий вне колонии; ограничены максимальные сроки пребывания осужденных в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа и т. д.»¹.

Однако, сделать вывод о всеобщей реализации международных норм в процессе исполнения уголовных наказаний, безусловно, невозможно².

В настоящее время можно говорить о продолжении поэтапного внедрения международных пенитенциарных стандартов в отечественную

¹ Добрынина М. Л. Международно-правовые основы правового положения лиц, содержащихся в исправительных учреждениях // СПС «КонсультантПлюс».

² Демидова О. В. Источники уголовно-исполнительного права : монография. Воронеж, 2013. С. 64.

практику исполнения уголовных наказаний. Отчасти это отражено в утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.¹

Концепция своей первоочередной целью ставит повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей современного общественного развития. Для достижения поставленной цели предполагается провести комплекс организационно-правовых, социально-экономических и технических преобразований. Концепция определяет реформирование системы учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, предусматривая разработку основанных на стандартах Европейских пенитенциарных правил (2006 года) моделей тюрьмы и колонии-поселения с учетом требований безопасности общества и персонала уголовно-исполнительной системы, а также необходимости реализации целей исправления осужденных; совершенствование механизма распределения осужденных в ИУ; дифференциацию условий содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

Поскольку реформа уголовно-исполнительной системы согласно Концепции предполагает построение системы исправительных учреждений, основанной на требованиях Европейских пенитенциарных правил, интересным на наш взгляд, является исследование, проведенное сотрудниками НИИ ФСИН России, направленное на изучение необоснованных лимитов и запретов в уголовно-исполнительном законодательстве. Коллективом автором сформулированы предложения о ликвидации необоснованных лимитов и запретов, связанных с местом отбывания наказания и размещением, гигиеной, питанием, получением юридической помощи, занятием спортом и организацией досуга, свободой совести и религиозных вероисповеданий, информированием, особыми категориями осужденных, медицинским обслуживанием, дисциплиной и наказанием, применением специальных средств, рассмотрением заявлений и жалоб². Предлагаемые законодательные новеллы позволят приблизить условия содержания подозреваемых, обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения заключение под стражу, и осужденных к лишению свободы к европейским нормам.

Следует обратить внимание на то, что международные пенитенциарные стандарты, рекомендуют государствам расширять применение мер, не связанных с изоляцией от общества, принимать во внимание потребности правонарушителя с точки зрения его возвращения к нормальной жизни в обществе, интересы защиты общества и интересы жертвы, поэтому, несмотря на то, что до сих пор ведущее место в структуре назначаемых наказаний занимает лише-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.

² Влияние международных правовых актов на уголовно-исполнительное законодательство России : коллективная монография / А. Н. Антипов и др. Тверь, 2015. С. 31–47.

ние свободы, в настоящее время российская уголовная политика направлена на расширение сферы применения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции осужденных от общества¹. Важнейшим и приоритетным направлением развития уголовно-исполнительной системы на длительную перспективу является совершенствование режима исполнения системы наказаний, не связанных с изоляцией от общества, совершенствование системы учреждений и органов, исполняющих наказания без изоляции от общества.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.² предусмотрено создание в РФ государственной службы пробации. Актуальным в этой связи является научная дискуссия о необходимости создания службы пробации.

«Пробация» (от лат. *probatio* - испытание) - юридический термин, который используется в международном праве для определения названия и деятельности службы, которая исторически создавалась для организации работы с осужденными, но не лишенными свободы, или освобожденными из-под стражи.

Государственная служба пробации в зарубежных странах представляет собой государственное учреждение, основными направлениями деятельности которого являются развитие и организация политики исполняемых в обществе уголовных наказаний и оказание помощи лицам после освобождения из учреждений лишения свободы. В настоящее время в России службы, аналогичной зарубежным службам пробации, не существует. К сожалению, уголовно-исполнительные инспекции, исполняющие наказания, не связанные с изоляцией от общества и осуществляющие контроль за условно осужденными и лицами с отсрочкой исполнения приговора, не выполняют многие функции зарубежных служб пробации: «не представляют досудебные доклады суду и прокурорам, в том числе при решении судом вопроса о мере пресечения в виде ареста; не организывают процедуры примирения между потерпевшим и жертвой преступления; не разрабатывают и не осуществляют программы коррекции социального поведения поднадзорных лиц; не решают задач наилучшего обеспечения интересов несовершеннолетнего осужденного»³. По нашему мнению, необходимо принятие на федеральном уровне закона «О Федеральной службе пробации», а также внесение соответствующих изменений в УК РФ, УПК РФ и УИК РФ. В заключении, можно сделать вывод о том, что международные пенитенциарные стандарты, носящие, в том числе рекомендательный характер, определяют долгосрочные перспективы развития российской пенитенциарной системы.

¹ Мусаелян М. Ф. Развитие альтернативных лишению свободы наказаний – важнейшее направление гуманизации уголовно-исполнительной политики // СПС «КонсультантПлюс».

² О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 47. Ст. 5489.

³ Давыденко А. В. Некоторые аспекты создания в российской федерации системы пробации // СПС «КонсультантПлюс».

М. С. ДИКАЕВА,
аспирант кафедры уголовного права
(Российский государственный
педагогический университет имени А. И. Герцена)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В современной России (да и в мире в целом) проблема уголовного наказания является как никогда актуальной. Одними из ее аспектов являются поиски наказаний, альтернативных лишению свободы, и эффективное применение уже существующих наказаний. Для решения этих двух важных вопросов для уголовного и уголовно-исполнительного права в 2010 году была принята Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года¹.

Наибольший интерес в вопросе эффективного применения существующих видов наказания представляет исполнение такого наказания, как лишение свободы. На сегодняшний день в России данный вид наказания является самым распространенным. Так, в 2014 г. к лишению свободы (в условном и безусловном виде) было приговорено более половины всех осужденных (56,8 %)².

Условия содержания осужденных – самая серьезная проблема пенитенциарных учреждений, которая характерна для большинства стран мира. Россия не исключение. Распространенность тяжелых заболеваний (ВИЧ, туберкулез, наркомания) в местах лишения свободы значительно выше, чем по стране в целом. Так, показатель по туберкулезу превышает общероссийский в 27 раз, наркомании – в 30 раз, ВИЧ-инфекции – в 18 раз³. За 2014 г. в пенитенциарных учреждениях всего умерло 4063 человека, из них 3542 в результате заболевания⁴.

Условия отбывания осужденными наказания в пенитенциарных учреждениях не могут не стимулировать формирование криминальной субкультуры. Как справедливо отмечается в научной литературе, места уго-

¹ См.: Собрание законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2014 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2884>.

³ Интервью первого заместителя директора ФСИН России Анатолия Рудого информационному агентству «Интерфакс» от 3 мая 2015 г. // <http://www.interfax-russia.ru/exclusives.asp?id=572046>.

⁴ Выступление Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 29.04.2015 // Тюремный портал России: <http://prisonlife.ru/analitika/3136-problemy-v-obespechenii-zakonnosti-v-sfere-ispolneniya-ugolovnyh-nakazaniy-v-rossiyskoy-federacii.html>.

ловно-административной изоляции и лишения свободы являются несомненным университетом по отработке отдельных обычаев и средств коммуникации криминальной среды¹. Рассказывает свои первые впечатления после прибытия в колонию 16-летний Михаил: «Когда меня завели в камеру, я осмотрелся и заплакал. Она была такая мрачная, и все в ней были лысые, с черными зубами, тела в наколках. Я подумал, что мне здесь не выжить весь свой срок. Мне начали рассказывать все тюремные понятия, я запоминал и старался придерживаться их, так как если не придерживаться, то сами зэки могут сделать из тебя кого угодно»². Из этого примера ярко видно, что осужденный, прибывший в место своего заключения, если и не был на свободе носителем криминальной субкультуры, в исправительных учреждениях становится таковым, даже вопреки своей воле, лишь для того, чтобы выжить. Мы абсолютно согласны с мнением Вивьен Стерн, научным сотрудником Международного Центра по изучению тюремных вопросов в Королевском колледже в Лондоне: «...Многие из тех, кто сидит в тюрьме, – совсем не опасные, буйные личности. Большинство из них, отсидев свой срок, выйдут на волю и снова будут жить в обществе. И их-то пребывание в тюрьме сделает более склонными к преступлениям, ослабив те факторы, что связывают человека с обществом: семейные и дружеские связи, возможность найти жилье и работу, пользоваться уважением окружающих»³.

В России была предпринята попытка замены существующей системы исправительных учреждений на 2 основных вида – тюрьмы (общего, особого и усиленного режимов) и колонии-поселения (с обычным и усиленным наблюдением). Отдавая предпочтение тюрьмам, разработчики Концепции развития уголовно-исполнительной системы отмечали необходимость фактического прекращения коллективного содержания осужденных, поскольку последние постоянно пребывают в состоянии стресса, обусловленного необходимостью лавирования между требованиями администрации и основной массы осужденных⁴. Коллективное содержание осужденных лишь способствует распространению криминальной субкультуры среди осужденных и никак не содействует делу их исправления.

Считаем такую позицию неоднозначной. Эффективным заключение в одиночную камеру будет для действительно опасных преступников – маньяков, насильников, рецидивистов. Для большинства же осужденных запирание в одиночных камерах будет только способствовать их отстранению от тех проблем, которыми живет социум. Впоследствии такому человеку

¹ См.: Гилинский Я. И. Указ соч. С. 244; Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1991; Абрамкин В. Ф. Поиски выхода. Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., 1996.

² Осторожно, тюрьма... М., 2006. С. 40.

³ Стерн В. Тюрьма есть тюрьма. URL : <http://prison.org/lib/comments/stern001.htm>.

⁴ Там же.

намного сложнее «приноровиться» к обществу после освобождения, он будет отчужден от него и не способен в него вписаться. Кроме того, справедливо замечание правозащитника Л. Пономарева о том, «колонии находятся в более или менее открытой зоне. Если избил одного заключенного, другие видят и сообщают на волю с помощью мобильных телефонов. А когда все разведены по камерам, можно делать что угодно – и никто ничего не услышит и не увидит»¹. Данная идея не получила своего дальнейшего развития из-за отсутствия соответствующего финансирования².

На наш взгляд, для того, чтобы у осужденных отсутствовала возможность приобщения к криминальной субкультуре и ведения соответствующего образа жизни в пределах колоний, в местах лишения свободы необходимо организовывать такую деятельность среди осужденных, которая могла бы «подменить» собою деятельность криминальную. Таким образом сработал бы принцип сублимации. Подобным сублимирующим действием могут и должны обладать самодеятельные организации осужденных. Ст. 111 Уголовно-исполнительного кодекса РФ была отменена, тем не менее такие организации в местах лишения свободы существуют, но законодательно их деятельность сегодня не урегулирована. Самодеятельные организации осужденных призваны проводить спортивные мероприятия, организовывать стенную печать, работу художественной самодеятельности, общеобразовательного и профессионального обучения, трудовой адаптации, досуга, социальной помощи и др. Предназначением органа общественной самодеятельности осужденных является, в том числе, поддержание и развитие общественных начал, положительных социальных связей осужденных к лишению свободы как между собой, так и с лицами за пределами исправительного учреждения, что должно способствовать, в конечном счете, ресоциализации осужденных и их социальной адаптации.

До отмены ст. 111 УИК РФ наличие самодеятельных организаций в местах лишения свободы являлось императивной нормой, т.е. их создание и функционирование определялось не потребностью в них самих осужденных, а насаждением такой инициативы сверху. В итоге это приводило к тому, что, согласно результатам опроса начальников отрядов, проведенного в феврале 2011 г., более 70 % начальников отрядов признавались: различные секции в отрядах существовали «только на бумаге». А если таковые и существовали на самом деле, то в отрядах работали лишь некоторые секции (чаще санитарно-бытовая и культурно-массовая). Некоторые осужденные, чьи фамилии числились в списках «членов» и «активных членов» самодеятельных организаций и секций, даже не знали о своем статусе

¹ Кожевникова Е. Минюст отводит заключенных от лишения свободы // Infox.ru. – 2010. 15 февр. URL : http://accel2.infox.ru/authority/law/2010/02/15/Ryeforma_FSIN.phtml.

² Маेतная Е., Петелин Г. Минюст и ФСИН пересмотрели тюремную реформу // Известия. 2014. 22 сент. URL: <http://izvestia.ru/news/576960#ixzz3EE5WmsKR>.

се. А те, кто знали, что являются членами самодеятельных организаций, признавались, что они ничего не делают¹.

Очевидно, что обязательность наличия самодеятельных организаций, вне зависимости от инициативы осужденных, лишь способствует неприятию подобных организаций. В связи с этим одним из важнейших принципов создания самодеятельных организаций должна стать добровольность участия в них. Естественно, очень сложно заставить осужденных понять необходимость создания подобных секций, однако серьезная психологическая работа должна способствовать образованию инициативы у осужденных. Вообще же психологическая работа с осужденными – одно из важнейших средств их исправления. Не зря создатели вышеупомянутой Концепции развития уголовно-исполнительной системы говорят о необходимости изменения идеологии применения основных средств исправления осужденных в местах лишения свободы с усилением психолого-педагогической работы с личностью и подготовки ее к жизни на свободе. В конечном счете, эффективное функционирование самодеятельных организаций осужденных должно способствовать ресоциализации осужденных и их социальной адаптации.

¹ См.: Дикаев С. У. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и проблемы организации отбывания наказания в виде лишения свободы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 2 (25). С. 68.

Т. И. ЕГОРОВА,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права
(Академия ФСИН России)

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАКАЗАНИЯ

Интересы общества и государства представляют собой особую социальную ценность. Несмотря на общепринятый и установленный в праве принцип приоритета личного перед общественным, очевидна повышенная общественная опасность посягательств на интересы индивидуально неопределенного круга лиц.

Осуществление внутривластных функций связано с предоставлением гражданам и иным лицам, находящимся на суверенной территории государства, определенных социально-правовых гарантий, обеспечение которых невозможно без установления ограничений и запретов, строгость которых соответствует степени их социальной полезности.

Особое значение в этой связи приобретают наиболее строгие запреты, нарушение которых влечет негативные уголовно-правовые последствия. Возможность срочного и условного исполнения уголовного наказания, освобождения от его отбывания, досрочного снятия и погашения судимости предполагают эффективное исполнение уголовного закона, которое основано на усилении позитивной ответственности, в том числе, лиц, осужденных за совершение преступления. Поэтому уголовно-правовая охрана общества от наиболее опасных общественно опасных посягательств, совершенных осужденными и имеющими неснятую и непогашенную судимость, приобретает особое значение.

Статистические данные свидетельствуют, что на фоне общего снижения количества осужденных и лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, стабильным остается уровень осужденных, снятых с учета в связи с совершением нового преступления (около 28,3 % – в 2009 г., 31,5 % – в 2014 г.). Несмотря на снижение за предыдущие пять лет количества преступлений в местах лишения свободы с 893 случаев в 2009 г. до 754 – в 2014 г. (по взрослым осужденным), уровень преступлений на 1000 осужденных увеличился с 1,22 случаев в 2009 г. до 1,36 – в 2014 г. Негативной является динамика количества осужденных, имеющих три и более судимости: если в 2009 г. в местах лишения свободы отбывали наказание 156121 таких осужденных, то в 2014 г. – 207860 (+ 33%). При этом в местах лишения свободы произошло снижение количества осужденных, судимых повторно.

Очевидно, что для лиц, исполнение наказания в отношении которых оказалось неэффективным, целесообразно предусмотреть более строгие

меры уголовно-правового воздействия. В соответствии с этим в Общей части УК РФ содержатся специальные уголовно-правовые предписания, касающиеся особенностей уголовной ответственности и наказания лиц, имеющих неснятую и непогашенную судимость. Статья 18 К РФ закрепляет понятие и виды рецидива преступления. При этом критериями отнесения рецидива к категории опасного или особо опасного осуществляется с учетом наличия у виновного судимости, связанной с реальным лишением свободы (п. «б» ч. 2 и ч. 3). Также в п. «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ законодателем использовано понятие осужденного, статус которого имеет значение, для определения оснований назначения более строго вида исправительного учреждения.

Так, Президиума Верховного Суда РФ в своем постановлении от 5 марта 2014 г. № 362-П13 изменил приговор нижестоящего суда в отношении осужденного за закупку, перевозку, хранение и незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере, признал в его действиях вместо особо опасного рецидива преступлений опасный рецидив преступлений и назначил отбывание наказания в виде лишения свободы в исправительной колонии строгого режима вместо особого режима.

Рецидив преступления выступает отягчающим наказанием обстоятельством (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ), влечет назначение более строгого наказания по правилам, предусмотренным ст. 68 УК РФ.

Применительно к несовершеннолетним осужденным в ч. 6 ст. 88 УК РФ установлены ограничения для назначения наказания в виде лишения свободы при совершении виновным преступления впервые, несмотря на то, что при признании рецидива преступлений «не учитываются судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет» (п. «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ). Подобное законодательное решение представляется весьма обоснованным в связи с особой ответственностью общества за развитие воспитание детей в благоприятных социальных условиях.

Законодатель в УК РФ обоснованно уделяет особое внимание характеру и степени криминальной активности лица, вновь совершившего преступление, его криминальному опыту, эффективности отбытого им ранее наказания, возможности исправления без изоляции от общества.

Наличие осуждения к реальному лишению свободы за предыдущее преступление имеет существенное значение для определения необходимого срока фактического отбытия наказания при определении оснований условно-досрочного освобождения (п. «в» ч. 3 ст. 79 УК РФ). На данный факт неоднократно обращал внимание Верховный Суд Российской Федерации в своих разъяснениях (см.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания Президиума Верховного Суда РФ 29 апреля 2014 г.).

При равных характеристиках общественной опасности преступления, наличии пенитенциарного рецидива, решающее значение при определении вида и характера наказания приобретают индивидуально значимые характеристики виновного, в том числе отбывание им ранее реального лишения свободы.

Таким образом, уголовное законодательство придает исключительное значение совершению лицом преступления, если он отбывал или отбывает наказание в виде реального лишения свободы, независимо от назначения данного наказания срочно или бессрочно.

В соответствии с этим уголовно-исполнительная система располагает определенным набором превентивных средств, позволяющих эффективно участвовать в механизме противодействия преступности. Органы и учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы, осуществляют свою деятельность в строгом соответствии с законом, соблюдение которого является гарантией обеспечения прав и законных интересов отдельных лиц и общества в целом, чтобы у осужденных формировалось «чувство ответственности и сознание человеческого достоинства (п. 60 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными ООН 30 августа 1955 г.).

Действительно, помещение осужденного, виновного в совершении преступления, в условия изоляции от общества является весьма строгой мерой, связано с лишением естественной потребности в самоопределении и стремлению к ее удовлетворению. Однако, учитывая зачастую устойчивую криминальную направленность лиц, отбывающих реальное лишение свободы, исправление которых невозможно без изоляции от общества, требуется наличие специальных предписаний. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными ООН от 30 августа 1955 г. подчеркивают: «Дисциплину и порядок следует поддерживать с твердостью, вводя, однако, только те ограничения, которые необходимы для обеспечения надежности надзора и соблюдения должных правил общежития в заведении» (п. 27). Также, в них признается, что в местах лишения отбывают наказание различные осужденные, в том числе те, «кто в силу своего преступного прошлого или отрицательных черт характера грозит оказать ... плохое влияние» (п. 67).

Сохранение криминальной активности и наличие криминального опыта у осужденных к лишению свободы представляет повышенную опасность для других лиц, препятствует эффективному применению средств исправления, обеспечению надлежащих условий исполнения и отбывания наказания.

В местах лишения свободы исполнение наказания осуществляется в отношении осужденных, достижение целей наказания в отношении которых существенно затруднено. Особое значение обеспечение надлежащего порядка и условий лишения свободы приобретает в связи с необходимостью предотвращения совершения общественно опасных посяга-

тельств. В связи с этим, уголовно-исполнительное законодательство содержит систему норм, направленных на предупреждение и пресечение преступлений в местах лишения свободы (например, приказом Минюста РФ от 3 ноября 2005 г. № 205 утверждены Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, Перечень вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать), привлечение к ответственности осужденных, допустивших нарушение установленных порядка и условий исполнения и отбывания наказания.

Административное законодательство предусматривает основания и условия ответственности за посягательства, связанные передачей либо попыткой передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или изоляторах временного содержания (ст. 19.12 КоАП РФ).

Особенная часть УК РФ закрепляет признаки отдельных составов преступлений, совершение которых возможно лишь в условиях лишения свободы, которые весьма там распространены, создают реальную угрозу интересам личности, общества и государства.

Так, преступления, предусмотренные ст.ст. 313 и 321 УК РФ, посягая на охраняемые уголовным законом интересы государственной власти, создают угрозу или причиняют вред жизни или здоровью иных лиц.

Специальный уголовно-правовой запрет содержится в п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, где среди квалифицирующих обстоятельств незаконного производства, сбыта или пересылки наркотиков указано совершение указанных деяний в следственном изоляторе и исправительном учреждении. Данное положение соответствует требованиям Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988 г.), которая обязывает Стороны обеспечить возможность компетентным органам принимать во внимание в качестве обстоятельств, отягчающих правонарушения, тот факт, что правонарушение совершено, в частности, в исправительном учреждении (ст. 5 п. «g»).

Очевидно, что незаконный оборот наркотиков в местах лишения свободы является нарушением порядка и условий отбывания наказания.

Так в июле 2015 г. оперативными сотрудниками ИК-2 УФСИН России по Рязанской области и УФСНК в ходе досмотра почтового отправления, поступившего на имя одного из осужденных, были изъяты шесть полимерных пакетиков с веществом растительного происхождения, завернутых в конфетные фантики. По данным исследования, вещество общей массой 21,3 грамма оказалось наркотическим производным метилового эфира – метил-3-метил-2-(1-пентил-1H-индазол-3-карбоксамидо) бутановой кислоты, которые нередко входят в состав, так называемых, «курительных смесей», относятся к категории синтетических каннабиноидов.

Незаконный оборот в местах лишения свободы запрещенных или ограниченных в гражданском обороте предметов безусловно обладает повышенной общественной опасностью. Однако не менее опасным является наличие у осужденных в незаконном хранении иных предметов (средств связи, денежных средств, ценностей), оборот которых в местах лишения свободы способен спровоцировать конфликтные ситуации, облегчить подготовку и совершение преступлений. Так, в 2014 г. в местах лишения свободы изъято 6,4 млн. рублей, 47634,7 л. спиртных напитков, 92026 г. наркотических средств, 9609 колюче-режущих предметов, предотвращено 61646 преступлений, из которых около 90 % являются преступлениями против личности.

В таких условиях позитивная роль уголовного права представляется недооцененной законодателем.

Очевидно, что совершение любого административного правонарушения и преступления в местах лишения свободы обладает специфическим характером и повышенной степенью общественной опасности, так как нарушает установленный порядок и условия исполнения и отбывания наказания, препятствует достижением наказания своих целей.

В этой связи обоснованным представляется дополнение УК РФ новой уголовно-правовой нормой об ответственности осужденных, отбывающих наказание в условиях изоляции от общества, за приобретение, хранение и передачу запрещенных предметов другим осужденным.

Целесообразным представляется также дополнение перечня обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ), указанием на совершение преступления в местах лишения свободы, а также изменение редакции п. «а» ч. 2 ст. 228 УК РФ путем замены слов «в следственном изоляторе, исправительном учреждении» на словосочетание «в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества».

Подобные законодательные решения отразят необходимость более системного подхода к противодействию пенитенциарной преступности, позволят создать правовые предписания, направленные на предотвращение действий, создающих угрозу дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, повысят социальную эффективность наказания. Предложенные изменения позволят при исполнении наказания дифференцировать лиц, имеющих устойчивую криминальную направленность, и, путем их привлечения к уголовной ответственности, изменять вид, срок и размер наказания по правилам, назначения наказания по совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ).

О. С. ЕПИФАНОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
(Академия ФСИН России)

ПОДГОТОВКА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ К ОСВОБОЖДЕНИЮ ОТ НАКАЗАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТАХ И РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Заключительным этапом в деятельности исправительных учреждений в процессе исполнения наказания является подготовка осужденных к освобождению. От качества ее проведения во многом зависит эффективность всей предшествующей деятельности и закрепление результатов исправления, также она важна с точки зрения создания условий для успешной социальной адаптации и ресоциализации освобождаемых.

Подготовку к освобождению можно рассматривать в широком и узком смысле. В первом случае – это комплекс мероприятий, проводимых с осужденными с первых дней пребывания в исправительном учреждении, направленный на их исправление и ресоциализацию; во втором – работа с конкретным осужденным в период, непосредственно предшествующий освобождению, направленная на оказание помощи по нормализации или восстановлению полезных социальных связей, предварительное решение вопросов трудового и бытового устройства, а также психологическая подготовка к условиям жизни на свободе¹.

Цель подготовки осужденных к освобождению подчеркнута в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными 1955 г.. В правиле 80 говорится, что «с самого начала отбывания срока заключения следует думать о будущем, которое ждет заключенного после его освобождения. Поэтому ему следует помогать поддерживать и укреплять связи с лицами или учреждениями, находящимися за стенами заведения, которые способны защищать интересы его семьи и способствовать его включению в жизнь общества после освобождения».

Большое значение подготовке осужденных к освобождению уделяется в Европейских пенитенциарных правилах 2006 г. В правилах 5–7 этого документа определяется что: «Жизнь в местах лишения свободы должна быть, насколько возможно, приближена к позитивным аспектам жизни в обществе. Содержание под стражей должно быть организовано таким образом, чтобы способствовать возвращению лиц, лишенных свободы, в общество. Следует поощрять сотрудничество с внешними социальными

¹ См.: Наказание и исправление преступников / под ред. Ю. М. Антонына. М., 1992. С. 205.

службами и, насколько возможно, участие гражданского общества в жизни заключенных».

В работе по подготовке осужденных к освобождению, как правило, выделяют две группы мероприятий, различающихся в зависимости от мест их проведения: 1) связанные с подготовкой к освобождению, проводимые в исправительном учреждении; 2) осуществляемые по предполагаемому месту жительства освобождаемого. Однако, как справедливо отмечают А.И. Васильев и В.Е. Южанин, такое подразделение является условным, поскольку подготовка к освобождению – единый и непрерывный процесс¹.

Процесс подготовки к освобождению начинается с первых дней пребывания осужденного в учреждении уголовно-исполнительной системы путем реализации в отношении его всего комплекса средств исправительного воздействия. На постепенную подготовку к жизни на свободе нацелено изменение условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения осужденным к лишению свободы.

В соответствии с ч. 1 ст. 180 УИК РФ не позднее чем за шесть месяцев до окончания срока лишения свободы, а в отношении осужденных к лишению свободы на срок до шести месяцев – после вступления приговора в законную силу администрация учреждения, исполняющего наказание, уведомляет органы местного самоуправления и федеральную службу занятости по избранному осужденным месту жительства о его предстоящем освобождении, наличии у него жилья, его трудоспособности и имеющихся специальностях.

Порядок подготовки к освобождению из мест лишения свободы на подзаконном, ведомственном уровне регламентируется Инструкцией об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Минюста России от 13 января 2006 г. № 2.

Организация и осуществление всех мероприятий по оказанию помощи в трудовом и бытовом устройстве лиц, освобождаемых из исправительных учреждений, проводится сотрудниками группы социальной защиты исправительного учреждения с участием начальников отрядов, психологов, сотрудников отделов (групп) специального учета, других служб ИУ, а также совместно с родственниками осужденных, общественными организациями (объединениями), службами занятости и социальной защиты населения, иными государственными органами. Основную работу по подготовке осужденных к освобождению в исправительном учреждении проводит старший инспектор (инспектор) по трудовому и бытовому устройству осужденных.

¹ См.: Васильев А. И., Южанин В. Е. Закрепление результатов исправления и перевоспитания лиц, освобожденных из ИТУ. Рязань, 1990. С. 12.

Социальными работниками организованы занятия в школах подготовки к освобождению; разработаны памятки и справочники для освобождающихся, в которых размещена информация о порядке трудоустройства, пенсионного обеспечения, даны рекомендации по решению жилищных и других проблем; опубликованы адреса органов социальной защиты и трудовой занятости; в жилых зонах исправительных учреждений оформлены стенды с информацией о трудоустройстве, социальных гарантиях граждан Российской Федерации, пенсионном и медицинском обеспечении¹.

Основными проблемами в сфере подготовки осужденных к лишению свободы к освобождению являются:

– несовершенство правовой регламентации процесса подготовки к освобождению. В частности в Положении о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения не конкретно изложены права и обязанности сотрудников группы соцзащиты осужденных, в том числе старшего инспектора (инспектора) по трудовому и бытовому устройству, по подготовке осужденных к освобождению, что приводит к формализму и неэффективности, а иногда и отсутствию реальной, «живой» работы с освобождаемыми по подготовке к освобождению;

– не урегулированы правовыми нормами (хотя бы в общих чертах) деятельность «Школ по подготовке осужденных к освобождению», отдельные аспекты участия в ее работе субъектов, не являющихся персоналом исправительного учреждения (сотрудники органов внутренних дел, территориальных центров занятости, пенсионных фондов и др.);

– определенный «формализм» в работе с готовящимися к освобождению осужденными со стороны сотрудников группы социальной защиты осужденных, ограничивающийся в основном ведением переписки с учреждениями и организациями, заинтересованными в оказании помощи осужденным после освобождения. В результате этого во многих случаях реальная, конкретная помощь в обеспечении жильем и трудоустройстве освобождаемым оказывается далеко не всегда;

– кадровые проблемы в деятельности сотрудников групп соцзащиты осужденных исправительных учреждений: неукомплектованность квалифицированными социальными работниками многих исправительных учреждений; сокращение количества должностей социальных работников в результате мероприятий по оптимизации численности персонала УИС; перевод аттестованных сотрудников в разряд гражданских служащих, что повлекло за собой серьезный отток сотрудников в другие службы, подразделения либо увольнение их из системы; высокая текучесть кадров персонала, замещающих должности социальных работников исправительных учреждений.

¹ См.: О работе групп социальной защиты осужденных в исправительных учреждениях в 2006 г. : обзор ФСИН России от 26 марта 2007 г. № 10/15/1–78. С. 1.

Р. С. ЕФРЕМОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
первый заместитель начальника
(Академия ФСИН России)

СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР В РЕФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Попытки создания системы принципов уголовного права прослеживаются в Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г., на базе которых была выстроена Общая часть УК РСФСР 1960 г. Названные основы, согласно ст. 2, определяли принципы и устанавливали общие положения уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. В доктрине уголовного права существовала разная классификация принципов уголовного права, подразделявшая их на общеправовые, специфические, важнейшие, основные и т.п. К общим принципам в доктрине советского уголовного права относили: а) классовость; б) ответственность лишь за конкретное деяние-правонарушение; в) социалистический демократизм; г) советский патриотизм; д) принцип социалистического интернационализма; е) социалистический гуманизм; ж) экономия мер государственного принуждения; з) принцип социалистической законности¹.

Советская доктрина уголовной политики провозглашала советское уголовное право, его нормы отражением правосознания советских людей, их моральных взглядов, нацеливая уголовно-правовые меры на достижение гуманных целей гуманными же средствами, что в части милосердия не утратило актуальности и в настоящее время.

Принцип экономии мер государственного принуждения в советском уголовном праве, как и сейчас, выражался в осуществлении борьбы с преступностью путем наиболее рационального и экономного использования уголовно-правовых мер. Суть принципа сводилась к тому, что в случаях, когда это возможно, меньшими средствами добиваться больших результатов.

К специальным принципам уголовного права, получившим дальнейшее развитие, относили: а) неотвратимость ответственности за совершение преступного деяния; б) личную ответственность при наличии вины; в) дифференциацию ответственности в зависимости от обстоятельств совершения преступления; г) индивидуализацию уголовной ответственности и наказания.

Закон исходил из того, что каждое лицо, виновно совершившее преступление, должно понести ответственность. В силу этого в нормах Осо-

¹ См.: Дуюнов В. К. Уголовное право России : учебник. Общая и Особенная части. М., 2015. С. 16 и далее.

бенной части УК РСФСР 1960 г. для каждого вида преступления в качестве его правового последствия предусматривалось определенное наказание (за малозначительные преступления допускалось применение мер общественного воздействия).

Дифференциация уголовной ответственности признана доктриной как специальный принцип уголовного права. До 1996 г. принципы уголовного права не регламентировались в российских уголовных кодексах, хотя необходимость такой регламентации обосновывалась в научной литературе задолго до принятия действующего российского уголовного закона¹. Принцип индивидуализации уголовной ответственности и наказания нашел отражение в ст.37, 38, 39 УК РСФСР 1960 г., содержащих общие правила назначения наказания и применения иных уголовно-правовых мер, а также последствия привлечения к уголовной ответственности при наличии смягчающих и отягчающих обстоятельств².

В учебнике «Советское уголовное право. Общая часть» под редакцией профессоров П. И. Гришаева и Б. В. Здравомыслова дано точное определение понятию принципов уголовного права, под которыми «следует понимать исходные руководящие идеи, закрепленные в нормах права, которыми проникнуто содержание уголовного права в целом либо которые находят отражение в отдельных его положениях и институтах»³.

Постсоветские реформы послужили толчком для перманентного реформирования в законодательной и правоприменительной сферах. Важный шаг в практическом и научном понимании принципов уголовного права был сделан в принятых 2 июля 1991 г. Верховным Советом СССР Основах уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик⁴. В ст. 2 Основ – «Принципы уголовного законодательства» – прямо было указано, что уголовное законодательство основывается на принципах законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, личной и виновной ответственности, справедливости, демократизма и гуманизма.

Указанные выше положения были сформулированы позже в проекте УК России (1992 г), но уже в качестве его принципов. В последующих редакциях проекта УК говорилось уже о принципах уголовной ответственности. Принципы уголовно-правового воздействия, как и принципы уголов-

¹ См.: Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 27; Фефелов П. А. Понятие и система принципов советского уголовного права. Свердловск, 1970. С. 42; и др.

² См.: Кленова Т. В. Особенности законодательного выражения уголовно-правовых норм в условиях кодификации и текущего правотворчества // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994. С. 28.

³ Советское уголовное право : учебник. Часть Общая / Здравомыслов Б. В. [и др.] М., 1982. С. 72.

⁴ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 30. Ст. 862.

ного права, являются составной частью структурирующих элементов системы уголовного права, в общем, и системы уголовно-правового воздействия, в частности. Их интегрирующая роль проявляется в том, что они указывают направление развития уголовного закона, например, защиты личности от насильственных преступлений, охрана общественных отношений в экономической и социальной сфере и т.п.

Под принципом в Толковом словаре русского языка у С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой понимается «основное, исходное положение какой-нибудь теории, учения, мировоззрения, теоретической программы», «убеждение, взгляд на вещи...»¹

Мы разделяем мнение профессора В. Д. Филимонова, согласно которому наиболее общим является такое определение принципа уголовного права, в соответствии с которым он представляет собой основное, исходное положение уголовного права. При этом, мы считаем, что принцип уголовно-правового воздействия по аналогии с принципом наказания обладает признаками, выражающими две его стороны – содержание и метод реализации. Содержание исследуемых принципов, следуя УК, состоит в требовании, сформулированном в международно-правовых актах о правах человека и Конституции РФ, а также задачами борьбы с преступностью².

Признаками, которые определяют способ реализации принципов уголовно-правового воздействия, являются требования, обязательные для законодателя, правоприменительных органов, а также гражданина и человека в области борьбы с преступностью³. В ч. 2 ст. 1 УК РФ подчеркивается: «Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права.

Международное уголовное право, в свою очередь, базируется на общих принципах международного права, а также особенных, свойственных его специфике отраслевых принципах. Основа принципов международного права закреплена в Уставе ООН. Римский Статут Международного уголовного суда (далее Римский Статут), являющийся наиболее полным источником международного уголовного права, в преамбуле подтверждает принципы, перечисленные в Уставе ООН.

Значительным шагом вперед в формировании основ Общей части МУП стала разработка и принятие в 1998 г. Части III Римского Статута «Общие принципы уголовного права»⁴. По словам профессора У. Шабса, Часть III Римского Статута представляет собой «уникальный и волнующий эксперимент в сравнительном уголовном праве, соединяющий эле-

¹ Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 585.

² См.: Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. М., 2002. С. 28.

³ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. М., 1999. С. 65.

⁴ См.: Saland. P. International Criminal Law Principles // The. International Criminal Court: The Making of the Rome Statute: Issues Negotiations, Results / Ed. by Rou S. Lee. The Hague, 1999. Ambos K. Remarks on the General Part of international Criminal law. P. 661.

менты общего права, романо-германской системы, шариата и других правовых систем»¹. Шесть принципов международного уголовного права сведены в строго выверенную систему:

1. Нет преступления без указания на то в законе (*Nullum crimen sine lege*) (ст. 22 Статута);
2. Нет наказания без указания на то в законе (*Nulla poena sine lege*) (ст. 23);
3. Принцип отсутствия обратной силы действия закона (ст. 24);
4. Принцип индивидуальной ответственности лиц, совершивших международное уголовное преступление (ст. 25);
5. Принцип неприменения сроков давности в отношении международных уголовных преступлений (ст. 29);
6. Принцип вины (ст. 30).

По справедливым высказываниям в литературе «через призму норм МУП (Международного уголовного права) осуществляется правовая оценка чрезвычайно сложных и наиболее опасных форм преступной деятельности»².

Выбор средств предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы России напрямую связан с проблемой принципов уголовного права, и особенно с дальнейшей гуманизацией уголовной политики, по мнению профессора Л.И. Беляевой, за счет замещения «строгости санкций и криминализации усилением педагогического воздействия на лиц, совершивших общественно-опасные деяния»³.

Действительно, проанализировав ст. 43 УК РФ, мы приходим к выводу, что цели наказания взрослых и несовершеннолетних не могут совпадать в силу продолжающегося процесса формирования личности подростков. По этой причине и в международных нормативно-правовых актах указывается, что нахождение несовершеннолетнего в исправительном учреждении должно способствовать воспитанию, перевоспитанию и вовлечению в социальную жизнь общества⁴. Педагогические цели должны занять достойное место в уголовном законодательстве. Тем более нецелесообразно, во все негуманно и не по научному взвешенно выглядит недавняя инициати-

¹ Schabas W.A. Introduction to the International Criminal Court. Third Edition Cambridge, 2007. P. 194.

² См.: Богуш И. Г. К вопросу о формировании Общей части Международного уголовного права // Научные основы уголовного права и процессы глобализации : материалы V Российского конгресса уголовного права (Москва, 27-28 мая 2010 г.). М., 2010. С. 39.

³ Беляева Л. И. Как гуманизировать уголовную политику? / Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы VI Российского конгресса уголовного права (Москва, 26-27 мая 2011 г.). М., 2011. С. 415.

⁴ См.: Сборник международных стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних. М., 1998. С. 79, 85, 107–108.

ва председателя комитета Госдумы по конституционному законодательству и госстроительству Владимира Плигина, предложившего понизить возраст уголовной ответственности несовершеннолетних в зависимости от категории преступлений до 14-ти и 12 лет соответственно. В настоящее время комитет продолжает работу над данным законопроектом и в скором времени намерен вынести его на рассмотрение в первом чтении¹.

Важно еще подчеркнуть то, что российский уголовный закон не подразделяет, как это делают многие зарубежные Уголовные кодексы, последствия совершения преступления на две разновидности: наказания и меры безопасности. Последние могут назначаться по совершенно разным основаниям и имеют разную правовую природу. Например, меры безопасности, назначаемые невменяемым и ограниченно вменяемым, лицам, больным алкоголизмом и пораженным наркоманией, дополнительные наказания, а также превентивные меры безопасности. К таким категориям лиц относятся ранее судимые лица, чем и определяется их опасное состояние². Приведенные в качестве примера меры безопасности обладают различной правовой природой и вряд ли оправдано их объединять в единую систему мер уголовно-правового воздействия. В прямом противоречии с законностью находятся превентивные меры безопасности, связанные с лишением свободы лиц, совершивших преступления в таком состоянии, когда по причине какого-либо психического отклонения или нарушения не мог осознавать противоправности совершаемого им деяния либо руководить своими действиями (п. 1 ст. 21 УК Испании). Так, в п. 2 ст. 96 раздела VI УК Испании 1995 г. в качестве мер безопасности, предусматривающих лишение свободы, являются: 1) помещение в психиатрический центр, 2) помещение в восстановительный центр, 3) помещение несовершеннолетних в специальный воспитательный центр³.

К недостаткам ст. 4 УК, отражающей принцип равенства в современном уголовном законе, следует отнести, во-первых, сужение субъектного состава лиц, подлежащих воздействию исследуемого принципа. Так, в Конституции РФ речь идет о равенстве всех, то есть граждан России, и апатридов, и иностранных граждан, то в диспозиции ст. 4 УК говорится только о лицах, совершивших преступления. Мы согласны с утверждением авторов учебника Уголовное право России под редакцией профессоров Ф.Р. Сундурова и И.А. Тарханова, что принцип равенства в уголовном праве следует

¹ См.: <http://www.op.rbc.ru/society/01/03/2012/639909.shtml> (дата обращения: 18.09.2015).

² См.: Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право современных зарубежных государств. М., 1997; Преступление и наказание в Великобритании, Франции, ФРГ, США и Японии. Общая часть. М., 1989. С. 91; Малиновский А. А. Уголовное право зарубежных государств. М., 1998. С. 71–72.

³ См.: Уголовный кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. М., 1998. С. 39.

толковать расширительно, исходя не только из его названия и диспозиции, ведь перед законом равны не только лица, совершившие преступления, но и иные субъекты, имеющие отношение к уголовному делу¹.

Ко второму недостатку в конструкции ст. 4 УК относится сведение в одной статье двух принципов: общеправового принципа равенства всех перед уголовным законом и принципа неотвратимости уголовной ответственности независимо от различных обстоятельств.

Реализация принципа равенства предполагает неотвратимость применения уголовно-правовых мер, в том числе и наказания как решающего этапа уголовной ответственности. Принцип равенства в системе уголовно-правовых мер и санкциях норм сочетается с принципами справедливости, вины, гуманизма. Принцип справедливости обязывает суд при применении наказания и иных мер уголовно-правового характера учитывать характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения (смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также квалифицирующие и привилегирующие признаки состава преступления) и личность виновного. В совокупности все перечисленные факты могут свидетельствовать о необходимости пересмотра части принципов, сформулированных в действующем уголовном законе, с целью уточнения их отраслевой составляющей.

¹ См.: Уголовное право России : учебник Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундунова, И. А. Тарханова. М., 2010. С. 50–51.

Р. М. ЖИЛЯЕВ,
научный сотрудник центра изучения проблем
управления и организации исполнения наказаний в УИС
(НИИ ФСИН России)

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОПРОСЫ,
СВЯЗАННЫЕ С РАЗДЕЛЬНЫМ СОДЕРЖАНИЕМ
РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ**

Характерной чертой современного этапа развития общества является совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, практики исполнения уголовных наказаний, приведение их в соответствие с международными стандартами¹. Анализ Международных правовых актов², ратифицированных Российской Федерацией и международного опыта исполнения наказания в виде лишения свободы показали, что практика организации исполнения лишения свободы разных государств (США, Великобритания, Франция, ФРГ, Япония) идет по пути разделения лиц, осуждаемых к лишению свободы, на две крупные категории:

1) впервые осужденные либо случайные рецидивисты, то есть предположительно исправимые преступники, которые после правильно организованного отбывания наказания больше не будут совершать преступлений;

2) многократные рецидивисты и иные закоренелые преступники, которые в силу разных причин объективного и субъективного характера упорно не желают встать на путь исправления.

Для второй категории осужденных в зарубежных странах применяется строго индивидуальный подход, который включает в себя глубокое изучение причин их преступного поведения, оказание им духовной, психологической и иной поддержки.

Проблемой классификации различных категорий осужденных занимались многие ученые-пенитенциаристы, среди которых такие, как: А. В. Бриллиантов, М. Н. Гернет, М. П. Мелентьев, Н. А. Стручков, В. И. Селиверстов, В. А. Уткин, И. В. Шмаров и др.

¹ См.: Антипов А. Н., Жилыев Р. М., Дербышева Н. В. Условно-досрочное освобождение осужденных иностранных граждан (в том числе граждан из стран СНГ) и лиц без гражданства // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 1. С. 56–59.

² См.: Голик Н. М., Строгович Ю. Н. Совершенствование уголовного-исполнительного законодательства, регулирующего вопросы, связанные с раздельным содержанием различных категорий осужденных к лишению свободы // Результаты исследования, проведенного ФКУ НИИ ФСИН России в соответствии с п. 2.7.1 Плана научно-исследовательских работ ФКУ НИИ ФСИН России на 2015 г.

Дореволюционный период в Российской империи осужденных разделяли в зависимости от возраста, пола, классовой принадлежности, а также опасности совершенного преступления для государства¹.

В зависимости, от происхождения осужденные разделялись на привилегированных лиц высшего класса, лиц среднего класса и других.

Существовала и другая классификация по категории совершенного преступления. Так, отдельно от других содержались осужденные к смертной казни, которым наказание заменено лишением свободы, разбойники, убийцы, насильники и т. д.²

После Великой Октябрьской социалистической революции, власти отказались от разделения осужденных по классовому происхождению, и перешли на дифференциацию по уголовно-правовому и социально-демографическому признаку. Осужденные разделялись на три группы: за совершение бескорыстных преступлений, за совершение корыстных преступлений и рецидивистов первой и второй группы. Уголовно-исполнительное законодательство предусматривало разные виды исправительных учреждений для отбывания наказания в зависимости от принадлежности осужденных той или иной группе. После создания в 1929 г. исправительно-трудовых лагерей было возвращено разделение осужденных в зависимости от социального происхождения и характера совершенного преступления³: 1) осужденные пролетарского происхождения (рабочие, крестьяне), впервые осужденные на срок до 5 лет; 2) эта же категория осужденных на срок более 5 лет; 3) осужденные непролетарского происхождения и контрреволюционеры⁴. В 1954 г. было утверждено новое Положение об исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР⁵. Данное положение предусматривало разделение осужденных на следующие категории: 1) по степени опасности совершенного преступления; 2) по степени опасности личности осужденного; 3) по срокам наказания; 4) по возрасту; 5) по половому признаку. В 1969 г. с принятием основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик⁶ была вновь изменена классификация осужденных, которые были разделены по возрасту (взрослые и несовершеннолетние) и полу (мужчины и женщины).

¹ См.: Гернет М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М. , 1960. Т. 1.

² См.: Дементьев С. И. Классификация заключенных в системе советских исправительно-трудовых учреждениях : автореф. дис ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1967.

³ См.: Положение об исправительно-трудовых лагерях : утв. Советом Народных комиссаров СССР 7 апреля 1930 г.

⁴ См.: Там же. // Собр. законодательства СССР. 1930. № 22. Ст. 248.

⁵ См.: Об утверждении «Положения об исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР» : приказ МВД СССР от 7 июля 1954 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.08.2015).

⁶ См.: Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик : утв. Законом СССР от 11 июля 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 29. Ст. 247.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) не устанавливает преимуществ для осужденных в зависимости от пола, расы, национальности, религиозных и политических убеждений, социального происхождения. Дифференциация осужденных происходит в зависимости от возраста, состояния здоровья, пола, характера и степени общественной опасности совершенных преступлений и поведения. Дифференциация осужденных в соответствии с требованиями ст. 74 и 78 УИК РФ производится методом классификации и распределения их по различным видам исправительных учреждений (ИУ).

В разных исправительных колониях (ИК) содержатся осужденные к лишению свободы мужчины и женщины.

Раздельное содержание мужчин и женщин обусловлено спецификой исполнения лишения свободы в отношении этих категорий осужденных, вызвано необходимостью исключения различного рода эксцессов, которые могут, особенно в условиях лишения свободы, возникнуть на почве взаимоотношений полов и существенно осложнить оперативную обстановку в учреждениях, исполняющих наказание.

Раздельно от взрослых осужденных содержатся несовершеннолетние осужденные, для которых создаются воспитательные колонии (ВК).

Лица, достигшие совершеннолетия, содержатся совместно с несовершеннолетними осужденными в нескольких случаях. Во-первых, если они оставлены в воспитательной колонии до достижения ими возраста 19 лет. Оставление осужденных, достигших возраста 18 лет, в воспитательной колонии производится по постановлению начальника воспитательной колонии, санкционированному прокурором (ст. 139 УИК РФ). Во-вторых, несовершеннолетние женского пола, находящиеся в ИК, при которых имеются дома ребенка. В воспитательных колониях несовершеннолетние мужского пола содержатся раздельно от несовершеннолетних женского пола.

В части 2 ст. 80 УИК РФ установлены требования о раздельном содержании определенных категорий осужденных: лица, впервые осужденные к лишению свободы, и ранее отбывавшие лишение свободы. Данное правило не распространяется на осужденных женщин, которые независимо от наличия опыта отбытия наказания в виде лишения свободы и рецидива преступлений могут содержаться в одной ИК, но в любом случае и здесь они содержатся раздельно друг от друга. Для этого на территории ИК создаются отдельные изолированные блоки для содержания указанных категорий осужденных женщин.

Исключением может быть ситуация, когда осужденные отбывают наказание в колонии-поселении (КП), лечебно исправительном учреждении (ЛИУ) или ИК, при которых имеются дома ребенка.

В специализированных ИК содержатся бывшие работники правоохранительных органов, судов и иные осужденные (представители органов

законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления, работники контролирующих и надзирающих органов). Отдельное содержание указанных групп осужденных обусловлено обеспечением их безопасности, поскольку они могут подвергаться притеснениям, насилию из мести за их прошлую деятельность¹.

В системе ИУ предусмотрено создание специализированных лечебно-исправительных и лечебно-профилактических учреждений для содержания в них осужденных, страдающих инфекционными либо общесоматическими заболеваниями. В отношении первой категории лиц закон установил правило, согласно которому осужденные, больные разными инфекционными заболеваниями, содержатся раздельно и отдельно от здоровых осужденных. Речь идет о создании специализированных учреждений для содержания осужденных, больных туберкулезом, алкоголизмом и наркоманией.

В лечебно-профилактических учреждениях для содержания различных категорий осужденных с общесоматическими заболеваниями осужденные содержатся совместно, но в условиях, установленных законом для ИУ того вида, который назначен судом.

Проведенное в 2015 г. ФКУ НИИ ФСИН России исследование показало², что отечественное уголовно-исполнительное законодательство в целом достаточно исчерпывающе устанавливает критерии раздельного содержания осужденных к лишению свободы. Однако до конца не решенные проблемы в экономической области, демографические процессы, появление новых видов преступлений, распространение среди осужденных социально значимых заболеваний, рост рецидивной преступности, что требуют не только принятия организационных мер, но и постоянного совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в части возможного пересмотра и выработки критериев дифференциации исполнения наказания в отношении новых категорий осужденных, более четкого урегулирования вопросов индивидуализации наказания, устранения возможных пробелов и имеющихся недостатков.

Анализ статистических данных о состоянии дисциплинарной практики среди осужденных, отбывающих наказание в ИУ территориальных органов ФСИН России, ГУФСИН России по Самарской области и УФСИН России по Саратовской области за 2010–2014 гг. позволяет отметить следующее (таблица 1)³.

¹ Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. И. Селиверстова // СПС «КонсультантПлюс».

² Пункт 2.7.1 Плана НИР ФКУ НИИ ФСИН России на 2015 г.

³ Отчет о состоянии дисциплинарной практики среди осужденных, отбывающих наказание в ИУ за 2010–2014 гг. // Сбор, обработка и анализ статистической отчетности по форме «ВРО-2». Тверь, 2010–2014 гг.

Сравнительная таблица о состоянии дисциплинарной практики среди осужденных, отбывающих наказание в ИУ территориальных органов ФСИН России, ГУФСИН России по Самарской области и УФСИН России по Саратовской области

Период	Наименование	Доля лиц, совершивших злостные нарушения, в %	Количество злостных нарушений порядка отбывания наказания в расчете на 1000 чел.	Количество нарушений порядка отбывания наказания в расчете на 1000 чел.	Количество отказов от работы или прекращение работы без уважительных причин в расчете на 1000 чел.
2010 г.	ФСИН России	3,04	33	806	4,23
	ГУФСИН по Самарской области	2,61	29	1679	2,51
	УФСИН по Саратовской области	0,93	9	603	0,23
2011 г.	ФСИН России	3,30	36	886	3,92
	ГУФСИН по Самарской области	2,73	30	1743	3,09
	УФСИН по Саратовской области	0,90	9	594	0,31
2012 г.	ФСИН России	3,57	39	1020	5,24
	ГУФСИН по Самарской области	3,37	36,7	2102	2,34
	УФСИН по Саратовской области	0,90	9	593	0,61
2013 г.	ФСИН России	3,68	41	1111	4,34
	ГУФСИН по Самарской области	4,66	50,23	2816	1,97
	УФСИН по Саратовской области	0,89	9	600	1,6
2014 г.	ФСИН России	3,41	37	1113	4,04
	ГУФСИН по Самарской области	5,60	58,61	2998	1,46
	УФСИН по Саратовской области	1,30	13	571	0,75

На основе анализа приведенных в таблице 1 статистических данных можно сделать следующие выводы.

По сравнению с общероссийскими показателями в ИУ УФСИН России по Саратовской области в 2010–2014 гг. отмечена наименьшая доля лиц, совершивших злостные нарушения установленного порядка отбывания

наказания (0,98 % по ФСИН России – 3,4 %) и количество случаев нарушения дисциплины (злостных нарушений – 9,8 по ФСИН России – 37,2; нарушений порядка отбывания наказания – 592,2 по ФСИН России – 987,2).

В ИУ ГУФСИН России по Самарской области показатели нарушения дисциплины оказались выше общероссийских и по количеству нарушений порядка отбывания наказания (3,79 %), и количеству злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания, и лиц, их совершивших (злостных нарушений – 40,9; нарушений порядка отбывания наказания – 2267,6)¹.

Приведенные примеры по регионам дают основание для следующих обобщений.

Во-первых, весьма солидный разброс в показателях по данным дисциплинарной практики в зависимости от региона свидетельствует о некоторых недостатках в деятельности отдельных подразделений по данному направлению работы, что может быть обусловлено состоянием дел в производственно-экономической, кадровой, воспитательной и иных сферах.

Во-вторых, структура и темпы изменения состава осужденных, наличие в нем доли чужих осужденных из других регионов, число уголовных «авторитетов», уровень культивирования и поощрения администрацией распространения элементов уголовной субкультуры оказывает негативное влияние на положение дел с дисциплиной спецконтингента.

В-третьих, по всей видимости, существует необходимость проработки реальной эффективности функционирования системы социальных лифтов, соответствия ее результатов действительному положению; актуализируется возвращение к вопросу о роли самодеятельных организаций осужденных в их исправлении.

В-четвертых, отток квалифицированных кадров, разрушение производства, рост числа безработных осужденных и т. п. неадекватные ситуации меры, включая непродуманность концептуальных положений, дотационное положение отдельных регионов приводит к подобным разбросам в показателях (не только дисциплины среди осужденных).

В-пятых, целесообразность и возможность дальнейшей дифференциации и индивидуализации исполнения наказания на основе совершенствования уголовно-исполнительного законодательства (статьи 80, 128 УИК РФ) представляют собой средство улучшения ситуации, использование которого обусловлено конкретными политическими, социальными, экономическими и иными причинами (положением дел в экономике государства и его возможностями создать соответствующие условия для реализации задач данного процесса).

В 2015 г. ФКУ НИИ ФСИН России было проведено анкетирование территориальных органов ФСИН России о наличии пробелов и недостатков в положениях ст. 80 и 128 УИК РФ в части, касающейся раздельного содер-

¹ Среднее арифметическое значение за 2010-2014 гг.

жания различных категорий осужденных к лишению свободы¹. На запрос ответило 76 территориальных органов ФСИН России, из них 26 полагают, что существующая редакция ст. 80 и 128 УИК РФ не требует внесения изменений, 50 считают, что действующая редакция статей 80 и 128 УИК РФ требует внесения изменений.

В целях обеспечения закрепленного в ст. 80 УИК РФ требования о раздельном содержании несовершеннолетних и взрослых осужденных, дальнейшего уменьшения концентрации совершеннолетних осужденных в воспитательных колониях, а также исключения резкого изменения условий отбывания наказания в отношении лиц, содержащихся в воспитательной колонии и достигших совершеннолетия, следует внести следующие изменения и дополнения в УИК РФ:

1) ч. 1 ст. 80 УИК РФ изложить в следующей редакции: «В исправительных учреждениях устанавливается раздельное содержание осужденных к лишению свободы мужчин и женщин, несовершеннолетних и взрослых, за исключением предусмотренных настоящим Кодексом случаев оставления осужденных, достигших 18 лет, в воспитательных колониях»;

2) абзац первый ч. 1 ст. 113 УИК РФ изложить в следующей редакции:

«1. За хорошее поведение, добросовестное отношение к труду, обучению, активное участие в воспитательных мероприятиях, оказание администрации исправительного учреждения помощи в экстремальных ситуациях, в том числе при стихийных бедствиях или техногенных катастрофах, а также любую другую помощь исправительному учреждению в достижении целей и решении задач, закрепленных за ним законом, к осужденным к лишению свободы могут применяться следующие меры поощрения.».

Часть 3 ст. 80 УИК РФ, допускающая направление в ИУ, где содержатся работники судов и правоохранительных органов, «иных осужденных», требует доработки в части уточнения и расширения данного перечня. Сказанное дает основание предложить изложить ч. 3 ст. 80 в следующей редакции:

«3. В отдельных исправительных учреждениях содержатся осужденные – бывшие судьи, работники прокуратуры, сотрудники органов внутренних дел, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, следственных органов, органов государственной безопасности, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, таможенных органов, службы судебных приставов».

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что для достижения эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы, сведения к минимуму деформации личности осужденных в условиях изо-

¹ Письмо в территориальные органы ФСИН России исх. № 39/8-852 от 01.06.2015.

ляции и блокирования распространения криминальной субкультуры, необходима более тщательная классификация осужденных к лишению свободы. И хотя в основу отечественной классификации положены разнообразные криминологические критерии, резервы для содержания осужденных в рамках одной социально-демографической группы в целях недопущения их отрицательного влияния друг на друга имеются. Поиск оптимума в классификации осужденных способствует росту влияния на формирование системы учреждений, исполняющих наказания, обеспечению строгости изоляции друг от друга осужденных, совершивших различные по степени общественной опасности и характеру преступления, созданию необходимых условий для дифференциации исполнения наказания и его индивидуализации.

Г. Ю. ЗИНИН,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры уголовно-исполнительного права;

С. Н. СУХАРЕВ,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры теории государства и права,
международного и европейского права
(Академия ФСИН России)

СУДИМОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Исполнение уголовного наказания в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления необходимо возможно рассматривать как форму социально-правового контроля за его поведением. При этом осужденные после отбытия ими наказания, как правило, нуждаются в определенном контроле со стороны государства в целях предупреждения совершения ими новых преступлений, в пределах срока судимости. Ресоциализация лиц, отбывших наказание и ее успех напрямую зависит от мер, которые призваны корректировать поведение лиц, имеющих судимость. Постпенитенциарное воздействие прежде всего имеет своей целью отдалить «вчерашнего осужденного-преступника» от негативно действующих факторов, а следовательно предупредить совершение новых правонарушений и преступлений.

Постисправительный период не менее значим чем надзор за осужденным в исправительном учреждении. Непосредственная связь судимости и уголовной ответственности прослеживается через этапы реализации последней – осуждение лица, процесс отбывания наказания и течение сроков судимости после освобождения от наказания. Проецируя различные подходы к понятию судимости на основные элементы содержания уголовной ответственности можно сделать вывод о том, что судимость, возможно, рассматривать как конечный этап реализации уголовной ответственности. Однако наукой весьма в малой степени рассмотрен вопрос об эффективности судимости как уголовно-правового института в деле предупреждения правонарушений, которые можно признать первым шагом к совершению новых преступлений.

Соблюдение норм охраняемых уголовным законом является неотъемлемой частью системы правового воспитания граждан, поскольку совершение преступления можно считать крайним проявлением антисоциальной ориентации лица. Одной из главных задач правового обучения является создание законопослушной системы поведения граждан в обществе, но как обстоит дело с категорией лиц упорно противостоящих общепринятым нормам общества. Речь идет о лицах имеющих судимость за со-

вершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего. Данные преступления имеют, как правило наибольший общественный резонанс и являются наиболее противоречащими нормам морали.

Нельзя не упомянуть о такой категории лиц, как совершивших преступления при опасном и особо опасном рецидиве преступлений. Судимость свидетельствует не только о факте признания судом данного лица виновным в совершении им в прошлом преступления и назначения ему наказания, но и об официальном предупреждении ему не совершать впредь преступлений. Предупреждение правонарушений со стороны рассматриваемых лиц является важнейшей задачей, так как, правонарушения зачастую переходят в совершение преступлений, которые в свою очередь имеют повышенную общественную опасность. Особое внимание следует уделить лицам, совершившим преступления связанные с насилием. Криминальная зараженность таких лиц зачастую приводит к тому, что совершенному правонарушению не придается критической оценки, а наоборот противозаконные деяния поощряются. Данный факт неоспорим.

Социально демографическая характеристика осужденных лиц отбывающих и освободившихся из учреждений обеспечивающих изоляцию от общества показывает, что абсолютное большинство не имели постоянного места работы, не имеют семьи, образование и профессиональные трудовые навыки также оставляют желать лучшего. В системе предупреждения правонарушений со стороны рассматриваемых категорий граждан большую роль играет воспитание нравственной устойчивости, ответственности перед обществом за свои поступки и поведение, ориентирование на социально-полезную деятельность. Однако как уже было упомянуто лица, совершившие крайне негативные проявления против общества зачастую не могут самостоятельно контролировать свою деятельность.

К сожалению уголовно-исполнительная система на этапе от освобождения до достижения желаемого уровня ресоциализации лиц отбывших наказание, не может обеспечить должного внимания к непрерывному воспитательному воздействию преступника. Содействие с органами полиции в данном случае является прямой необходимостью. Значением социального контроля на данном этапе пренебрегать никак нельзя.

В частности профессор О.В. Филимонов отмечал: «что социальный контроль, прежде всего, является средством устранения причин и условий, способствующих правонарушениям». В этой связи юристов привлекают вопросы, связанные с использованием мер социального контроля для целей общей и индивидуальной профилактики. При этом под социальным контролем в широком смысле слова понимается исторически сложившаяся система воздействия на субъект (класс, социальную и иную группу, коллектив, личность), направленная на организацию его деятельности в

рамках принятых правил, норм и иных социальных ценностей, выражающих общественные интересы¹.

Все выше обозначенные меры можно обозначить как стимулирующие положительное (правомерное) посткриминальное поведение лица. Социальный контроль как система воздействия на личность, направленная на организацию ее деятельности в рамках общепринятых норм поведения и иных социальных ценностей, распространяется не на все виды посткриминального поведения лица, совершившего преступление, а лишь на его поведение от назначения до отбытия наказания, а также на его поведение после отбытия наказания. Моментом окончания такого контроля считается истечение сроков судимости, либо окончание сроков административного надзора.

В сложившейся криминогенной ситуации административный надзор является не просто средством, а необходимостью. В.И. Горобцов усматривает в основаниях применения этой формы посткриминального (постпенитенциарного) контроля судимость с производным признаком отбытия наказания в виде лишения свободы².

Также необходимо упомянуть, что такой производный признак как характер совершенного преступления является определяющим. Повышенный социальный контроль за лицами, имеющими судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего просто необходим.

В рамках реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, с учетом Плана подготовки проектов федеральных законов, направленного на реализацию положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы российской Федерации до 2020 года, оперативного совещания Совета Безопасности по вопросу выработки правовых и организационных основ единой государственной системы профилактики преступлений и иных правонарушений касающиеся роли уголовно-исполнительной системы и оперативных служб совершенствованию профилактики рецидивной преступности был принят Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Поскольку надзор как форма постпенитенциарного контроля по существу связан с применением к лицу, имеющему судимость, властных полномочий, запретов, наложением обязанностей предупредительного характера, целесообразно увязать его основания и с количеством судимостей. Поэтому решение законодателя о включении таких групп как совершивших преступление при опасном и особо опасном рецидиве, несомненно верно.

¹ См.: Филимонов О. В. Посткриминальный контроль. Томск, 1991. С. 24–25.

² См.: Горобцов В. И. Проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия: вопросы теории и практики : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1995. С. 15–16.

Административный надзор может назначаться лицу, отбывшему уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющему непогашенную либо неснятую судимость, совершающему в течение одного года два и более административных правонарушения против порядка управления и (или) административных правонарушения, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность.

Применение административного надзора необходимо рассматривать не только как факт, свидетельствующий о негативных последствий осуждения, а как систему комплексных мероприятий постпенитенциарного воздействия, способных оказать положительное воздействие на личность (говоря о ресоциализации лиц имеющих судимость, а также обеспечение личной безопасности лица освободившегося из мест лишения свободы) и достижения одной из основных целей наказания-исправления преступника.

О. А. ИБРАГИМОВ,
научный сотрудник отдела изучения
отечественного и зарубежного опыта,
истории УИС, сравнительного анализа
пенитенциарного законодательства
(НИИ ФСИН России)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В настоящее время в мире наблюдается устойчивая тенденция к отказу от применения смертной казни и замене ее пожизненным лишением свободы или лишением свободы на длительные сроки¹. Смертная казнь – индикатор, определяющий соотношение между ценностью человеческой жизни преступника и реакцией общества на преступления, связанные с насильственной смертью². С одной стороны, смертная казнь нарушает одно из незыблемых конституционных прав человека – право на жизнь, другой – смертная казнь позволяет защитить потенциальных жертв преступника от насилия и обеспечивает наказание, соизмеримое с совершенным преступлением.

Одним из признаков правового государства является высший приоритет прав и свобод человека, обязанность соблюдать их и охранять. Поскольку смертная казнь как высшая мера уголовного наказания за совершенное преступление нарушает принцип обязанности государства по обеспечению права на жизнь, то наиболее приемлемой альтернативной мерой наказания является пожизненное лишение свободы³. В условиях достижения зрелости становления правовых основ государственности стран-членов Совета Европы пожизненное лишение свободы стало максимальным наказанием, предусмотренное законом⁴. В 1997 г. Российской Федерацией после вступления в Совет Европы подписан Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁵, касающийся отмены смертной казни, но не ратифицирован.

¹ См.: Балакий В. Н. Социально-экономические аспекты смертной казни и пожизненного лишения свободы: философско-правовые основания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 10 (24) : в 2 ч. Ч. I. С. 25–28.

² См.: Пертли Л. Ф. Понятие и назначение условий содержания лиц, лишенных свободы: историко-правовой аспект // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1. С. 28.

³ См.: Пертли Л. Ф., Краснов А. Ю. Наказание и исполнение лишения свободы в отношении несовершеннолетних правонарушителей: сравнительно-правовой анализ иностранного законодательства : учебное пособие. М., 2012. С. 6.

⁴ См.: Быков А. В. Особенности пенитенциарных систем США, ФРГ, Франции, Великобритании // Юрид. наука и практи. Альманах науч. тр. Самар. юрид. ин-та ФСИН России / под общ. ред. Р. А. Ромашова. 2014. С. 30.

⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) / Бюллетень международных договоров. № 3. 2001.

Основным документом, устанавливающим принципы международно-правового регулирования отбывания наказания к пожизненному лишению свободы, является Рекомендация № Rec (2003) 23 Комитета Министров странам-членам «По управлению заключенными с пожизненным сроком и большими сроками заключения со стороны администрации тюрем» (далее – Рекомендация № Rec (2003) 23)¹.

Принципы управления заключенными с пожизненными сроками заключения, закрепленные в Рекомендации № Rec (2003) 23, основываются на общих принципах Конвенции о защите прав человека и основных свобод и в прецедентном праве других государств.

Общими принципами управления заключенными с пожизненным сроком заключения являются:

принцип индивидуализации: необходимость принятия во внимание многообразия личных характеристик заключенных пожизненно;

принцип нормализации: жизнь в местах лишения свободы должна быть максимально приближена к жизни в обществе;

принцип ответственности: в местах лишения свободы осужденным должна быть предоставлена возможность проявления личной ответственности;

принцип безопасности и защиты: определение факторов риска заключенных с пожизненным сроком заключения для общества, для самих себя, для других заключенных, сотрудников и посетителей исправительного учреждения;

принцип отсутствия сегрегации: администрация исправительного учреждения должна принимать меры к недопущению изоляции заключенных с пожизненным сроком лишения свободы только на основании приговора суда. В соответствии со ст. 80 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) осужденные к пожизненному лишению свободы содержатся изолированно от других – в исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы. Таким образом, принцип отсутствия сегрегации в российском законодательстве не реализован.

принцип продвижения: обеспечение прогрессивного продвижения по тюремной системе, предполагающее изменение условий отбывания наказаний и направленное на освобождение заключенного в открытое общество. Принцип продвижения имплементирован в нормативах УИК РФ. Ст. 87 УИК РФ установлены различные условия отбывания наказания в пределах одного исправительного учреждения. Ст. 78 УИК РФ предусматривает переводы лиц, избравших линию поведения в сторону исправления, из одного вида ис-

¹ См.: Рекомендация № Rec (2003) 23 Комитета Министров странам-членам «По управлению заключенными с пожизненным сроком и большими сроками заключения со стороны администрации тюрем», принятая Комитетом Министров 9 октября 2003 г. на 855 заседании заместителей Министров.

правительного учреждения в другое для улучшения условий отбывания наказаний.

В соответствии с Рекомендацией № Res (2003) 23 для каждого заключенного к пожизненному лишению свободы необходимо разрабатывать план отбывания наказания. Планирование отбывания наказания предполагает, что карательное воздействие на осужденного, выражающееся в степени его правоограничений, на первоначальном этапе должно быть максимальным и постепенно снижаться к концу срока лишения свободы. Разработка индивидуальных планов отбывания наказания способствуют оказанию психологической и социальной поддержки заключенным, а также развитию конструктивных отношений между персоналом и заключенными и, следовательно, укреплению безопасности в тюрьмах.

Соблюдение режимных требований в пенитенциарных учреждениях должно основываться на использовании метода динамической безопасности с пониманием личного положения заключенных и возможных рисков, которые они представляют собой. В пределах, необходимых для обеспечения безопасности, рекомендуется запретить ношение оружия внутри исправительного учреждения тем лицам, которые непосредственно контактируют с заключенными. Динамическая безопасность предполагает, что основное внимание должно быть направлено на отношение к сотрудникам и осужденным как к индивидам, на справедливые и вежливые отношения «персонал–осужденный». Характер и уровень контроля за заключенными зависят от категории безопасности конкретного исправительного учреждения и категорий заключенных.

В целях предотвращения и противодействия разрушительному влиянию пожизненных приговоров в соответствии с Рекомендацией № Res (2003) 23 администрация исправительных учреждений должна принимать соответствующие меры:

- предоставление заключенным возможности личного выбора как можно большего количества видов повседневной деятельности в местах лишения свободы;

- создание условий для физического, интеллектуального развития и эмоционального стимулирования заключенных;

- формирование удобного и позитивного дизайна тюремных помещений и мебели;

- предоставление возможности для внешнего контакта пожизненно заключенных: письма, телефонные переговоры и свидания;

- поощрение контактов с внешним миром, таких как доступ к газетам, радио, телевидению и свидания;

- использование различных форм отлучек из тюрьмы;

- обеспечение доступа к адвокатским услугам для оказания правовой помощи.

Правило 60.1 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными¹ рекомендует, чтобы режим, принятый в учреждении, сводил до минимума ту разницу между жизнью в тюрьме и жизнью на свободе, которая убивает в заключенных чувство ответственности и сознание человеческого достоинства. Ст. 125 УИК РФ установлено право осужденного на краткосрочные и длительные свидания. В то же время ч. 3 ст. 97 УИК РФ не разрешаются выезды за пределы исправительного учреждения осужденным к пожизненному лишению свободы.

Таким образом, международно-правовое регулирование пожизненного лишения свободы основано на принципах прогрессивной системы отбывания наказания, предполагающей освобождение заключенного из исправительного учреждения. В России продолжается процесс закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве международных рекомендаций по исполнению приговоров к пожизненному лишению свободы.

¹ Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 г., и одобрены экономическим и социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г.).

О. В. КАШИН,
соискатель
(Академии ФСИН России)

СРЕДСТВА КРИМИНАЛЬНОГО ПОДКУПА: ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА

В юридической литературе и судебной практике содержательная часть подкупа понимается весьма неоднозначно. В ст. 204, 290 УК РФ указывается, что подкуп и взятка осуществляются посредством денег, ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав. В ст. 304 УК РФ указаны деньги, ценные бумаги, иное имущество и услуги имущественного характера. Что это: предмет или средства подкупа?

Законодатель и правоприменитель рассматривают их как предмет подкупа. К примеру, в п. «б» ч. 4 ст. 204 говорится о вымогательстве предмета подкупа. В п. 9. постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» вышеуказанные составляющие подкупа также определяются как предмет взяточничества и коммерческого подкупа¹. Такой подход является устоявшимся и в юридической литературе. В свое время А.Н. Трайнин отмечал, что предмет взятки не может выступать в качестве средства совершения преступления, так как он представляет собой определенные материальные ценности: деньги или иное имущество, переданное в виде взятки².

Однако уголовно-правовая доктрина практически однозначна в том, что на предмет преступления непосредственно направлены преступные действия субъекта преступления, средства же преступления преступником используются для достижения преступного результата; предмету преступления при совершении посягательства причиняется вред непосредственно, средства преступления преступник использует для того, чтобы ими причинить охраняемому законом объекту вред и в некоторых случаях, когда это предусмотрено уголовным законом, предмету преступления³.

Следовательно, при получении лицом лично или через посредника при подкупе денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера их следует рассматривать не как предмет, а как средство соверше-

¹ См.: О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

² См.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М. 1951. С. 205.

³ См.: Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М. 1980. С. 103; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М. 1997. С. 96; Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2003. С. 118 и др.

ния преступления, поскольку преступные действия субъекта преступления направлены не на указанные в статье ценности. Они выступают лишь средством достижения преступной цели, им вред при подкупе не причиняется.

Итак, на сегодняшний день в качестве средств подкупа в уголовном законодательстве выступают: деньги, ценные бумаги, иное имущество, услуги имущественного характера, иные имущественные права. Казалось бы, законодатель вполне конкретно определил, посредством чего может осуществляться подкуп. Однако анализ этого вопроса показывает не только ряд дискуссионных моментов, но и явных противоречий с иными базовыми отраслями права.

При уяснении понятия денег, ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера и иных имущественных прав необходимо обратиться к иным отраслям права и, прежде всего, гражданского. В частности, ст. 128 ГК РФ деньги, ценные бумаги, иное имущество, имущественные права, результаты работ и оказание услуг относит к объектам гражданских прав. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Законодательство не дает точного определения денег, несмотря на то, что это правовое понятие. Часть первая статьи 75 Конституции Российской Федерации определяет, что денежной единицей в Российской Федерации является рубль. В ст. 140 ГК РФ понятие денег соотносится с понятием валюты, сюда же относится и иностранная валюта¹. Положения ст. 1 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»² позволяют говорить о так называемых наличных и безналичных деньгах. Однако ст. 128 ГК РФ совершенно четко относит деньги к вещи, в понятие которой не укладываются так называемые безналичные деньги. Безналичные деньги не имеют вещно-правовой природы, а представляют собой право требования о возврате денежного долга, безналичных денежных средств физически не существует³.

В каком аспекте следует понимать деньги применительно к подкупу? Думается, что следует исходить из гражданско-правового понимания. В этой связи мы согласимся с таким утверждением авторов, по мнению которых, наличные деньги, относятся к вещам как объектам гражданских прав, безналичные деньги относятся к имущественным правам. При этом деньги как вещи и деньги как имущественные права охватываются понятием «имущество»⁴.

¹ См.: Степанченко А. В. Иностранная валюта как объект современного гражданского оборота // Бизнес. Менеджмент и Право. 2013. № 2. С. 36–42.

² См.: О валютном регулировании и валютном контроле : федер. закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50. Ст. 4859.

³ См.: Бекетов А. А. К вопросу о правовой природе безналичных денег // Общество и право. 2011. № 4. С. 277–279.

⁴ См.: Карасева М.В. Деньги – объект имущественных финансовых правоотношений // Законодательство и экономика. 2006. № 11. С. 54–60.

Ценные бумаги в качестве объекта гражданских прав описаны в главе 7 ГК РФ. Статья 142 ГК РФ определяет понятие документарных ценных бумаг, а также бездокументарных ценных бумаг. Мы не будем детально останавливаться на проблемах, которые обсуждаются в цивилистической науке применительно к пониманию ценных бумаг¹. Это не предмет нашего исследования. Что касается иного имущества, то здесь следует руководствоваться, прежде всего, ст. 130 ГК РФ, в которой имущество (вещи) подразделяется на: недвижимое (недвижимость) и движимое.

Следующей возможной составляющей подкупа, указанной в УК РФ, являются услуги имущественного характера. П. Яни отмечал, что термин «услуги имущественного характера», не имеющий точно установленного им значения, должен конкретизироваться в процессе правоприменительной деятельности и толковаться уполномоченным на то законодательным либо судебным органом².

В ст. 128 УК РФ, как уже говорилось, в качестве объекта гражданских прав указаны результаты работ и оказание услуг. Данные объекты друг от друга обособляются. В УК РФ о результатах работ как составляющей подкупа прямо не указывается. В ГК РФ не дается определения работ и услуг. В соответствии со ст. 38 Налогового кодекса РФ работой признается деятельность, результаты которой имеют материальное выражение и могут быть реализованы для удовлетворения потребностей организации и (или) физических лиц, услугой – деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности.

В этой связи на страницах юридической печати указывается, что бесспорным критерием разграничения работ и услуг является вещественный результат. В работах лицо, выполняющее работу, обязано не только осуществить деятельность, но и сдать заказчику материальный, овеществленный результат, в услугах исполнитель выполняет только определенную деятельность и не всегда обязан предоставлять какой-либо вещественный результат³. Такое толкование указанных терминов подтверждается, к примеру, и ст. 702, 779 ГК РФ.

Как мы видим, в гражданско-правовой доктрине имеется довольно четкое разграничение работ и услуг. В уголовном законе говорится об услугах имущественного характера. В данном случае имеется расхождение в терминах. Правоприменитель в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» поясняет, что под незаконным

¹ См., напр.: Белов В.А. Современное состояние и перспективы развития цивилистической теории ценных бумаг // Вестник гражданского права. 2010. № 4. С. 22–57.

² См.: Яни П. С. Экономические и служебные преступления. М. 1997. С. 118.

³ См.: Сокол П. В. Проблемы понятия, правового регулирования и классификации гражданско-правовых услуг // Журнал российского права. 2009. № 8. С. 49–60.

оказанием услуг имущественного характера судам следует понимать предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств¹. Иными словами в услуги имущественного характера согласно данному разъяснению включаются и работы в их гражданско-правовом понимании и то, что не охватывается ни понятием работ, ни понятием услуг (предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, прощение долга, исполнение обязательств перед другими лицами др.).

По нашему мнению, использование законодателем в уголовном законе термина «услуги имущественного характера», отличающегося от гражданско-правового термина «услуги» за счет придания им имущественного характера, является неудачным. Использование данного термина подверглось справедливой критике на страницах юридической печати². И вполне понятно, что недопустима произвольная трактовка правоприменителем специальных терминов иных отраслей права, используемых в уголовном законодательстве.

Ранее в ст. 290 УК РФ использовался термин «выгоды имущественного характера», который не вступал в противоречие с другими отраслями права. Под ними предлагалось понимать занижение стоимости передаваемого имущества, приватизируемых объектов, уменьшение арендных платежей, процентных ставок за пользование банковскими ссудами³. Как отмечает П. Яни, это не услуги либо работы в гражданско-правовом смысле. К выгодам он предлагает также относить прощение должностному лицу долга, исполнение за него имущественных обязательств, устройство должностного лица либо его близких на работу с более высокой зарплатой и др.⁴ Термин «выгоды имущественного характера» может пониматься довольно широко и охватывать, в том числе, нелегитимные услуги⁵.

В этой связи, целесообразно в ст. 204, 290 и 304 УК РФ вместо термина «услуги имущественного характера» использовать термин «выгоды имущественного характера». Более того, сам правоприменитель в вышеука-

¹ См.: О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

² См., напр.: Тюнин В. Замечания по поводу проекта нового Постановления Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о взяточничестве, коммерческом подкупе и иных коррупционных преступлениях» // Уголовное право. 2013. № 5. С. 108–109.

³ См.: О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.

⁴ Яни П. Выгоды имущественного характера как предмет взятки // Законность. 2009. № 1. С. 17–22.

⁵ См.: Иванов Н. К дискуссии о разъяснениях Пленума Верховного Суда о квалификации взяточничества // Уголовное право. 2013. № 5. С. 71–73.

занном п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. предлагает под оказанием услуг имущественного характера понимать *предоставление любых имущественных выгод*. Таким образом, это будет способствовать фактическому пониманию услуг имущественного характера и устранит возникшую коллизию с гражданским законодательством.

И, наконец, последняя составляющая подкупа, – иные имущественные права. Понятие «имущественное право» употребляется, прежде всего, в значении обязательственного имущественного права, обладающего определенной ценностью и способного участвовать в гражданском обороте¹. Толкование гражданского законодательства позволяет сделать вывод, что понятием «имущественные права» охватываются вещные права (право собственности и иные вещные права – ст. 209, 216 ГК РФ), обязательственные права (ст. 307 ГК РФ), за исключением личных имущественных прав (ст. 383 ГК РФ), исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (ст. 1226, 1229 ГК РФ).

Однако в уголовном законе применительно к данной составляющей подкупа имеются принципиальные неточности. Во-первых, законодатель использует приставку «иные», хотя в ст. 128 ГК РФ используется термин имущественные права. В ст. 204 и 290 УК РФ не приводятся разновидности имущественных прав, что логически могло бы объяснить приставку «иные». Правоприменитель в вышеуказанном действующем Постановлении, к сожалению, не поясняет сущность данной составляющей подкупа. Вполне очевидно, что корректным в ст. 204 и 290 УК РФ является употребление термина «имущественные права». Во-вторых, законодатель в ст. 204 и 290 УК РФ расположил имущественные права в конце перечня – после услуг имущественного характера. Хотя в юридической литературе вполне резонно отмечается, что в соответствии со ст. 128 ГК РФ вещи входят в категорию имущества, являются его составной, но не единственной частью. Имущество, помимо вещей, включает в себя имущественные права². В этой связи имущественные права должны располагаться перед услугами имущественного характера.

Еще один дискуссионный вопрос – причина не включения в ст. 304 УК РФ иных имущественных прав. В данной норме, как отмечалось, указаны деньги, ценные бумаги, иное имущество и услуги имущественного характера. В ст. 304 УК РФ указаны составляющие имущества – деньги, ценные бумаги, иное имущество. Если проводить аналогию с конструкцией ст. 204 и 290 УК РФ, то имущественные права должны быть указаны в ст. 304, так как имущественные права – тоже имущество. С другой стороны, анализ ст. 128 ГК РФ показывает, что имущественные права включены в состав ино-

¹ См.: Рыбаков В. В. Обязательственное имущественное право как объект гражданского оборота // Гражданское право. 2008. № 2. С. 40–43.

² См.: Аликумова Г. Ю. Некоторые проблемы квалификации объектов гражданских прав // Общество и право. 2009. № 5. С. 126–130.

го имущества, которое указано в ст. 304 УК РФ. Получается, что с гражданско-правовой позиции имущественные права в данной норме охвачены. Тогда зачем в ст. 204 и 290 УК РФ иные имущественные права обособлены от иного имущества? Вопрос остается без ответа.

Вывод напрашивается в данной ситуации единственный: конструкция ст. 204, 290 и 304 УК РФ в части формулировки составляющих подкупа не отвечает принципу системности не только на отраслевом, но и межотраслевом уровне и нуждаются в существенной доработке.

Исходя из вышеизложенного, средства криминального подкупа должны пониматься как в гражданско-правовом смысле, так и с учетом устоявшейся практики. Их можно условно подразделить на два вида: 1) имущество, 2) выгоды имущественного характера. Первый вид – это гражданско-правовая категория, содержание которой определяется ст. 128 ГК РФ. Сюда входят вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права, о которых говорилось. Второй вид является смешанной категорией, поскольку включает результаты работ и оказание услуг как гражданско-правовой категории, а также иные выгоды имущественного характера, не являющиеся гражданско-правовыми категориями, понимающиеся с учетом сложившейся судебной практики (избавление полностью или частично от материальных затрат –освобождение от возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.).

О. В. КНЯЗЕВА,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права
(Академия ФСИН России)

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, УЧИТЫВАЕМЫЕ СУДОМ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ

Условное осуждение представляет собой специфический способ реагирования государства на преступление. Он подразумевает то, что эта мера уголовно-правового характера часто применяется судом для того, чтобы не оставить без внимания совершенное преступление. Ведь нередко бывают на практике случаи, когда лицо впервые совершает преступление вследствие случайного обстоятельство, положительно характеризуется, возмещает причиненный преступлением вред или совершает иные положительные действия. В данном случае можно констатировать, что такие цели наказания, как исправление осужденного и предупреждение преступлений, вполне достигнуты в той степени, в какой они могли быть достигнуты при применении к лицу реально отбываемого наказания. Восстановление же социальной справедливости достигнуто путем привлечения виновного к уголовной ответственности.

При назначении наказания лицу, совершившему преступление учитываются следующие смягчающие обстоятельства:

- совершение впервые преступления небольшой тяжести несовершеннолетие виновного;
- беременность;
- наличие малолетних детей у виновного;
- совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания;
- совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения;
- противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившиеся поводом для преступления;
- явка с повинной, активное способствование раскрытию преступления, изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления;
- оказание медицинской или иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему.

Суд, определяя возможность применения условного осуждения, взвешивает многие обстоятельства, причем приоритет отдается обстоятельствам, относящимся к личности виновного, так как условное осуждение есть своего рода акт оказания доверия судом подсудимому. Это прежде всего наличие или отсутствие судимости (хотя сама по себе судимость не является препятствием к применению условного осуждения), поведение лица до преступления, отношение к работе, учебе и т. п. Достаточно часто учитывается семейное положение виновного.

Степень общественной опасности лица определяется и его поведением после совершения преступления (активное раскаяние, принятие мер к устранению вреда и возмещению ущерба, явка с повинной и т. п.). Общественная опасность лица определяется и тяжестью совершенного им преступления. Однако сама по себе тяжесть деяния не является препятствием к применению института условного осуждения.

Вместе с тем, имеют место и случаи схематичного и формального подхода при назначении наказания, когда суды ограничиваются общей формулировкой «учитывая характер и степень общественной опасности совершенного преступления и смягчающие обстоятельства», не раскрывая содержания указанных понятий и условное осуждение выносится несправедливо. Так по приговору районного суда г. Омска К. осужден по ст. 111 ч. 1, ст. 73 УК РФ к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком в 3 года.

К. признан виновным и осужден за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью П.В., совершенное 14.05.2014 г. при изложенных в приговоре обстоятельствах. В соответствии с ч. 4 ст.15 УК РФ данное преступление отнесено законодателем к категории тяжких.

Назначая наказание, суд учел в качестве смягчающих наказание К. обстоятельств наличие на его иждивении малолетнего ребенка, молодой возраст, частичное признание вины, добровольное частичное возмещение морального вреда, его первую судимость и назначил наказание без реального лишения свободы.

Однако, по мнению судебной коллегии, достаточных оснований для применения ст.73 УК РФ при назначении осужденному наказания у суда не имелось и наблюдался формальный подход к делу.

При решении вопроса о наказании в отношении К. суд не учел требования ст. 60 УК РФ, согласно которым при назначении наказания должны быть учтены характер и степень общественной опасности совершенного виновным преступления. Именно характер общественной опасности совершенного в отношении потерпевшего П.В. преступления, относящегося к категории тяжких, не учтен судом при определении наказания К.

При изложенных обстоятельствах приговор в отношении К. признать законным и обоснованным нельзя.

Судам следует иметь в виду, что обстоятельства, смягчающие наказание, признаются таковыми с учетом установленных в судебном заседании

фактических обстоятельств уголовного дела. Во всяком случае, непризнание обстоятельства смягчающим наказание должно быть мотивировано в описательно-мотивировочной части приговора.

Существенно снижают степень общественной опасности преступного действия, совершенного в условиях обстоятельств, исключая в иных ситуациях преступность деяния. Например, при превышении пределов необходимой обороны или превышении мер задержания лица, совершившего преступление. Значение этого фактора настолько велико, что законодатель признает его обстоятельством, смягчающим наказание (п. «ж», ч.1 ст. 61 УК РФ). В подобных ситуациях, как мы полагаем, должно достаточно широко применяться условное осуждение.

Согласно п. 2 ст. 73 УК РФ, при назначении условного осуждения суд должен учитывать в том числе и отягчающие обстоятельства.

Совершение лицом преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных или других одурманивающих веществ, законом не отнесено к обстоятельствам, отягчающим наказание.

При решении вопроса о наличии рецидива преступлений судам следует иметь в виду, что основанием для признания рецидива преступлений является судимость только за умышленное преступление. При этом судимости, указанные в части четвертой статьи 18 УК РФ, не учитываются (например, наличие у лица, совершившего тяжкое преступление, судимости за преступление небольшой тяжести, не образует рецидива преступлений. Однако совершение умышленного преступления небольшой тяжести лицом, имеющим судимость за тяжкое преступление, образует рецидив преступлений).

При установлении рецидива преступлений их стадии (оконченное или неоконченное) и виды соучастия (исполнитель, организатор, пособник, подстрекатель) значения не имеют.

Наличие отягчающих обстоятельств не всегда означает отсутствие основания применения условного осуждения. Например, отказ от условного осуждения при наличии отягчающих обстоятельств, исключил бы возможность применения этого института, к лицам, совершившим хищения, так как это преступление совершается из корыстных побуждений.

Условное осуждение, будучи примененным к различным категориям лиц, вызывает неодинаковые последствия. Одними условное осуждение воспринимается в качестве акта милосердия, доверия, которые нужно оправдать, а другими может рассматриваться в качестве ловкой проделки или удачного стечения обстоятельств, позволивших избежать ответственности. И действительно, применение судом условного осуждения – это проявление к лицу, совершившему преступление, доверия, основанного на возможности его исправления и воспитания без реального отбывания наказания. Доказать свое исправление условно осужденный должен именно в период испытательного срока.

Р. В. КОЛЬЯКОВ,
соискатель Академии ФСИН России,
оперуполномоченный отдела собственной безопасности
(УФСИН России по г. Москве)

ОГРАНИЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ВОЗЛАГАЕМЫЕ НА УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫХ

В настоящее время уголовно-исполнительная система (далее – УИС) Российской Федерации развивается в соответствии с международными нормативно-правовыми актами и отечественным законодательством, интегрируясь в европейское и мировое сообщество. Согласно Уголовно-исполнительному кодексу РФ, «уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами». Уместно отметить, что данная норма подразумевает как осуждение к реальному сроку наказания в виде исправительных работ, ограничению по военной службе, содержанию в дисциплинарной воинской части или лишению свободы, так и условное осуждение.

Положениями ч. 5 ст. 73 Уголовного кодекса РФ закреплено, что суд, назначая условное осуждение, возлагает на условно осужденного с учетом его возраста, трудоспособности и состояния здоровья исполнение определенных обязанностей: не менять постоянного места жительства, работы, учебы, без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательном учреждении. Также установлено, что суд может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению. Таким образом, список обязанностей, возлагаемых на условно осужденного может быть достаточно широким. В связи с этим, судам необходимо, при вынесении приговора, всесторонне, полно и объективно учитывать личность обвиняемого, его стремление к исправлению, осознание вины и ряд других факторов, необходимых для принятия решения о назначении условно осужденному обязанностей и ограничений.

Нам представляется, что в данном случае уместно говорить об обязанностях, возлагаемых на условно осужденного в ключе применения к последнему ограничений.

В толковых словарях русского языка понятие «ограничение» понимается как грань, предел, рубеж; удержание в известных рамках, границах;

правило, ограничивающее какие – либо права, действия; стеснение определенными условиями; лимитирование сферы деятельности, сужение возможностей и так далее¹.

Следует отметить, что правовые ограничения имеют все признаки принудительных мер: применяются вне зависимости от желания и волеизъявления гражданина, могут быть подкреплены силовым воздействием государства. Несмотря на свой превентивно-властный характер они играют положительную роль в правовом регулировании поведения, так как в конечном итоге направлены на обеспечение социально-полезных интересов общества и государства.

Например, в уголовно-исполнительных инспекциях (далее – УИИ) УФСИН России по г. Москве в 2014 году состояло на учете 18090 условно осужденных, из них 395 несовершеннолетних. Количество лиц, имевших обязанность пройти курс лечения от наркомании составило 1100 человек, из них 2 несовершеннолетних, от алкоголизма 139 человек, из них 1 несовершеннолетний. Общее количество условно осужденных, имевших дополнительные обязанности (ограничения), возложенные судом по представлению УИИ, либо установленные постановлением УИИ составило 5181 человек, из них 58 несовершеннолетних.

Согласно п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» нижестоящим судам рекомендуется помимо обязанностей, которые могут быть возложены на несовершеннолетнего осужденного в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 73 УК РФ, в соответствии с ФЗ от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» при наличии к тому оснований обязать несовершеннолетнего осужденного пройти курс социально-педагогической реабилитации (психолого-педагогической коррекции) в учреждениях, оказывающих педагогическую и психологическую помощь гражданам (обучающимся, воспитанникам, детям), имеющим отклонения в развитии. Возложение на несовершеннолетнего обязанности возвратиться в образовательное учреждение для продолжения обучения возможно только при наличии положительного заключения об этом психолого-медико-педагогической комиссии органа управления образованием.

Кроме того, Верховный Суд РФ рекомендует при наличии сведений о злоупотреблении несовершеннолетним осужденным алкоголем, наркотическими или токсическими веществами обязать его пройти обследование в наркологическом диспансере в сроки, установленные специализированным органом, осуществляющим исправление осужденного, а при необхо-

¹ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. ; М., 1881. Т. 2. С. 647–648; Словарь синонимов русского языка. М., 1986. С. 305; Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 357.

димости и отсутствии противопоказаний – пройти курс лечения от алкоголизма (наркомании, токсикомании).

Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует, что суды не только не пользуются правом расширительного толкования уголовного закона, выходя за рамки перечня ограничений, установленного ч. 5 ст. 73 УК РФ, но и не используют весь арсенал, предусмотренный законом обязанностей, которые можно возложить в отношении условно осужденного несовершеннолетнего¹.

Практические работники уголовно-исполнительной системы отмечают, что, как правило, суд возлагает на условно осужденных такие ограничения, как не менять места жительства и являться на регистрацию в уголовно-исполнительную инспекцию не реже 1 раза в месяц. При этом нередки случаи, когда условно осужденные жалуются на нехватку денежных средств на общественный транспорт для явки на регистрацию. В данном случае представляется уместным наложение ограничения малоимущим условно осужденным гражданам в виде обязательного трудоустройства на работу.

Все возложенные на условно осужденных обязанности носят превентивный характер и являются обязательными для исполнения, таким образом они ограничивают свободу действий, места посещения условно осужденных, предписывают им определенный характер поведения в обществе.

Ключевым направлением в исправлении условно осужденных является не только наложение определенных обязанностей и ограничений, а также и повышение эффективности данных ограничений. «Современная уголовно-правовая политика ориентирует уголовно-исполнительные инспекции, главным образом, на установление контроля за поведением испытуемых лиц по месту их жительства, тем самым изначально ограничивает деятельность специализированного государственного органа контрольными функциями»².

Для подтверждения эффективности ограничений необходимо установить критерии исправления условно осужденных в период испытательного срока. В завершении процесса исправления условно осужденный должен обладать высоким уровнем правосознания, который не позволит совершать ему в дальнейшем противоправные действия.

Соответственно, деятельность специализированного государственного органа должна быть направлена на формирование у условно осужденного устойчивой социально полезной линии поведения. В данном ключе и должна проводиться работа сотрудниками УИИ, в процессе которой возлагаемые ограничения и обязанности могут быть отменены полностью или частично, либо дополнены новыми в соответствии с УК РФ, в зависимости

¹ См.: Скрипченко Н. Ю. Практика применения условного осуждения в отношении несовершеннолетних // Российская юстиция. 2011. № 11.

² Авдеев В. А., Авдеева О. А. Условное осуждение в контексте современной уголовно-правовой политики РФ / Российская юстиция. 2014. № 5.

от становления условно осужденного на путь отказа от дальнейших противоправных действий при любых жизненных обстоятельствах.

Обращая внимание на зарубежный опыт применения ограничений и обязанностей на условно осужденного, рассмотрим некоторые аспекты законодательства Австрии. Как уместно отмечает А.В. Звонов, по вопросу возложения обязанностей на условно осужденного в правовом регулировании обеих стран есть принципиальные различия.

Так, если в российском законодательстве перечень возлагаемых на осужденного обязанностей открыт и единственным условием их назначения является их способствование исправлению осужденного, то в соответствии с австрийским законодательством четко регламентирован список обязанностей, указаний и требований, которые суд может предъявить к осужденному, что, по нашему мнению, ограничивает возможности суда по дифференциации и индивидуализации приговора.

Также заслуживает внимания и тот факт, в соответствии с которым возложение обязанностей на осужденного является обязанностью российских судов и правом судов Австрии. В соответствии с § 50 УК Австрии суд должен дать ему указания или предоставить помощь, которая заключается в назначении соответствующим ведомством или учреждением, оказывающим помощь условно освобожденному правонарушителю, помощника для оказания помощи правонарушителю.

Деятельность помощника заключается в формировании такого образа жизни и жизненной позиции правонарушителя, которые в будущем препятствовали бы ему совершать новые преступные деяния. Помощник должен подходящим образом поддерживать условно освобожденного в его устремлениях, способствовать обеспечению его основных жизненных потребностей, при необходимости найти ему место проживания и работу¹.

Согласно УК РСФСР 1960 года, таким «помощником» выступал трудовой коллектив или общественные организации.

Если при назначении наказания в виде лишения свободы или исправительных работ суд, учитывая обстоятельства дела и личность виновного, придет к убеждению о нецелесообразности отбывания виновным назначенного наказания, он может постановить об условном неприменении наказания к виновному с обязательным указанием в приговоре мотивов условного осуждения. В этом случае суд постановляет не приводить приговор в исполнение, если в течение определенного судом испытательного срока осужденный не совершит нового преступления и примерным поведением и честным трудом оправдает оказанное ему доверие.

Учитывая обстоятельства дела, личность виновного, а также ходатайства общественных организаций или трудового коллектива по месту ра-

¹ См.: А. В. Звонов Условное освобождение от наказания в уголовном законодательстве России и Австрии: краткий сравнительно-правовой анализ // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 2.

боты виновного о его условном осуждении, суд может передать условно осужденного этим организациям или коллективу для перевоспитания и исправления. При отсутствии указанного ходатайства суд может возложить на определенный трудовой коллектив или лицо, с их согласия, обязанность по наблюдению за условно осужденным и проведению с ним воспитательной работы.

По ходатайству общественной организации или трудового коллектива, которым поручено наблюдение за условно осужденным, суд может сократить установленный приговором испытательный срок.

Если условно осужденный, переданный на исправление и перевоспитание, а также под наблюдение общественной организации или трудовому коллективу, не оправдал их доверия, нарушил обещание примерным поведением и честным трудом доказать свое исправление либо оставил трудовой коллектив с целью уклониться от общественного воздействия, то по ходатайству общественной организации или трудового коллектива суд может вынести определение об отмене условного осуждения и о направлении осужденного для отбывания наказания, назначенного приговором¹.

Таким образом, можно прийти к выводу, что для создания наиболее эффективной в современных условиях системы исправления условно осужденных, при возложении на них обязанностей и ограничений, необходимо руководствоваться личностными особенностями осужденного, а также принимать на законодательном уровне новые поправки в действующие нормативно-правовые акты, отражающие позитивный отечественный и зарубежный опыт.

¹ См.: УК РСФСР, утв. Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960. Ст. 44.

С. А. КОПЫТКИН,
кандидат юридических наук,
начальник отдела
(НИИ ФСИН России)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, СТРАДАЮЩИХ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Одной из глобальных проблем современного Российского общества является неуклонный рост количества лиц, имеющих различного рода заболевания, что подтверждается медицинским анализом социальной стратификации граждан Российской Федерации. Так, по данным Министерства здравоохранения Российской Федерации в 2014 г. на каждые 100 тыс. населения в среднем каждый субъект чуть менее 2 раз официально обращался за медицинской помощью, не считая незарегистрированных случаев. Общую ситуацию дополняют данные Минздрава РФ, свидетельствующие о том, что, несмотря на комплекс адекватных и эффективных мер, предпринимаемых органами государственной власти, уровень смертности населения Российской Федерации в 2014 г. по сравнению с 2013 г. возрос на 0,2 %, и его окончательная стабилизация потребует определенного количества времени¹.

Представляется бесспорным и тот факт, что лица, осужденные за совершение тех или иных преступлений, также представляют собой обширную социальную группу, которая, в свою очередь, обладает неким количеством общих с иными слоями населения признаков, к числу которых относятся и уровень заболеваемости. Уместно отметить также, что показатели заболеваемости рассматриваемой группы лиц, равно как и нозологический состав болезней, которыми они страдают, представляются крайне специфическими, что детерминировано как объективными, так и субъективными причинами. Образ жизни лица, осужденного за совершение какого-либо преступления, далек от идеального, а в большинстве случаев направлен на сознательное разрушение собственного здоровья в угоду патологическим влечениям, преступным интересам, или же неформальной преступной идеологии. Это приводит к возникновению тяжелых заболеваний, различных по своей этиологии и локализации, однако вполне удачно сочетающихся и представляющих высокую эпидемическую опасность. В свою очередь, органы и учреждения, исполняющие наказания и фактически являющиеся местами концентрации осужденных, сталкиваются в своей деятельности с предельно высоким уровнем различных со-

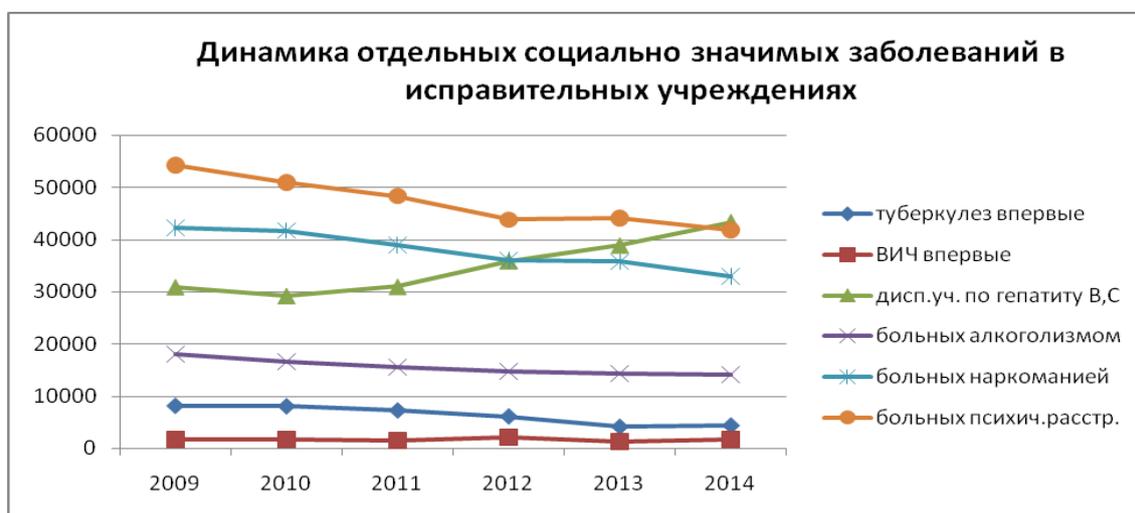
¹ Доклад «Об итогах работы Министерства здравоохранения Российской Федерации в 2014 г. и задачах на 2015 г. М., 2015. С. 11.

циально значимых заболеваний (далее – СЗЗ) и высокой скоростью их распространения, что формирует комплекс проблем, связанных с исполнением наказания в отношении осужденных рассматриваемой категории.

Анализ спектра вопросов, связанных с исполнением наказаний в отношении осужденных, страдающих СЗЗ, говорит о все более острой необходимости систематизации и классификации возникающих в контексте данной деятельности проблем, формировании способов их научно-практического разрешения, а также определении круга субъектов компетентных осуществлять подобного рода функции. Представляется, что среди массива проблем, сформировавшихся к настоящему моменту, в рамках рассматриваемой тематики следует классифицировать медицинские, правовые и организационные.

Констатируя определенное повышение эффективности в оказании медицинской помощи осужденным, имеющим СЗЗ, необходимо отметить, что вопросы прогнозирования и определения закономерностей динамики СЗЗ как оснований для совершенствования законодательной базы и организационно-тактических методик исполнения наказаний в отношении осужденных изучаемой категории, к сожалению, по-прежнему не рассматриваются в качестве первоочередной задачи.

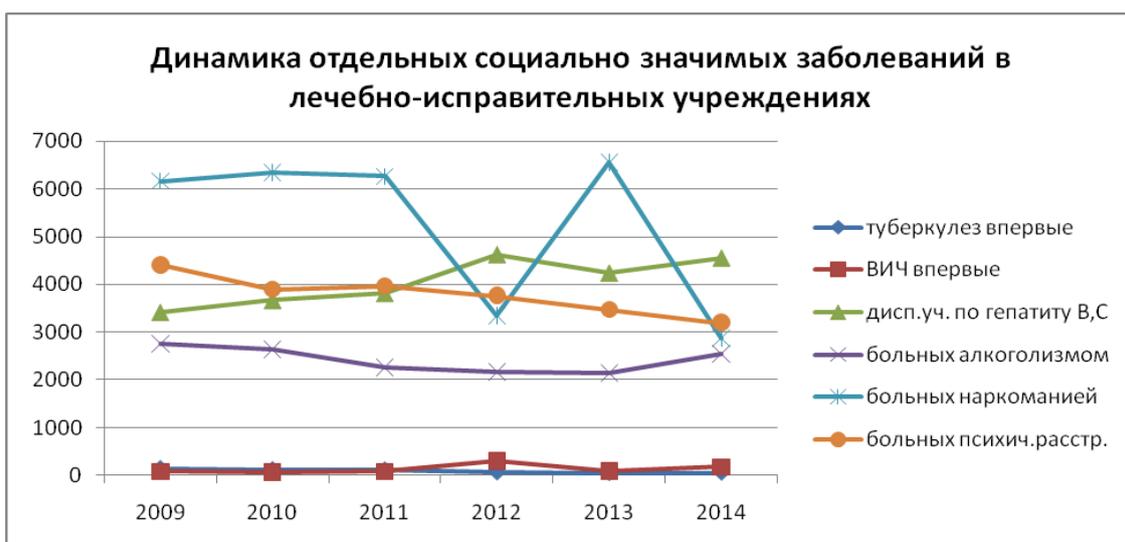
Применительно к исправительным колониям следует отметить, что в среде осужденных представлены практически все виды СЗЗ, из числа которых более многочисленными являются наркомания, гепатиты В и С, различного рода психические расстройства.

В деятельности лечебно-профилактических учреждений 2014 г. можно считать периодом, характеризующимся увеличением количества больных туберкулезом, ВИЧ-инфекцией, гепатитами В, С, психическими расстройствами, наркоманией.

Динамика заболеваний по ЛИУ как специализированным учреждениям, исполняющим наказание в виде лишения свободы, отличается от ЛПУ более высокими показателями по алкоголизму и наркомании. Вместе с тем, и для ЛИУ отмечается возросшее количество осужденных, поставленных на диспансерный учет в связи с заболеванием гепатитом В, С¹.

Одной из значимых правовых проблем, связанных исполнением наказаний в отношении осужденных с социально значимыми заболеваниями, является отсутствие их законодательно закрепленной дефиниции и разрозненная регламентация в действующем законодательстве. Такие распространенные среди осужденных заболевания алкоголизм и наркомания с юридической точки зрения не имеют статуса социально значимых, поскольку не фигурируют в Перечне социально значимых заболеваний и перечне заболеваний, представляющих опасность для окружающих, утвер-

¹ Данные о динамике СЗЗ сформированы на основании статистической отчетности ФСИН России в период с 2009 по 2014 годы: отчеты Заб.-3, ФСИН-6 МЕД-1 и формы 2-УИС, 8-УИС.

жденных постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715. Наличие подобных пробелов в законодательстве, влечет за собой общую несогласованность в реализации норм права, связанных с лицами, имеющими СЗЗ, в частности осужденных. В этой связи представляется небезынтересной позиция отдельных психиатров, которые априори считают наркоманию и алкоголизм психическими расстройствами¹, что в целом является научно обоснованной, однако отнюдь не бесспорной позицией особенно с юридической точки зрения.

Постпенитенциарная помощь осужденным, имеющим социально-значимые заболевания, также является не только медицинской, но и организационно-правовой проблемой, поскольку находясь в учреждениях исполняющих наказания в виде лишения свободы осужденный с выявленным СЗЗ вынужден проходить принудительное лечение, а также воздерживаться от факторов, провоцирующих СЗЗ. После освобождения из мест лишения свободы лица с СЗЗ, как правило, прекращают лечение и возобновляют деструктивное поведение обостряющее течение заболевания, что зачастую приводит их к необходимости продолжить свою преступную деятельность.

Представляется, что одним из вариантов решения вышеупомянутой проблемы стала бы возможность предусмотреть в УИК РФ положение, обязывающее администрацию учреждения вносить в суд представление о продлении обязательного лечения для лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы, уклонявшихся в период отбывания наказания от обязательного лечения и нарушающих санитарно-противоэпидемические правила.

В этих целях следовало бы дополнить ст. 18 УИК РФ новой частью 3.1: «3.1. В отношении осужденных, больных алкоголизмом, наркоманией, открытой формой туберкулеза, не прошедших полный курс лечения венерического заболевания, а также ВИЧ-инфицированных, подлежащих освобождению из учреждений, исполняющих уголовное наказание, администрация учреждения, исполняющего наказание, обязана входить с представлением в суд о продлении их обязательного лечения после освобождения».

Одной из ключевых организационных проблем, связанных с исполнением наказаний в отношении осужденных, страдающих социально значимыми заболеваниями, является обеспечение режима и безопасности, а также предотвращение преступной деятельности рассматриваемой категории лиц.

Как показывает современная практика исполнения наказаний, с каждым годом возрастает общественная опасность преступной деятельности осужденных, имеющих СЗЗ. Произошедшая только в текущем году серия

¹ См.: Судебная психиатрия : учеб. для вузов / Н.М. Жариков, Г.В. Морозов, Д.В. Хритинин. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

бунтов в ЛИУ-3 ГУФСИН России по Нижегородской области (06.05.2015)¹ и в ФКУ ЛИУ-19 ГУФСИН России по республике Башкортостан² (10.05.2015 и 08.06.2015) позволяет судить об истинных масштабах преступной деятельности осужденных рассматриваемой группы и острой нехватки к настоящему моменту у правоохранительных органов, и в первую очередь органов ФСИН России эффективных методов не только предотвращения подобных действий, но и локализации их последствий.

Можно предположить также, что любое социально значимое заболевание представляет собой фактор, влияющий на преступную деятельность (механизм совершаемого преступления) и деятельность по предотвращению расследованию преступлений, совершенных рассматриваемой категорией лиц, а именно:

во-первых, на способ совершения преступления и связанные с ним орудия и средства (например, ст. 122 УК РФ умышленное заражение ВИЧ инфекцией и т.д.);

во-вторых, на личность преступника как фактор, мотивирующий совершить преступные действия (алкоголизм, наркомания, психические расстройства, тяжелые формы туберкулеза и ВИЧ);

в-третьих, на обстановку совершаемого преступления (изоляция осужденных, имеющих СЗЗ) и профессиональную деятельность органов и учреждений ФСИН России (специфика производства режимных мероприятий в отношении рассматриваемой категории лиц, высокий уровень эпидемической опасности, возможность дезорганизации деятельности учреждения);

в-четвертых, на осуществление органами следствия, а также оперативными подразделениями, в том числе и подчиненными ФСИН России, деятельности по расследованию преступлений, совершенных рассматриваемой категорией лиц (например, наличие специфики в производстве следственных действий, оперативно-тактических и режимных мероприятий в отношении лиц с СЗЗ, особенности планирования, взаимодействия и документирования расследования и осуществления ОРД по рассматриваемой категории дел и др).

Безусловно, перечень перечисленных проблем, связанных с исполнением наказаний в отношении осужденных, страдающих СЗЗ, является далеко не исчерпывающим, в том числе и в силу установленного объема данной публикации, однако думается, что изложенные в ее содержании дискуссионные вопросы, при должном уровне внимания со стороны научного сообщества в скором времени найдут свое практическое разрешение.

¹ Официальный сайт газеты Московский Комсомолец. URL : <http://www.mk.ru/social/2015/05/06/zaklyuchennye-liu3nizhegorodskoy-oblasti-podnyali-bunt.html>.

² Сайт правозащитники Урала. URL : <http://pravo-ural.ru/2015/06/11/bunt-v-liu-19-v-bashkirii-prodolzhaetsya-treti-sutki>.

А. В. КОРОБКИН,
преподаватель кафедры уголовного права
(Академия ФСИН России)

**РАЗВИТИЕ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР
КАК ОДНА ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ ЗАДАЧ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Различные формы изоляции от общества объективно оказывают на «преступивших закон» десоциализирующее воздействие. Лицо, совершившее преступление, помещается при этом в среду индивидов, нарушивших уголовный закон, изолируется, что неизменно ведет к утрате его социально значимых связей, восстановление которых после освобождения из мест лишения свободы затруднено, а порой и невозможно. Отсюда низкая эффективность деятельности пенитенциарных учреждений в вопросах исправления преступников. Кроме того, не следует забывать о том, что не только упущения законодательного порядка, но и недоработки персонала исправительных учреждений влекут за собой пенитенциарный и постпенитенциарный рецидив преступлений¹.

Как справедливо отмечает М. С. Рыбак, «многолетняя практика применения уголовного наказания указывает на то, что лишение свободы не должно быть преимущественной санкцией и за совершенное преступное деяние. С целью реализации этой идеи важно создавать соответствующие предпосылки для альтернативных решений как организационного, так и правового характера»². Пути решения указанной проблемы должны рассматриваться в качестве одного из магистральных направлений современной уголовно-исполнительной политики.

Представляется очевидным обстоятельство, согласно которому настала пора более интенсивно формировать позитивное мнение в обществе о правоохранительных органах, в том числе об учреждениях и органах УИС, об их роли в исправлении и ресоциализации осужденных.

Из-за недостаточности внимания к потребностям потерпевшего от преступления, интересов семьи осужденного, излишней карательной направленности современной уголовной политики государства, а также в целях реализации положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. представляется необходимым создание альтернативной системы разрешения уголовно-правового конфликта с использованием примирительных процедур, направленной на восстановление нарушенных прав и заглаживание причи-

¹ См.: Уголовно-исполнительное право России : учебник / под ред. П. Е. Конегера, М. С. Рыбака. М., 2010. С. 44.

² См.: Там же. С. 44–45.

ненного потерпевшему вреда с участием нейтрального посредника – медиатора.

Развитие примирительных процедур является одним из приоритетных направлений совершенствования существующих в Российской Федерации механизмов урегулирования споров и защиты нарушенных прав граждан.

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹, вступивший в силу с 1 января 2011 г., создает правовые основания для становления и развития медиации в Российской Федерации, является шагом к реализации мероприятий по внедрению примирительных процедур, предусмотренных в названной Федеральной целевой программе.

На значимость внедрения в российскую правовую систему института медиации обращено внимание в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 22 декабря 2011 г.².

Вместе с тем в перечне поручений Президента Российской Федерации от 26 декабря 2011 г. № Пр-3884 и поручений Председателя Правительства РФ от 29 декабря 2011 г. № ВЗ-П13-9278 по реализации основных положений указанного Послания говорится о необходимости осуществления правовой регламентации вопросов, касающихся введения обязательных примирительных процедур при разрешении некоторых видов споров³.

Международно-правовые акты также содержат указания на необходимость внедрения восстановительных технологий в национальную правовую систему и исходя из необходимости дифференцированного подхода к рассмотрению и разрешению уголовных дел различных категорий ориентируют на необходимость максимального обеспечения прав и интересов лиц, пострадавших от преступлений. К ним, в частности, можно отнести Венскую декларацию 2000 г. о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века⁴, Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью 1985 г.⁵; Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних 1985 г. (Пекинские правила)⁶, Рекомендацию Коми-

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 5544.

² Текст Послания официально опубликован не был. Источник информации – официальный сайт Президента РФ <http://www.kremlin.ru/news/14088> (дата обращения: 5.02.2014).

³ См.: Николюкин С. В. Правовые технологии посредничества (медиации) в Российской Федерации : науч.-практ. пособие. М., 2013. С. 4.

⁴ Принята на Десятом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Вена, 10–17 апреля 2000 г. // Текст взят с официального сайта ООН <http://goo.gl/AKFz9>.

⁵ Принята Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г. // Международные акты о правах человека. Сб. документов. М., 1999. С. 165–168.

⁶ Приняты Резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. // Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 1999. С. 284–306.

тата министров Совета Европы от 17 сентября 1987 г. № R (87) 18 «Относительно упрощения уголовного правосудия»¹, Рекомендацию Комитета министров Совета Европы от 28 июня 1986 г. № R (85) 11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса»², Рекомендацию Комитета министров Совета Европы № R (99) 19 «О медиации по уголовным делам»³, Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия, утвержденные Резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2002/12 от 24 июля 2002 г.⁴. В рамках ООН в 2002 г. был также принят Типовой закон о международной коммерческой согласительной процедуре (UNCITRAL Model Law on International Commercial Conciliation)⁵.

На XI конгрессе Международной ассоциации уголовного права были сформулированы исходные положения и общие принципы взаимодействия между государством, преступником и жертвой: «...Возмещение убытков потерпевшему в результате преступления есть средство восстановления юридического и общественного равновесия в руках современной правовой политики, эффективно дополняющее уголовные санкции с учетом ресоциализации осужденного». В решениях конгресса отмечалось также, что возмещению ущерба могли бы способствовать:

а) возложение обязанностей по возмещению убытков как предпосылка условного прекращения исполнения приговора (с учетом материального положения обвиняемого);

б) учет полного или частичного возмещения вреда при определении меры наказания⁶.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Сегодня переосмысление способа выполнения функции наказания учреждениями и органами, исполняющими наказания может стать предпосылкой для всесторонней реформы, направленной на сохранение текущего состояния УИС и усиление реабилитационной составляющей в их деятельности.

2. Развитие примирительных процедур является одним из приоритетных направлений совершенствования уголовно-исполнительной политики Российской Федерации. Возможности интеграции процедур медиации и восстановительного правосудия в уголовно-исполнительную систе-

¹ Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 116–122.

² См.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 114–116.

³ См.: Организация и проведение программ восстановительного правосудия : метод. пособие / под ред. Л. М. Карнозовой, Р. Р. Максудова. М., 2006. С. 182–214.

⁴ Документ опубликован не был. Текст взят с официального сайта ООН <http://goo.gl/xS0WJ>.

⁵ http://www.mediacia.com/files/Documents/2002_UNCITRAL_Model_Law_rus.pdf.

⁶ См. подробнее: Квашис В. Е. Основы виктимологии. М., 1999. С. 174–175.

му очевидны. Международные акты и внутринациональное законодательство содержат указания на необходимость внедрения восстановительных технологий как в гражданско-правовую, так уголовную и уголовно-исполнительную сферы.

3. Медиация в уголовно-исполнительной системе – это целенаправленная деятельность различных отделов и служб учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, по восстановлению нарушенных социальных связей между осужденным, потерпевшим и обществом путем возмещения причиненного преступлением вреда (в первую очередь самому потерпевшему) на основе самостоятельно выработанного взаимовыгодного решения между осужденным и потерпевшим, итоги которого могут являться основанием для освобождения осужденного от дальнейшего отбывания наказания, заменой неотбытой части наказания более мягким видом наказания, изменение условий отбывания наказания и т. д.

4. Анализ юридической природы, правовых основ и перспектив использования процедуры медиации в уголовно-исполнительной системе позволил выделить ряд специфических функций данного института:

1) компенсаторная (направленная на заглаживание и возмещение причиненного преступлением вреда);

2) реституционная (направленная на восстановление положения, существовавшего до совершения осужденным преступления);

3) профилактическая (направленная на профилактику пенитенциарного и постпенитенциарного рецидива, а также на недопущение постпенитенциарной виктимизации осужденного);

4) функция минимизации негативных последствий исполнения и отбывания наказания;

5) ресоциализирующая (направленная на восстановление утраченных социальных связей осужденного с обществом, родными и близкими, потерпевшим и его родственниками).

И. Н. КОРОБОВА,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры
уголовно-исполнительного права
(Академия ФСИН России)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ К ОСУЖДЕННЫМ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ МЕР ВЗЫСКАНИЯ

В последние годы государство все больше внимания уделяет вопросам уголовно-исполнительной системы, совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства, а также расширению сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы. Проводимые реформы предполагают осуществление качественных изменений в системе исполнения наказаний. Уголовно-исполнительное законодательство должно быть ориентировано на решение задач регулирования порядка и условий исполнения и отбывания наказания, определения эффективных средств исправления и совершенствования дисциплинарной практики среди осужденных. В этой связи особую актуальность приобретают меры поощрения и взыскания, применяемые к лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы. Место человека в системе общественных отношений сделало возможным отнесение к стимулам не только благоприятного воздействия (применение мер поощрения) на объект, включенный в такие отношения, но и включить меры взыскания. Это подтверждается следующим высказыванием: «Юридическое стимулирование – это емкая категория, далеко выходящая за рамки поощрительного законодательства»¹. Следовательно, стимулирование правомерного поведения людей в обществе, судя по контексту, может осуществляться не только посредством использования мер поощрений. Угроза применения принуждения также может выступить в качестве побудителя (стимула) позитивного, социально желательного поведения. В.М. Баранов справедливо подтверждает, что стимулирование в праве осуществляется не только с помощью поощрительных мер, но и путем установления юридической ответственности за ненадлежащее поведение или нарушение установленного правовыми нормами порядка².

В настоящее время эта проблема приобрела особую актуальность в связи с тем, что на протяжении последних лет наблюдается омоложение контингента в учреждениях УИС и ухудшение его криминологических характеристик, продолжается процесс «вымывания» положительно характе-

¹ Сизый А. Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права (проблемы теории и практики) : моногр. Рязань, 1994. С. 11.

² Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. С. 22.

ризующихся осужденных. В связи с этим происходит концентрация отрицательно характеризующихся осужденных, наиболее запущенных в социально-нравственном отношении, склонных к совершению различных злостных нарушений, которые еще больше усугубляют трудности в работе администрации исправительных учреждений по достижению целей наказания. Нарушения дисциплины осужденными приобретают более грубый характер, допускается их большой рецидив, и поэтому от администрации ИУ требуется принятие своевременных и правомерных мер по их предупреждению.

Данные статистики лишь подтверждают этот вывод, так количество осужденных, признанных злостными нарушителями порядка отбывания наказания остается стабильно высоким и составил в 2011 г. – 26774 случая, в 2012 – 27074, в 2013 – 25889, в 2014 году – 26197, что при снижении общей численности осужденных к лишению свободы говорит о том, что средний показатель за эти годы увеличился. Что касается структуры злостных нарушений, то стабильно высоким остается количество употребляемых алкогольных и наркотических веществ, а также повторные правонарушения, наглядно эта структура представлена в диаграмме. К злостным нарушителям порядка отбывания наказания наиболее часто применяется мера взыскания в виде водворения в ШИЗО. Поэтому в этих условиях одной из самых важных задач исправительных учреждений является укрепление законности, правопорядка и дисциплины среди осужденных с помощью различных организационных, правовых и иных средств воспитательного характера, в том числе мер взыскания.

Меры взыскания, с одной стороны, служат средством обеспечения режима отбывания наказания, а с другой — средством дифференциации и индивидуализации процесса исправительного воздействия. В данном случае речь идет о мерах взыскания, применяемых к осужденным к лишению свободы, которые отбывают наказание в условиях изоляции от общества, на которых распространяются правила поведения, регламентированные уголовно-исполнительным законодательством.

Спецификой правового положения осужденных к лишению свободы объясняется возможность применения к ним таких мер взыскания, которые не известны другим отраслям законодательства.

Обязательным условием применения к осужденному тех или иных мер взыскания является его поведение, характеризующееся отношением к соблюдению установленных требований режима отбывания наказания, мероприятиям воспитательного характера, труду и профессионально-обучению.

За нарушения установленного режима отбывания наказания к осужденным могут применяться только те меры взыскания, которые предусмотрены уголовно-исполнительным законодательством (ст. 115 УИК РФ), и этот перечень является исчерпывающим. Осужденные, содержащиеся в

исправительных учреждениях, кроме того, могут привлекаться к уголовной и материальной ответственности. И хотя в уголовно-исполнительном законодательстве нет упоминания о дисциплинарной ответственности, а говорится только о мерах взыскания, в ведомственных нормативных актах Минюста России (Правила внутреннего распорядка ИУ и другие) упоминаются «дисциплинарные взыскания», «дисциплинарная ответственность», «дисциплинарная практика». Большинство авторов применение мер взыскания рассматривают как дисциплинарную практику и тем самым признают наличие дисциплинарной ответственности осужденных¹.

За нарушения установленного режима отбывания наказания к осужденным могут применяться только те меры взыскания, которые предусмотрены уголовно-исполнительным законодательством (ст. 115 УИК РФ), и этот перечень является исчерпывающим.

Все меры взыскания, применяемые к осужденным, представляют собой систему, то есть «нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся в определенной связи частей для достижения какой-либо цели или решения какой-либо задачи»². Эта аксиома является верной и в нашем случае, так как меры взыскания направлены на достижение одной цели - исправление осужденных и предотвращение совершения ими правонарушений. Данные меры находятся в диалектическом единстве и взаимосвязаны между собой, представлены в определенной последовательности - от менее тяжелых к более тяжелым³.

Несмотря на достаточно детальную регламентацию применения мер взыскания к осужденным существует ряд пробелов, которые требуют дополнительной регламентации: во-первых, законодатель выстроив в конструкции статьи взыскания от более легким к менее не указал конкретно за какой проступок возможно наложение какого взыскания и лишь в ч. 1 ст. 117 УИК РФ говорится об учете личности осужденного, его поведении и др., а ч. 3 этой же статьи указывает за какие нарушения налагается взыскание в виде дисциплинарного штрафа. В связи с чем предлагается внести в уголовно-исполнительное законодательство нормы, четко прописывающие какие взыскания могут налагаться за определенные нарушения, тем более важность данного вывода усиливается и тем, что при признании злостным нарушителем учитывается не только тяжесть совершенного нарушения, но и количество водворений в штрафной изолятор в течение года, что при существующей конструкции норм, регламентирующих меры взыскания к осужденным может привести к субъективизму.

¹ Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970. С. 229.

² Толковый словарь иностранных слов. М., 1998. С. 645.

³ Курбатова Г. В. Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 55.

Е. А. КОРЯКИН,
кандидат экономических наук,
докторант ФНПК
(Академия ФСИН России),

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

В России осужденные привлекались к труду со времен открытия сборника правовых норм Древнерусского государства.

Не одно столетие не утихают научные споры о праве государства использовать труд заключенных/осужденных в местах изоляции от общества. Особенности правового регулирования труда осужденных к лишению свободы уже не одно десятилетие являются объектом пристального внимания ученых и практиков. В условиях рыночных отношений в государстве, реализации прав и свобод граждан, развитии гражданских институтов в обществе эта проблема приобрела наибольшую актуальность.

Современный этап развития уголовно-исполнительной системы России требует обеспечения полноценной реализации международных стандартов в ее деятельности и качественного изменения подходов к исполнению наказаний.

В настоящее время в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации существуют проблемы, связанные с низким количественным показателем вывода осужденных к лишению свободы на оплачиваемые работы, отсутствием современной материально-технической базы производства, использованием изношенного оборудования, неисполнением исковых обязательств по возмещению осужденными материального ущерба от совершенных преступлений.

Для того чтобы разобраться в этих сложных вопросах и выработать нормативно-правовой механизм вовлечения осужденных в трудовую деятельность в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации необходимо, в первую очередь, обратить внимание на международные нормативные акты. В обоснование правоты высказанного утверждения можно привести следующие законодательные положения.

Российская Федерация является субъектом международного права. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы¹. Конституция Российской Федерации признает верховенство норм международного права в регулировании общественных отношений. Любая современная правовая проблема не может быть разрешена достаточно объективно без учета норм международного права.

¹ Конституция Российской Федерации // Рос. газ. 2009. 21 янв. Пп. 4. Ст. 15.

Российская Федерация вступила в Совет Европы, принимая на себя обязательства последовательной реализации в законодательстве и практике общепризнанных международных норм, составляющих юридическую основу мирового сообщества, и прежде всего положения, касающегося обеспечения прав и свобод человека и гражданина. В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права¹.

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и практика его применения основываются на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации. Рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей².

В рамках исследуемой нами проблематики наибольший интерес представляет четвертое направление развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации³ по обеспечению международных стандартов обращения с осужденными в местах лишения свободы. Именно содержание и требования данных стандартов должны быть внедрены в практику исполнения наказаний в наших российских пенитенциарных учреждениях и гарантировать защиту прав и законных интересов при трудовой деятельности и профессиональной подготовке осужденных к лишению свободы.

Правовые подходы международного сообщества к обращению с заключенными и организации их труда в местах заключения выражены в ряде международных правовых документов. Важнейшими из них являются: Международный пакт о гражданских и политических правах⁴; Основные принципы обращения с заключенными⁵; Минимальные стандартные правила обращения с заключенными⁶; Европейские пенитенциарные

¹ Конституция Российской Федерации // Рос. газ. 2009. 21 января. П 1. Ст. 17.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 3.

³ Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010 г. № 43. Ст. 5544.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 дек. 1966 года. подп. «I» п. 3 Ст. 8 [Электронный ресурс] // Международная Организация труда: URL : <http://www.un.org/ru/documents>.

⁵ Основные принципы обращения с заключенными : резолюция 45/111 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 года. Ст. 8 // Там же.

⁶ Минимальные стандартные правила обращения с заключенными : приняты на первом Конгрессе Организаций Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году. Ст. 71–76 // Там же.

правила¹; Конвенции Международной Организации Труда №№ 29, 105²; Всеобщая декларация прав человека³; Конвенция о защите прав человека и основных свобод⁴; Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы⁵.

В перечисленных международных правовых документах сформулированы основные положения и принципы организации труда осужденных, которыми должны руководствоваться пенитенциарные системы мира. Данные принципы находят свое отражение в законодательстве большинства государств мира и деятельности тюремных ведомств.

Анализ проведенного автором международного и зарубежного законодательства показал, что подход к правовому регулированию возникающих, при организации привлечения заключенных к труду, трудовых отношений (идея обязательности труда) в зарубежных странах трактуется по-разному. В первом случае она выступает в виде императивного предписания, во втором – в качестве возможности применения (рекомендации), в третьем – принудительный или обязательный труд во всех своих формах упразднен.

Приоритетной и единственной социально значимой задачей для тюрем является возвращение на свободу законопослушных граждан, способных обеспечить себя законными доходами.

На первом месте при использовании труда осужденных должны быть интересы социальной адаптации, трудового воспитания и реинтеграции заключенного в гражданское общество. Поэтому не случайно в пенитенциарной системе Российской Федерации основной целью производственной деятельности осужденных не является получение прибыли.

Организация труда в исправительных учреждениях должна быть направлена на то, чтобы, вернувшись на свободу, осужденный смог бы найти себя в жизни и стать законопослушным и полноправным членом свободного общества, способным самостоятельно решать свои проблемы, в том числе и обеспечивать себя материально.

¹ Европейские пенитенциарные правила : Рекомендация Rec(2006)2 Комитета министров к государствам-членам Совета Европы. Ч. 2. Ст. 26 приложение к Рекомендации Rec(2006)2 // Международная Организация труда: [сайт]. URL : <http://www.un.org/ru/documents>.

² Конвенция Международной Организации Труда № 29 о принудительном или обязательном труде (Женева, 28 июня 1930 г.); Конвенция № 105 об упразднении принудительного труда (Женева, 25 июня 1957 г.) // Там же.

³ Всеобщая декларация прав человека // принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. Ст. 23 // Там же.

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 // Рим, 4 ноября 1950 г. пункты 2, 3. Ст. 4 // Там же.

⁵ Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы // приняты Резолюцией 45/113 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. Ст. 44-46 // Там же.

С. В. КОСОНОГОВА,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры
административно-правовых дисциплин;
Н. А. МЕЛЬНИКОВА,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
административно-правовых дисциплин
(Вологодский институт права
и экономики ФСИН России)

ФУНКЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПО РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (СИСТЕМНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Вопросы противодействия коррупции в последнее время достаточно актуальны как для научных исследований, так и для практической деятельности. Антикоррупционная деятельность включает: а) профилактику коррупции); б) борьбу с коррупцией; в) минимизацию и (или) ликвидацию последствий коррупционных правонарушений¹. При этом следует отметить, что из содержания деятельности по борьбе с коррупцией немотивированно исключены такие важные элементы, как отправление правосудия, рассмотрение дел о коррупции в суде. Также, как справедливо отмечается в научной литературе, ускользнула конечная цель противодействия коррупции – «адекватное воздаяние за содеянное»². Что же касается такого направления противодействия коррупции, как минимизация и (или) ликвидация последствий коррупционных правонарушений, то оно оставлено законодателем без внимания, не конкретизируется.

На основе указанного содержания можно заключить, что противодействие коррупции включает в себя обширную деятельность уполномоченных органов. Данное положение в полной мере относится и к уголовно-исполнительной системе России. Так, проведенный анализ действующего законодательства позволил к основным функциям антикоррупционной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний отнести следующие:

1. Проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Правовой основой данного вида деятельности

¹ О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 № 273-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч.1). Ст. 6228.

² Бараненкова И. В. «Гражданские» антикоррупционные стандарты военнослужащих (или как не стать «случайной жертвой» борьбы с коррупцией) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2013. № 10. С. 2–18.

являются: Федеральный закон № 172-ФЗ¹ и постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 № 96². В целях их реализации изданы приказ ФСИН России от 18 марта 2010 № 97³, согласно которым антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов ФСИН России проводится правовым управлением ФСИН России в соответствии с установленной методикой.

Антикоррупционная экспертиза осуществляется в целях выявления коррупциогенных факторов в положениях нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов). В целях дальнейшего развития данного института видится целесообразным изменение рекомендательного характера рассмотрения заключений результатов проведения антикоррупционной экспертизы на обязательный, для чего необходимо в п. 5 ст. 4 Федерального закона 17 июля 2009 № 172-ФЗ внести соответствующие корректировки.

2. Обеспечение соблюдения сотрудниками ограничений и запретов, исполнения ими обязанностей, связанных с прохождением государственной службы.

Ограничения, запреты, обязанности, требования к служебному поведению антикоррупционного характера установлены целым рядом правовых актов. Следует отметить, что помимо Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации⁴, Федерального закона от 27 июля 2004 № 79-ФЗ (ред. от 31.12.2014, с изм. от 06.04.2015) «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁵ требования к служебному поведению сотрудников (направленные на предупреждение коррупции) установлены Кодексом этики и служебного поведения сотрудников органов Федеральной службы исполнения наказаний, утвержденным директором ФСИН России. Следует отметить, что кодекс носит рекомендательный характер и не устанавливает прямой ответственности за свое нарушение.

3. Обеспечение представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданами, пре-

¹ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : федер. закон от 17 июля 2009 № 172-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 29. Ст. 3609.

² Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : постановление Правительств Рос. Федерации от 26 февраля 2010 № 96 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 10. Ст. 1084.

³ Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов и нормативных правовых актов Федеральной службы исполнения наказаний : приказ ФСИН России от 18 марта 2010 № 97 // Рос. газ. 2010. 5 мая.

⁴ Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации : Постановление ВС РФ от 23 дек. 1992 № 4202-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 70.

⁵ О государственной гражданской службе Российской Федерации : федер. закон от 27 июля 2004 № 79-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. № 31. 2004. Ст. 3215.

тендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и сотрудниками уголовно-исполнительной системы и проверки их полноты и достоверности.

Проверка достоверности и полноты предоставляемых сведений инициируется подразделениями по противодействию коррупции. Федеральным законом № 273-ФЗ устанавливается, что неисполнение вышеназванной обязанности может являться основанием для увольнения с государственной службы¹. При этом увольнение рассматривается в качестве меры ответственности государственных служащих.

В соответствии с действующим законодательством увольнение с государственной службы рассматривается законодателем уже не как одна из мер ответственности государственных служащих, а как первоочередная мера такого рода. Федеральные законы, регулирующие прохождение государственной службы различных видов, дополнены новым основанием увольнения государственных служащих – в связи утратой доверия. Статьей 38.4 Положения о службе в органах внутренних дел «Увольнение с утратой доверия» перечислены случаи такой утраты².

4. Предотвращение и урегулирование конфликта интересов на государственной службе.

Процедура по предотвращению и урегулированию конфликта интересов предполагает то, что государственный служащий обязан: принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов; в письменной форме уведомить своего непосредственного начальника о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения, как только ему станет об этом известно. В свою очередь, представитель нанимателя, если ему стало известно о возникновении у государственного служащего личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, обязан принять меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов.

Во ФСИН России в отношении сотрудников функция по разрешению конфликта интересов возложена на аттестационные комиссии. Правовую основу деятельности указанных комиссий в УИС составляет, прежде всего, Указ Президента Российской Федерации № 821. С изданием указа появилась определенность в вопросе о полномочиях аттестационных комиссий в данной сфере применительно к сотрудникам, которые составляют в УИС основную часть личного состава.

В результате на аттестационные комиссии возложены дополнительные функции, наравне с проведением аттестации сотрудников и рассмот-

¹ О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 № 273-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч.1). Ст. 6228.

² Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации Постановление ВС РФ от 23 дек. 1992 № 4202-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 70.

рения иных вопросов прохождения службы. При этом следует указать на необходимость детальной регламентации деятельности указанных субъектов (аттестационных комиссий) в части единообразия подхода при возникновении типичных ситуаций на государственной службе. А в дальнейшем, при внесении соответствующих изменений в положение о службе целесообразно создание специальной организационной структуры – комиссий по соблюдению требований к служебному поведению сотрудников и урегулированию конфликта интересов.

Таким образом, антикоррупционная деятельность уголовно-исполнительной системы России занимает особое место в системе функций ведомства, позволяя более эффективно реализовывать основную задачу – исполнение уголовных наказаний.

С. А. ЛАВЁРЫЧЕВА,
научный сотрудник
(НИИ ФСИН России)

ТРУД ОСУЖДЕННЫХ В СЛЕДСТВЕННОМ ИЗОЛЯТОРЕ: СРЕДСТВО ИСПРАВЛЕНИЯ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ?

Согласно ст. 9 уголовно-исполнительного законодательства РФ, общественно полезный труд, наряду с режимом, воспитательной работой, получением общего образования, профессиональной подготовкой и общественным воздействием, является одним из основных средств исправления осужденных. По мнению А. И. Зубкова «труд обеспечивает сохранность физического и психического здоровья осужденных, ... способствует ресоциализации личности»¹.

Учитывая особенности процесса исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в следственных изоляторах, логично предположить и о специфике общественно полезного труда.

По общему правилу, работы по хозяйственному обслуживанию учреждения, являются дополнительными, но в условиях СИЗО они рассматриваются в качестве основных, так как ими заняты 100 % осужденных. Они занимаются уборкой помещений, приготовлением и раздачей пищи, мытьем посуды, проводят ремонтные работы, благоустраивают территорию. Организация туда происходит с соблюдением определенных требований, обеспечивающих раздельное содержание, изоляцию, охрану и т. д. Не допускается привлекать осужденных к работам по обслуживанию и ремонту технических средств охраны; использовать труд, связанный с учетом, хранением и выдачей медикаментов, взрывчатых, отравляющих и ядовитых веществ; в качестве водителей оперативных машин, заведующих продовольственными или вещевыми складами.

Правила охраны труда, техники безопасности и санитарии устанавливаются в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде, что можно расценить как шаг к соблюдению соответствующих международных норм и принципов².

Однако сохраняющаяся проблема переполнения следственных изоляторов приводит к увеличению нагрузки на осужденных из отрядов хозяйственного обслуживания и повсеместному выполнению ими сверхурочных работ, которые зачастую не оплачиваются, что, в свою очередь, несомненно, ущемляет трудовые права и гарантии названной категории осужденных. Кроме того, во время выполнения работ, осужденные вынуждены

¹ См.: Зубков А. И., Калинин Ю. И., Сысоев В. Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства Юстиции России. М., 1998.

² См.: Зубков А. И. Теоретические вопросы правового регулирования труда осужденных в советских исправительно-трудовых учреждениях. Томск, 1974.

почти все время проводить в закрытых помещениях и изолированных зданиях, где располагаются жилые и производственные корпуса, пищеблок, санпропускник, медицинская часть, и на территории хозяйственного двора, на которой сосредоточены склады, хранилища, гаражи, хозяйственные мастерские и различные подсобные хозяйства.

Е. В. Нечаева и Ю. В. Баранов считают, что «труд по хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов несет в себе большую воспитательную нагрузку ...и может быть положен в основу исправительного процесса»¹. Однако, проанализировав перечень выполняемых работ, отмеченную степень репрессивности, которая наблюдается в отношении осужденных из отрядов по хозяйственному обслуживанию, напрашивается вывод, что такие работы приводят к снижению заинтересованности в труде и теряют свое воспитательное значение.

В научной литературе существует мнение, что воспитательное воздействие труда в условиях следственного изолятора можно усилить, если осужденных материально простимулировать либо увеличить им продолжительность отпуска. На наш взгляд, это излишне, так как у статусного положения осужденных и так достаточно преимуществ. Мощным стимулом к добросовестному труду и примерному поведению в местах лишения свободы является возможность обрести свободу ранее обозначенного в приговоре срока. Ради достижения этой цели и трудятся осужденные.

При привлечении осужденных к хозяйственному обслуживанию следственного изолятора скорее прослеживается «примат экономической цели, которая выражается, главным образом, в возможности обеспечения нормального функционирования учреждения, точнее в возмещении затрат на его содержание»². Изменить сложившуюся ситуацию практически невозможно, так как возникают трудности с привлечением для выполнения вышеперечисленных работ вольнонаемных сотрудников. Сложно найти людей, согласных работать со спецконтингентом, выполнять непрестижную работу, да еще и в условиях «дефицита экономических стимулов, льгот и поощрений»³.

Подводя итог сказанному, мы пришли к выводу о том, что экономический фактор в трудовой деятельности осужденных, оставленных в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, является все же доминирующим. Как правильно отметил И. А. Уваров, «...труд не может в полной мере функционировать в нашей системе испол-

¹ См.: Баранов Ю., Нечаева Е. В. Проблемы организации труда осужденных в следственном изоляторе // Актуальные проблемы экономики и права. Казань, 2008. № 1 (5). С. 118.

² Там же.

³ См.: Жилко И. А. Привлечение к труду осужденных к лишению свободы как средство предупреждения рецидивной преступности // Криминол. журн. Байкальск. гос. ун-та экономики и права. Иркутск, 2012. № 4 (22). С. 116–120.

нения наказания как средство исправления осужденных»¹. Напротив, у лиц, которые не трудились до осуждения, такой процесс организации исправления может формировать только негативное (отрицательное) отношение, поэтому труд не несет воспитательной нагрузки, а служит средством достижения личных целей осужденных. По сути, администрация следственного изолятора заключает со спецконтингентом взаимовыгодный договор, с одной стороны нормальное функционирование учреждения, с другой – обеспечение интересов осужденных.

¹ См.: Уваров И. А. Труд как средство исправления осужденных в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. М., 2011. № 2. С. 17–20.

В. Ф. ЛАПШИН,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права
(Академия ФСИН России)

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОСКОРБЛЕНИЕМ СОТРУДНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Данная работа подготовлена, в том числе на основании материалов, полученных в ходе проведения Учебно-методических сборов с начальниками отделов безопасности (режима), дежурными помощниками начальников колоний, инспекторами-дежурными по жилой и производственной зонам исправительных учреждений УФСИН России по Рязанской области (22 августа 2014 года). Помимо руководства УФСИН России по Рязанской области, в сборах принимали участие представители Управления Следственного комитета РФ, прокуратуры и суда Рязанской области. По результатам совместного обсуждения проблем квалификации оскорблений, допускаемых осуждёнными в адрес сотрудников Уголовно-исполнительной системы РФ (далее – УИС), можно было сделать неутешительный вывод о том, что представители следственно-судебной практики в процессе толкования положений ст. 319 Уголовного кодекса РФ (далее – УК) создают дополнительные условия, отчасти надуманные, для привлечения виновных к уголовной ответственности за совершение данного преступления. В большинстве случаев это приводит к безнаказанности лиц, объективно совершающих оскорбление представителя власти. Думается, что данные подходы в толковании и квалификации если и будут пересмотрены, то только в пользу обвиняемого.

В свою очередь, многие сотрудники УИС не обладают тем уровнем юридической подготовки, который позволил бы уже на стадии доследственной проверки и сбора материалов для принятия процессуального решения правильно задокументировать факт нанесённого оскорбления представителю власти – сотруднику УИС. Но и безупречное документирование факта оскорбления ещё далеко не гарантирует даже принятие положительного решения о возбуждении уголовного дела по материалу доследственной проверки об оскорблении представителя власти. Это приводит к уголовно-правовой незащищённости как отдельно взятых сотрудников УИС, подвергшихся оскорблениям в связи с исполнением служебных обязанностей или за результаты их исполнения, так и авторитета государственной власти в лице системы правоохранительных органов.

Так, оскорбления, совершаемые по отношению к сотрудникам УИС, к сожалению, в настоящее время не являются редкостью. В тоже время следственно-судебная практика, сложившаяся за последние десять лет,

представлена крайне незначительным количеством обвинительных приговоров по ст. 319 УК, в которых потерпевшим признавался бы сотрудник органа или учреждения исполнения наказаний [1; 2]. Следственные и судебные органы в настоящее время неохотно принимают положительные решения о наличии в деянии лиц, совершающих оскорбительные действия в отношении сотрудников пенитенциарных учреждений, состава преступления, предусмотренного ст. 319 УК. При этом следует учитывать, что отсутствие должной защиты интересов государственной власти, авторитета, чести и достоинства представителя правоохранительной службы, обеспечивающего исполнение приговора суда, порождает осознание преступником собственной безнаказанности и вседозволенности. В свою очередь это провоцирует на совершение новых, нередко более тяжких, преступлений. Сотрудник же, подвергшийся оскорбительным действиям и не получивший удовлетворения в следственно-судебных инстанциях, вряд ли будет продолжать активное выполнение служебных обязанностей при работе с осуждёнными. По этим причинам уяснение особенностей применения положений ст. 319 УК в случаях, когда на стороне потерпевшего выступает представитель УИС, имеет крайне важное практическое значение.

Рассматриваемое преступление представляет собой публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. «Оскорбление» как составляющий юридически значимый признак (общественно опасное деяние) объективной стороны состава преступления в условиях сложившейся практики применения соответствующих норм уголовного законодательства должно характеризоваться неприличной формой высказывания. Разумеется, что каждый человек по-своему определяет рамки приличия и неприличия в общении с окружающими. Поэтому одной из первых проблем является доказывание объективного и неоспоримого характера неприличности высказываний в отношении потерпевшего, т.е. оскорбления в уголовно-правовом значении. На основании состоявшихся к настоящему времени решений Верховного Суда РФ можно сделать заключение о том, что уголовно наказуемое оскорбление может быть выражено исключительно нелитературными словами и словосочетаниями. Не подпадающие под данный критерий слова: «преступник», «курица», «жулик», «трус», «козёл», «хам» и т. п., – не могут быть отнесены к оскорблению в уголовно-правовом значении и, как следствие, высказывание указанных слов в адрес потерпевшего не образует состава рассматриваемого преступления.

Неприличность формы обращения к потерпевшему, особенно в случаях отрицания лицом своей вины в совершении оскорбления, может быть установлена только на основании заключения судебно-лингвистической экспертизы. В современной уголовно-правовой литературе предложена заслуживающая внимания классификация групп недопустимых слов и словосочетаний, в основу которой положена степень неприличности упот-

ребления в обществе. В соответствии с данной классификацией выделяются слова и выражения, относимые к следующим видам лексики: сниженной, бранной и нецензурной [5].

К разновидности *сниженной лексики* относятся слова и словосочетания разговорной, жаргонной и просторечной лексики. Употребление данных слов рассматривается, скорее, неуместным, нежели неприличным, а лицо, использующее в своей речи слова и словосочетания, характеризуется в качестве малообразованного и (или) некультурного индивида. Примерами слов данной группы могут являться: «болван», «дуралей» (разг.), «мочалка», «овца», «легалый», (сленг), «бикса», «крыса», «петух», «чушок» (жаргон) и др.

Бранная лексика представляет собой грубую форму слов и выражений с ярко выраженной эмоциональной окраской. Употребление данных слов и словосочетаний осуждается обществом, но полностью не запрещается. В крайне редких случаях, при возникновении сверх эмоционального напряжения в общении между людьми, использование бранной лексики может быть оправдано, хотя это также свидетельствует о низком уровне культуры общения людей, допускающих в своей речи подобные высказывания. К данной группе можно отнести такие слова, как: «холуй», «кретин», «ублюдок» и др.

Наконец, *нецензурная лексика*, представляет собой однозначно запрещенные для употребления («табу») слова и выражения представителями любой социальной группы и в любой ситуации, возникающей при межличностном общении. Что же касается видов слов и выражений, которые отнесены к выделяемой группе лексики, то даже среди учёных-лингвистов по решению данного вопроса нет единства мнений: некоторые авторы считают, что слова нецензурной лексики можно определить только путём исключения принадлежности произнесённого ругательства от разновидностей слов сниженной и бранной лексики, другие же полагают, что нецензурная лексика, как и вышеперечисленные виды лексики, представлена специфическими словами и выражениями. Однако, точное количество и виды данных слов «табу» до сегодняшнего дня никто не определил [3].

Разумеется, что любое обращение к сотруднику УИС с использованием слов и производных от них выражений и словосочетаний, относящихся к сниженной, бранной и нецензурной лексике, причиняет последнему моральный вред. Однако, уголовно-наказуемое оскорбление, судя по предложенной классификации лингвистов, образует на 100% только использование нецензурных бранных слов. К таковым на сегодняшний день с полной уверенностью можно отнести те слова и выражения, которые обозначают половые органы, процесс полового сношения и женщину, ведущую беспорядочную половую жизнь. Данные слова и общеизвестны, и общеотрицаемы в возможности употребления в процессе общения с кем бы то ни было в качестве нормальной формы устной и письменной речи. Вывод о

крайне незначительном количестве неприличных слов и выражений, употребление которых может влечь за собой уголовную ответственность за оскорбление, подтверждается сложившейся судебной практикой. В соответствии с рядом судебных решений лица, допускающие в адрес собеседника ругательное отождествление с представителем сексуальных меньшинств, оправдывались, поскольку соответствующее слово является производным от медицинского термина «педерастия» [6]. Аналогичные судебные решения принимались в отношении лиц, обвиняемых в совершении оскорблений с использованием слов сниженной и бранной лексики.

Но и самого факта употребления нецензурных слов в адрес сотрудника УИС еще не достаточно для констатации совершения общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 319 УК. В процессе квалификации необходимо установить совокупность того, что нецензурные слова и выражения: 1) адресованы лицу, именно как сотруднику УИС – представителю власти; 2) определяют характеристику, данную сотруднику УИС; 3) высказаны при исполнении сотрудником УИС служебных обязанностей или в связи с их исполнением. По этой причине не будет образовываться состава преступления огульные и неперсонифицированные нецензурные ругательства, произносимые в присутствии сотрудника УИС, которыми, например, лицо характеризует, в целом, представителей администрации исправительных учреждений или даёт оценку их деятельности. Как это ни парадоксально, но не будет образовываться состава рассматриваемого преступления высказывание в адрес сотрудника УИС: «Пошёл на ...», – в ответ на его законные требования. В сформированной к настоящему времени судебной практике это объясняется тем, что подобный вариант реагирования на чье-либо обращение или просьбу хоть и является неприличной формой общения, но оскорбления не образует, поскольку не характеризует человека, с которым происходит общение, а лишь содержит предложение по совершению дальнейших действий: прекратить осуществление чего-либо, уйти из поля зрения, оставить свои требования при себе и т. п. [5]

Ещё одним признаком, имеющим конструктивное значение для состава рассматриваемого преступления, и подлежащим обязательному установлению в процессе квалификации, является публичность оскорбления. В теории публичность предполагает присутствие в процессе совершения преступления хотя бы одного постороннего человека, который не имеет отношения к органу государственной власти [4]. В условиях пенитенциарного учреждения проблема уголовно-правового реагирования на оскорбления со стороны осуждённых в адрес представителей администрации учреждения осложняется трудностью фиксации публичности как признака состава преступления. Практика квалификации действий, направленных на оскорбление сотрудника УИС – представителя власти, исходит из того, что оскорбление должно иметь место в присутствии не менее двух человек, при чём они не должны быть ни аттестованными сотрудниками, ни

работниками органа или учреждения ФСИН России. Имел место случай оскорбления сотрудника УИС осуждённым в присутствии двух представительниц гражданского персонала лечебно-профилактического учреждения, входящего в структуру одного из территориальных органов ФСИН России. Впоследствии судебными органами по данному факту было принято решение об отсутствии в деянии осуждённого состава преступления, так как юридически значимый признак публичности установлен не был. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев уголовно-наказуемое оскорбление сотрудника УИС возможно только в том случае, если оно происходит в присутствии, как минимум, двух лиц, отбывающих наказание в исправительном учреждении, на территории которого совершается рассматриваемое преступление.

Однако, и самого факта присутствия двух лиц может оказаться недостаточным: в процессе производства по уголовному делу эти лица – свидетели по уголовному делу – должны подтвердить, что:

- присутствовали при оскорблении сотрудника УИС нецензурными словами, произнесёнными обвиняемым (подсудимым);
- осознавали, что нецензурные слова и выражения высказываются именно в адрес конкретного сотрудника УИС и являются негативной характеристикой его личности и (или) действий;
- понимали, что произносимые оскорбления в адрес сотрудника УИС подрывают авторитет и представителя администрации исправительного учреждения, и государственной власти России в целом.

Неподтверждение хотя бы одного из перечисленных фактов, вероятнее всего, будет расценено как отсутствие признака публичности оскорбления, что повлечёт отказ в возбуждении уголовного дела по ст. 319 УК или вынесение оправдательного приговора в виду отсутствия состава преступления, предусмотренного данной уголовно-правовой нормой.

Наконец, субъективная сторона рассматриваемого состава преступления характеризуется только прямым умыслом. В содержание данного вида вины включается то, что лицо осознавало общественную опасность совершаемого оскорбления – высказывание нецензурных ругательств в адрес конкретного представителя власти (сотрудника УИС), осознавало публичность совершения оскорбительных действий, т.е. в присутствии двух и более лиц, не имеющих отношения к деятельности органов и учреждений ФСИН России, а также желало совершить публичное нецензурное оскорбление названного потерпевшего. Исходя из этого, вероятность вынесения обвинительного приговора будет минимальной, если лицо в процессе производства по уголовному делу заявит о том, что допускало нецензурную брань, но не в адрес, а при сотруднике УИС или использовало нецензурные выражения «для связки слов», или не осознавало, что кто-то из посторонних находится в месте совершаемого оскорбления и слышит нецензурные выражения в адрес сотрудника УИС. Опровергнуть данные показа-

ния будет достаточно трудно в виду объективной скудности доказательственной базы по подобным уголовным делам.

Литература

1. Архив суда Индустриального района г. Ижевска. – Уголовное дело №1-91/13.
2. Архив суда Семилукского района Воронежской области. – Уголовное дело №1-34/2014 г.
3. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста / А. Н. Баранов. М. : Флинта-Наука, 2007.
4. Есаков, Г. А. Настольная книга судьи по уголовным делам / Г. А. Есаков, А. И. Рарог, А. И. Чучаев ; отв. ред. А. И. Рарог. М. : Проспект, 2007.
5. Стернин, И. Некоторые вопросы уголовно-правой квалификации оскорбления (ст. ст. 297, 319 УК РФ) / И. Стернин, С. Калинин // Уголовное право. – 2011.– №5. – С. 44–50.
6. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М. В. Горбаневского. – М. : Галерея, 2002.

С. Е. МАЙОРОВА,
преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
(Академия ФСИН России),

ЗАПРЕТЫ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ И ПРАКТИКА ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Результаты теоретических дискуссий, поиска практических путей совершенствованию системы исполнения наказаний позволили создать в России в значительной степени свою национальную прогрессивную систему исполнения наказаний в виде лишения свободы. На практике начинает реализовываться идея А. С. Макаренко о перспективных направлениях в воспитании¹. Применительно к осужденным ими являются: помещение в обычные, облегченные, строгие условия отбывания наказания. «Во время отбывания наказания правовое положение осужденного может улучшаться или ухудшаться в зависимости от отбытого и не отбытого срока наказания, его поведения»².

На основе анализа приведенной идеи А. С. Макаренко можно сделать вывод, что в сочетании мер поощрения и запретов у осужденных формируются указанные перспективные линии. Вывод автора солидаризируется с позицией Н. И. Пикурова, который пишет, что «...запрет, вытесняя общественно-опасные поведения, вносит свой вклад в стимулирование социально-полезного поведения»³. Для осужденных, проявивших стремление к исправлению и вступивших в компромиссы с персоналом должен быть установлен минимальный набор запретов, обеспечивающих реализацию наказания,⁴ - пишет В. Е. Южанин. «Это означает: перевод их в льготные условия отбывания наказания, снятие ограничений на приобретение продуктов, предоставление свиданий, получение посылок и пр.; организация их обучения в средних и высших профессиональных учебных заведениях; разрешения выездов к семье; размещение их отдельно от других осужденных в общежитиях комнатного типа и пр. Уклонение от подобных обязанностей должно служить основанием для перевода осужденных на первоначальные условия отбывания наказания. Но не как основание для применения меры взыскания»⁵.

¹ См.: Макаренко А. С. Методика организации воспитательного процесса. Сочинения : в 7 т. М., 1960. Т. 5. С. 9.

² Гришко А. Я. 135 лет российской уголовно-исполнительной системы и современное уголовно-исполнительное право // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1. С. 21.

³ Пикуров Н. И. Соотношение целей гражданско-правового регулирования и уголовно-правовой охраны тех же общественных отношений. Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве криминологии : материалы IV Российского Конгресса уголовного права (Москва, 28–29 мая 2009 г.). М., 2009. С. 357.

⁴ См.: Южанин В. Е. Проблема компромиссов с осужденными в механизме реализации наказания в виде лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2014 г. № 1. С. 30.

⁵ См.: Там же.

В плане повышения влияния запретов на исправление осужденных значимым является отношение к ним осужденных.

Причины невыполнения осужденными запретов зачастую объясняются их негативной психологической установкой к запрещающим нормам уголовно-исполнительного права. Ю. А. Головастова приводит, на сей счет результаты своего исследования относительно восприятия ими юридических обязанностей: 41 % из числа опрошенных выполняют свои обязанности полностью; 43 % – частично; 16 % – не выполняют¹.

Теоретический и практический интерес представляют результаты опроса осужденных и сотрудников исправительных учреждений по выполнению причин, препятствующих реализации запретов. Среди респондентов результаты опроса распределились соответственно следующим образом: незнание всех возможных обязанностей 9 и 12 %; несогласие с обязанностями – 16 и 74 %; отсутствие возможностей их исполнять 19 и 14 %². В 32 % случаях осужденные указали невыполнение самими сотрудниками обязанностей по отношению к осужденным³.

Кроме того, на практике сотрудниками учреждений и органов, исполняющих наказания, «допускается установление дополнительных, не предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством обязанностей»⁴. Здесь уместно привести норму содержащейся в минимальных стандартах правилах обращения с заключенными: «...Заключение и иные меры, изолирующие правонарушителя от окружающего мира, причиняют ему страдания уже в силу того, что они отнимают у него право на самоопределение, поскольку лишают его свободы» (правило 57). «Тюремная система не должна усугублять страдания, вытекающие из этого положения.... Осужденного направляют в места лишения свободы в целях исправления, но не для того, чтобы его там наказывать»⁵, – пишет А. Я. Гришко.

Следует заметить, что установление дополнительных, не предусмотренных законом, запретов имеет место не только в организационно-управленческой деятельности, но и в ведомственных нормативных актах.

Так, например, при водворении осужденных в дисциплинарный изолятор воспитательной колонии им запрещается брать с собой имеющиеся у них продукты питания и иные вещи, за исключением полотенца, мыла, зубной щетки, туалетной бумаги, средств личной гигиены (для осужденных женского пола), выписанных ими журналов и газет, а также религиозной литературы, предметов культа индивидуального пользования для на-

¹ См.: Головастова Ю. А. Осужденный как субъект уголовно-исполнительных отношений : монография. Рязань. 2010 г. С. 134.

² Головастова Ю. А. Указ. соч. С. 154.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же.

⁵ Гришко А. Я. Отраслевые принципы уголовно-исполнительного права // Общество и право. 2014 г. № 4. С. 335.

тельного или карманного ношения (п. 94 Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний)¹.

Данная норма не соответствует ни духу, ни букве Европейских пенитенциарных правил, согласно которым ограничения, налагаемые на лиц, лишенных свободы, должны быть минимально необходимыми и соответствовать той обоснованной цели, с которой он налагался (правило 3). Далее: дисциплинарным нарушением может считаться то поведение, которое может представлять угрозу для внутреннего распорядка режима и законности (правило 57.1). Более того, данная норма правил внутреннего распорядка противоречит национальному законодательству. Согласно ст. 137 УИК РФ осужденным, водворенным в дисциплинарный изолятор, запрещаются длительные свидания, телефонные разговоры, приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, получение посылок, передач и бандеролей, пользование настольными играми, курение. Они имеют право пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью 2 часа. Проведенная законодательная норма не содержит запрет брать с собой имеющиеся у осужденных продукты питания и личные вещи. Аналогичный запрет имеет место в приказе Минюста России от 3 октября 2005 г. № 204 «ДСП» «Об утверждении Инструкции об организации службы по обеспечению надзора за подозреваемыми, за обвиняемыми и осужденными, содержащимися в следственных изоляторах и тюрьмах уголовно-исполнительной системы в отношении лица, водворяемого в карцер». Представляется, что данная нормы должны быть исключены из указанных нормативных актов, во – первых, как противоречащие закону, во – вторых, потому что запрет, содержащийся в Инструкции, установлен нормативным актом, имеющим ограничительный гриф («ДСП»). Приведенные результаты исследования позволяют определить пути оптимизации мер по соблюдению осужденными установленных запретов. Одной из мер в этом плане является приведение ведомственной нормативной базы с уголовно-исполнительным законодательством. Нормы, устанавливающие запреты, должны быть законодательно закреплены. Одной из причин нарушения установленных запретов является правовая безграмотность осужденных, незнание путей защиты своих прав и интересов законными средствами. Поэтому нормы содержащие запреты, должны быть доведены до осужденных. Соответственно они не должны иметь место в нормативных актах, имеющих ограничительный гриф. Этому должно способствовать своевременное доведение соответствующей правовой информации, совершенствование форм их правового просвещения осужденных изучение практики их правового просвещения свидетельствует о наличии здесь нерешенных проблем. Для повышения эффективности мер по предупреждению нарушений запретов, следует повысить внимание к рассмотрению обращений и сообщений осужденных и персонала ИУ.

¹ Об утверждении Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 6 октября 2006 г. № 311.

З. Б. МАКАРЕВИЧ,
старший научный сотрудник отдела по исследованию
проблем трудовой занятости осужденных
и экономических проблем функционирования УИС НИЦ-1
(НИИ ФСИН России)

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Исправление осужденных на основе привлечения их к труду является одним из приоритетных направлений деятельности исправительных учреждений. Данная задача успешно решается при наличии у осужденных возможности пройти профессиональную подготовку с получением специальности, востребованной на рынке труда.

Сложная экономическая ситуация в стране, возрастающий уровень безработицы¹, растущая потребность современного общества в квалифицированных специалистах – все эти проблемы не могут обойти стороной и места лишения свободы. В среднем около 9 тысяч осужденных освобождаются без профессии и 46 тысяч осужденных остаются не охваченными профессиональным обучением в местах лишения свободы.

В настоящее время в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы функционируют 311 профессиональных училища, включая учреждения органов образования субъектов Российской Федерации. По итогам 2014 года 136 тыс. осужденных были обучены рабочим профессиям, в том числе 41 тыс. осужденных на производстве исправительных учреждений². Структура профессиональной подготовки осужденных за 2014 год³ представлена на рис. 1.

Основными задачами профессиональной подготовки осужденных в исправительных учреждениях являются:

– привитие и закрепление трудовых навыков обучающихся осужденных через профессиональную подготовку, труд и законопослушное поведение;

– ускоренное приобретение обучающимися осужденными профессиональных знаний и трудовых навыков, необходимых для выполнения определенной работы;

¹ По данным Росстата, в июне 2015 г. 5,4 % экономически активного населения, классифицировались как безработные, что на 2 % больше за 2014 год в целом [Электронный ресурс] // URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_mainrosstat/ru/statistics/wages/labour_force.

² Отчет о начальном профессиональном образовании и профессиональной подготовке осужденных, отбывающих наказания в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы за 2014 год : приказ ФСИН России от 2 февр. 2011. № 51.

³ Там же.

Рис. 1. Структура профессиональной подготовки осужденных в зависимости от отраслевой специализации

– создание современных условий для профессиональной подготовки осужденных;

– удовлетворение потребностей регионального рынка труда субъектов Российской Федерации, в рабочих кадрах из числа осужденных, в том числе по дефицитным рабочим профессиям, а также их профессиональное становление.

Анализ состояния профессиональной подготовки осужденных в исправительных учреждениях, проведенный на основе опросов осужденных, статистических данных и материалов, территориальных органов ФСИН России показал, что из более 400 опрошенных осужденных: 46% – имеют среднее образование, 40 % – среднее профессиональное, 6 % – высшее, 5 % – незаконченное высшее, 3% – имеют только начальное образование.

До ареста 57 % респондентов являлись рабочими, 15 % – нигде не работали, 11 % – занимались предпринимательской деятельностью, 7 % – учились, а 3 % осужденных являлись лицами без определенного места жительства.

Исследование свидетельствует, что в процессе организации профессионального обучения и трудовой деятельности, как правило, не учитываются профессиональные предпочтения осужденных. Так, например, наиболее востребованными профессиями среди осужденных являются сварщик, водитель, электрик, тракторист, рис. 2.

С целью максимального учета интересов осужденных к избираемой профессии, было бы целесообразно принимать во внимание

стремления еще при распределении их по исправительным учреждениям¹. Для этого необходимо еще в следственном изоляторе определять профессиональную пригодность осужденного и выработать рекомендации, какой специальности следовало бы его учить и в какое исправительное учреждение для этого направлять.

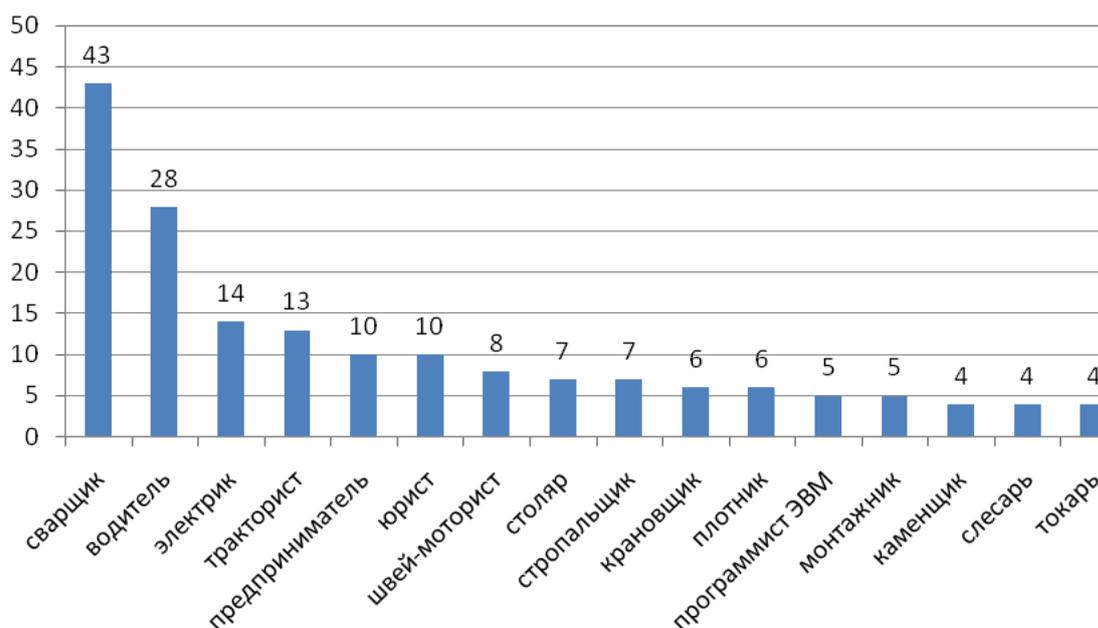

Рис. 2. Наиболее востребованные специальности осужденными

К сожалению, на сегодняшний день значительная часть осужденных после освобождения избирает себе новую специальность, так как полученная в исправительном учреждении не удовлетворяет их, в некоторых случаях по месту жительства ее негде применить. Результаты опроса показали, что большая часть осужденных освоили профессию «швей-моторист» и заняты на швейном производстве, рис. 3.

Следует отметить, что по данным службы занятости населения на рынке труда² в 2014 году были наиболее востребованы и оплачиваемы около 35 рабочих профессий, такие как «бурильщик», «водитель», «арматурщик», «бетонщик», «сварщик», «монтажник», «продавец продовольственных товаров», «повар», «маляр», «облицовщик-плиточник», «электрик», «официант» и др.

¹ Радченко Я. И. К вопросу о трудовой адаптации осужденных инвалидов // Проблемы правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конференции. М. 2014. С. 75–77.

² Статистические данные по ситуации на регистрируемом рынке труда за 2014 год [электронный ресурс] // URL : <http://www.rostrud.ru/>

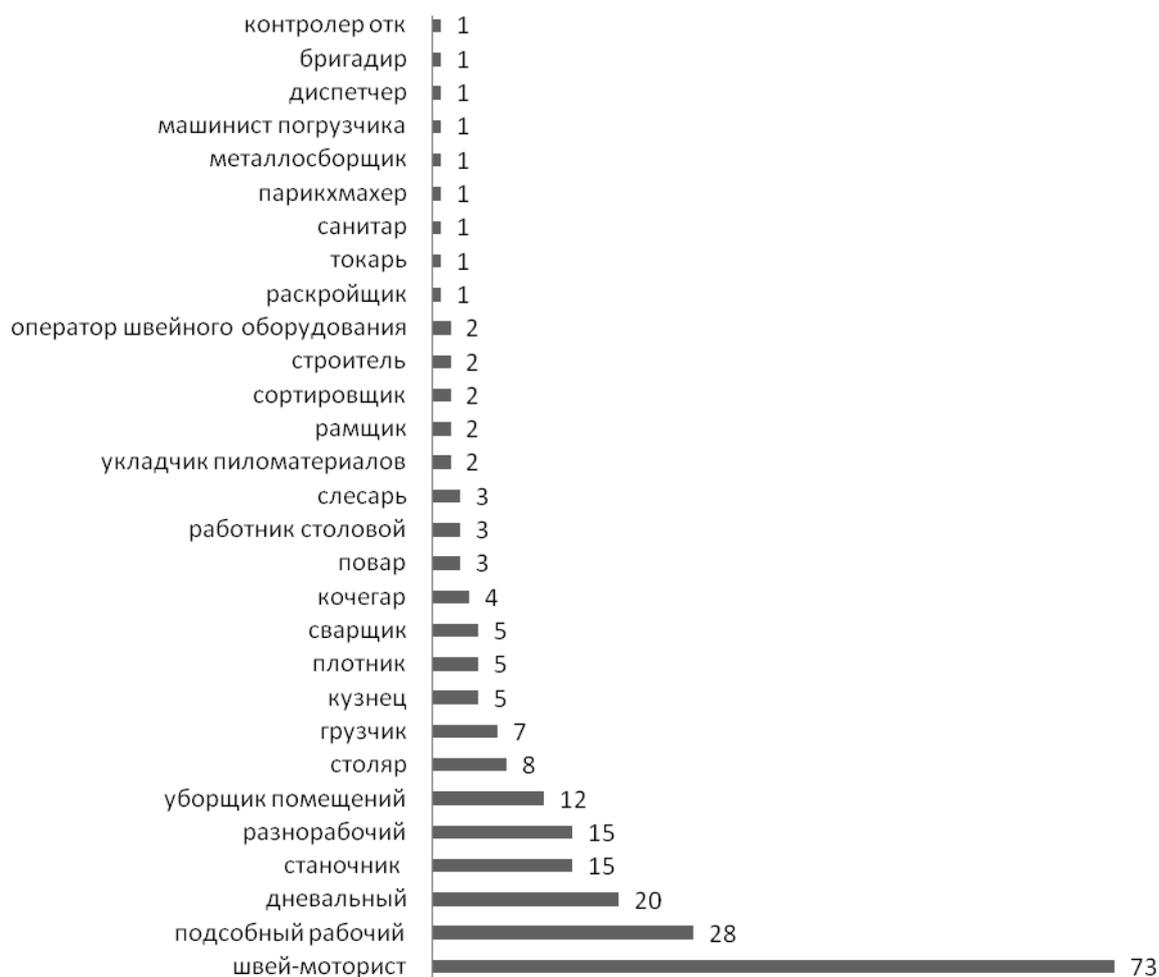

Рис. 3. Сведения о наименованиях специальностей и количестве трудоустроенных по ним осужденных

Таким образом, при организации профессиональной подготовки осужденных обращает на себя внимание несоответствие полученных профессий осужденными потребностям рынка труда и их профессиональным предпочтениям.

Решение данной проблемы видится в совершенствовании системы профессионального обучения осужденных профессиям, которые востребованы на современном рынке труда¹ с учетом имеющейся собственной производственной базы уголовно-исполнительной системы. Основными направлениями эффективной развивающейся системы профессиональной подготовки могут стать: осуществление планирования профессиональной подготовки как по специальностям, необходимым на собственном произ-

¹ Тарасова И. А., Макаревич З. Б. К вопросу о совершенствовании трудовой занятости осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система в современном обществе и перспективы ее развития : сб. тез. выступления участников Международ. науч.-практ. конф. : в 2 т. Рязань, 2014. Т. 1. С. 132–135.

водстве, так и с учетом рыночной ситуации в сфере трудовой занятости населения страны; учет и по возможности трудовое распределение квалифицированных кадров из числа осужденных по сферам занятости после освобождения из мест лишения свободы; совершенствование системы профессиональной ориентации.

В завершении статьи, вспоминаются слова С. В. Познышева: «Образование в пенитенциарном учреждении должно иметь место, в котором порок и преступление скрывают свои глубокие корни, и поскольку оно нужно, чтобы помочь человеку усвоить обыкновенную житейскую мораль и правильные приемы той работы, которая составляет его профессию»¹.

¹ Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. Москва. 1924. С. 213.

С. А. МАРКУНЦОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и криминалистики
(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)

**АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ
ВЕРХОВНОГО СУДА РФ
ИЛИ К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПРЕДМЕТА
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА**

Уже в период существования тюремного, пенитенциарного права, исправительно-трудового права – подотраслей (отраслей), «преемником» которых и стало уголовно-исполнительное право, шли дискуссии относительно определения предмета их правового регулирования. В настоящее время существуют разные подходы к определению предмета соответствующей отрасли права.

По мнению В. Б. Малинина, предметом уголовно-исполнительного права являются регулируемые этим правом общественные отношения, возникающие в процессе исполнения уголовных наказаний, т. е. уголовно-исполнительные правоотношения¹. В. М. Анисимков полагает, что предметом уголовно-исполнительного регулирования, прежде всего, выступают отношения, возникающие в связи с исполнением и отбыванием наказаний². Более широкую трактовку предмету уголовно-исполнительного права дает С. И. Курганов. По его мнению, в самом общем плане предметом *правового регулирования* уголовно-исполнительного права являются общественные отношения, возникающие в процессе исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера³. При этом он исключает из предмета уголовно-исполнительного права отношения по исполнению принудительных мер воспитательного воздействия. По мнению С. И. Курганова, к иным мерам уголовно-правового характера относятся условное осуждение, принудительные меры медицинского характера (амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра), отсрочка отбывания наказания осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей. Применение такой меры уголовно-правового характера, как принудительные меры воспитательного воз-

¹ Малинин В. Б. Уголовно-исполнительное право : курс лекций. СПб., 2006. С. 31.

² Уголовно-исполнительное право / под ред. В. М. Анисимкова, В. И. Селиверстова. Ростов н/Д., 2009. С. 13.

³ Бриллиантов А. В., Курганов С. И. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации : учебник. М., 2008. С. 11–12.

действия (в отношении несовершеннолетних), не входит в сферу правового регулирования уголовно-исполнительного права, поскольку эти меры связаны с освобождением от уголовной ответственности и наказания¹.

Большинство ученых дают еще более широкую трактовку предмета уголовно-исполнительного права. Так, А. И. Зубков подчеркивал, что кроме того (кроме исполнения наказаний – С. М.), следуя в русле требований уголовной политики и уголовного права, уголовно-исполнительное право в сферу своего воздействия включает и исполнение иных мер уголовно-правового характера. К ним он относил принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним; принудительные меры медицинского характера и контроль за поведением условно осужденных². Напомним, что конфискация имущества как иная мера уголовно-правового введена в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»³. Ученый принципиально включал в предмет правового регулирования уголовно-исполнительного права исполнение всех наказаний и всех иных мер уголовно-правового характера, при этом, возможно, приводя не самый широкий перечень последних. В. И. Селиверстов также считает, что в предмет уголовно-исполнительного права входят отношения, связанные с исполнением (отбыванием) уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. При этом, ученый дает более широкий перечень иных мер уголовно-правового характера. К числу мер уголовно-правового характера В. И. Селиверстов относит принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества, принудительные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, отсрочку отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей и условное осуждение⁴. Схожей позиции придерживается и В. Н. Орлов, отмечающий, что понятие «иных мер уголовно-правового характера» следует толковать в расширительном аспекте. В. Н. Орлов полагает, что к ним следует отнести принудительные меры воспитательного воздействия,

¹ См.: Бриллиантов А. В., Курганов С. И. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации... С. 12.

² См.: Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века : учебник для вузов / под ред. А. И. Зубкова. М., 2006. С 8-9. См.: Собрание законодательства РФ от 31 июля 2006 г., № 31 (часть I). Ст. 3452.

³ См.: Собрание законодательства РФ от 31 июля 2006 г., № 31 (часть I). Ст. 3452.

⁴ См.: Уголовно-исполнительное право : учеб. / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2009. С. 9, 11-12.

принудительные меры медицинского характера, условное осуждение (включая обязанности, предусмотренные ч. 5 ст. 73 УК РФ), отсрочку отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, условно-досрочное освобождение, замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания, помилование; амнистию, а также освобождение от наказания в связи с болезнью или инвалидностью. При этом, по мнению ученого, указанный перечень мер не является исчерпывающим. Это подтверждается п. «ж» ст. 172 УИК РФ, в соответствии с которым осужденный должен (может) быть освобожден от отбывания наказания и по иным основаниям, предусмотренным законом¹.

Необходимо отметить, что на протяжении всего этого времени законодатель периодически реально или «условно» расширял предмет данной отрасли права за счет включения в него отношений по исполнению отдельных «новых» видов наказаний или иных мер уголовно-правового характера. К реальным изменениям предмета уголовно-исполнительного права можно отнести введение в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ конфискации имущества или в соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ² наказания в виде ограничения свободы. Несмотря на доктринальные споры о карательной сущности и исправительном воздействии ограничения свободы³, сравнительно нечастое применения этого вида наказания (в 2014 г. оно было назначено 26983 раза⁴), а также незначительное число раз применения конфискации имущества (в 2014 г. она назначалась в 1178 случаях⁵), в результате их введения возникли новые виды правоотношений и произошло

¹ См.: Российское уголовно-исполнительное право : учебник : в 2 т. Общая часть / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М., 2010. Т. 1. С. 26, 27.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : федер. закон от 27 дек. 2009 г. № 377-ФЗ // Собр. законодательства РФ от 28 дек. 2009 г. № 52 (часть I). Ст. 6453.

³ Введение наказания в виде ограничения свободы, в порядке назначения и исполнения, в содержании и карательной сущности которого изменилось практически все, получило в целом негативную оценку в научном сообществе. Одни ученые отмечали то, что ограничение свободы «трансформировано в более мягкий вид уголовного наказания (если вообще его можно назвать таковым)», другие указывали, что «в содержании данного наказания сложно «разглядеть» исправительный эффект», третьи акцентировали внимание на его «схожести с условным осуждением». Подробнее см.: Маркунцов С. А. Оценка эффективности новых видов уголовных наказаний в контексте современной уголовной политики // Уголовное право и современность : сб. статей. Вып. 4. Том 1. М., 2012. С. 89–95.

⁴ Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах наказаний за 2014 г. (по форме № 10.1). См. сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883>.

⁵ Там же.

действительное расширение предмета уголовно-исполнительного права. С введением в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ¹ наказания в виде принудительных работ² произошло условное расширение предмета уголовно-исполнительного права. Как известно, данное наказание стало «отложенным» видом наказания³.

В случае реализации законодательных инициатив Верховного Суда РФ⁴, возможно, произойдут более значимые, в общем-то концептуальные, изменения предмета уголовно-исполнительного права, которые потребуют в том числе пересмотра некоторых доктринальных воззрений. В соответствии с обозначенной законодательной инициативой отдельные виды наказаний (штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы и исправительные работы) в определенных случаях будут рассматриваться в качестве «мер уголовно-правового характера». Такое положение не в полной мере вписывается в устоявшиеся в науке подходы в рассмотрении данного вопроса.

С. И. Курганов справедливо указывает, что из выражения «наказание и иные меры уголовно-правового характера»... следует, что наказание явля-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 7 дек. 2011 г. № 420-ФЗ // Собр. законодательства РФ от 12 дек. 2011 г.. № 50. Ст. 7362.

² Данное наказание лишь по названию является новым. В содержании лишений и ограничений, в порядке исполнения наказаний в виде принудительных работ и ограничения свободы в прежней редакции много общего. Подробнее о сравнении положений содержания и исполнения наказаний в виде ограничения свободы (в редакции до принятия Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) и принудительных работ, см.: Маркунцов С. А. Оценка эффективности новых видов уголовных наказаний в контексте современной уголовной политики // Уголовное право и современность : сб. статей. Вып. 4. Том 1. М., 2012. С. 103–107.

³ Согласно Федеральному закону от 28 декабря 2013 г. № 431-ФЗ «О внесении изменения в статью 8 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» срок начала применения положений УК РФ и УИК РФ в части принудительных работ был отложен до 1 января 2017 года. См.: Собрание законодательства РФ от 30 декабря 2013 г., № 52 (часть I), ст. 6996.

⁴ См.: приложения к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 31 июля 2015 г. № 37 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Документ официально опубликован не был.

ется одной из мер уголовно-правового характера¹. В случае реализации законодательной инициативы Верховного Суда РФ отдельные виды наказаний в определенных случаях (по иному основанию их применения) смогут рассматриваться в качестве «мер уголовно-правового характера». Таким образом, законодатель, с одной стороны, сближает эти понятия (наказание из обозначенного перечня может выступить мерой уголовно-правового характера), с другой стороны, противопоставляет их (нельзя будет сказать, что какое-либо из указанных наказаний всегда является мерой уголовно-правового характера). В этом случае, во избежание путаницы в доктрине понятие «мера уголовно-правового характера» не следует рассматривать в качестве базового, объединяющего в себе понятия и наказания, и иных мер уголовно-правового характера.

Обозначенные законодательные инициативы повлияют и на доктринальное понимание понятия «иные меры уголовно-правового характера». Так, в частности, по мнению В. И. Селиверстова, под ними понимаются иные принудительные меры, предусмотренные уголовным законодательством в качестве реакции государства на совершенное преступление, но *не относящиеся к уголовному наказанию* (курсив наш – С.М.)². С данным определением ученого вполне можно согласиться. Однако, в случае реализации данных законодательных инициатив, получится, что меры уголовно-правового характера, применяемые при освобождении от уголовной ответственности (предусмотренные гл. 15.2 УК РФ, введение которой предусмотрено законопроектом), несмотря на то, что формально также будут отнесены к иным мерам уголовно-правового характера (гл. 15.2 УК РФ, согласно законопроекту, будет частью раздела VI «Иные меры уголовно-правового характера» УК РФ), фактически будут существенно отличаться от них. Указанные меры уголовно-правового характера не просто сохранят названия соответствующих наказаний, предусмотренных в пунктах «а», «б», «г», «д» ст. 44 УК РФ, но и (согласно ст. 67.1 УИК РФ, внесение которой предусмотрено рассматриваемым законопроектом) тот же порядок исполнения, как и порядок исполнения соответствующих наказаний со сравнительно небольшими изъятиями, предусмотренными гл. 9.1 УИК РФ (внесение которой предусмотрено законопроектом); более того, в них, исходя из существующих лишений и ограничений, в основном будет сохранено карательное содержание соответствующих видов наказаний³. Таким обра-

¹ Курганов С. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2. С. 59.

² Уголовно-исполнительное право : учеб. / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2009. С. 11.

³ В теории уголовного права существует два основных подхода к определению содержания наказания. Согласно одной точки зрения содержанием наказания является кара, согласно другой – кара и воспитание. См.: Маркунцов С. А. Уголовно-исполнительное право (общая часть): в схемах, таблицах и определениях : учеб. пособие. М., 2010. С. 50. Подробнее об этом, например, см.: Орлов В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты: монография. М., 2011. С. 62-68.

зом, рассматриваемые меры уголовно-правового характера, применяемые при освобождении от уголовной ответственности, во многом будут схожи с соответствующими видами наказаний. Данные меры по факту уже не будут подпадать под определение иных мер уголовно-правового характера, данное В. И. Селиверстовым¹. Возможно составители законопроекта, понимая этот факт, умышленно использовали термин не «иные меры уголовно-правового характера», а просто – «меры уголовно-правового характера». Возникает вопрос: следует ли «меры уголовно-правового характера, применяемые при освобождении от уголовной ответственности» по существу (не формально) рассматривать в качестве разновидности «иных мер уголовно-правового характера». Не следует ли рассматривать данные меры в качестве самостоятельной группы мер уголовно-правового характера, «промежуточного звена» между наказаниями и иными мерами уголовно-правового характера?

Представляется, что рассматриваемые законодательные инициативы Верховного Суда РФ, в случае их реализации, вызовут много вопросов, на которые еще предстоит ответить ученым в будущем, разработав под соответствующее законодательное решение концептуально-теоретическое обоснование. С одной стороны, данные законодательные инициативы расширят предмет уголовно-исполнительного права, с другой стороны, «размоют» во многом устоявшиеся доктринальные подходы к пониманию базовых уголовно-правовых институтов, потребовав концептуального пересмотра базовых доктринальных положений.

¹ В доктрине уголовного и уголовно-исполнительного права существуют и иные более общие определения иных мер уголовно-правового характера, которые не претендуют на отражение всех признаков данного института права. Так, С. И. Курганов в самом общем виде определяет их, как предусмотренные уголовным законом меры, применяемые к лицам, совершившим преступление. При этом ученый приходит к выводу о том, что возможны существенно различные интерпретации данного понятия, основывающиеся на разном понимании оснований применения этих мер. См.: Курганов С. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2. С. 59, 63. Представляется, что в случае реализации обозначенных законодательных инициатив, произойдет еще большее «размытие» соответствующего понятия, а существенно различные его интерпретации можно будет давать не столько исходя из разного понимания оснований их применения, сколько на основе различий в содержании их карательного воздействия.

А. С. МЕЛЬНИКОВ,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
(Владимирский юридический
институт ФСИН России)

ПРАВОВЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Анализ процедуры исследования столь непростого явления как правовые рекомендации представляется невозможным без обращения к краткой характеристике самой познавательной деятельности. В частности, в теории познания различают два вида (уровня) познавательной деятельности человека: обыденное (донаучное) и научное познание¹. При этом обыденное или, иначе говоря, донаучное знание принято основывать на убежденности «здравого смысла» и «практического сознания». При таком познании правовой действительности субъекты познавательной деятельности могут непосредственно познавать группы фактов, которые, возникнув до процесса и вне процесса познания конкретного объекта, продолжают существовать и во время этого процесса.

Мнения различных авторов при установлении алгоритма действий и сущности научного познания весьма неоднозначны. Одни авторы полагают, что познание – это мыслительный и логический процесс, а действия по собиранию и проверке сведений – лишь предпосылка познания², другие, что это именно практическая деятельность по собиранию и исследованию фактов³, третьи, что познание – это единство практической деятельности субъектов по собиранию и проверке фактов и мыслительной деятельности. Исходя из этого, мы можем предположить, что совокупность действий субъектов познавательной деятельности, составляющих содержание познания, характеризует его как комплексный вид деятельности, направленный на установление необходимых фактов и по уяснение их сущности. В наиболее широком смысле метод можно определить как способ подхода к познанию объективной реальности. В классической марксистско-ленинской философии метод – это способ познания, исследования явлений, способ решения задачи, «путь... действительного познания»⁴. В философской науке существуют различные типологии научных методов, но бо-

¹ См.: Ванеева Л. А. Судебное познание в советском гражданском процессе. Владивосток, 1972. С. 37.

² См.: Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 134; Старченко А. А. Логика в судебном исследовании. М., 1958. С. 19–20.

³ См.: Курылев С. В. Основы теории доказывания... С. 26–37.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 80.

лее других распространены следующие¹: методы научного познания подразделяются на: специальные, общенаучные и универсальные; методы научного познания подразделяются на всеобщие, общенаучные, частнонаучные и специальные; методы научного познания подразделяются на философские и специальные.

Сказанное дает нам основания полагать, что более обоснован второй из приведенных подходов к типологии научных, поскольку именно он дает возможность исследовать конституционно-правовой статус с позиций социальных наук – в целом, юриспруденции – в частности и конституционного права – непосредственно. Следующим за философским методом диалектики уровнем познания выступают общенаучные методы, к которым принято относить метод анализа, синтеза, индукции, дедукции, метод движения от общего к частному и от частного к общему, методы формализации и идеализации и др. Третьим уровнем методологии являются частные (действующие в каждой отдельной отрасли науки) методы. Частные методы познания, используемые в отдельных науках, представляют собой систему определенных приемов, правил, рекомендаций по изучению конкретных объектов познания. Четвертый уровень методологии составляют так называемые «частные» или «специальные» методы», под которыми понимаются приемы и способы познания, применяемые в одной или нескольких близких сферах и далеко не на всех этапах познавательной деятельности.

Также в процессе познания могут быть применены специальные методы двух видов: характерные только для исследуемой сферы человеческой деятельности, применимые не только в познании, но и в иных сферах. Однако разграничивая методы познания на частные и специальные необходимо учитывать, что они не могут быть разделены между собой жесткой гранью, их нельзя абсолютизировать и превращать в единственно возможный, универсальный способ познавательной деятельности. Ни один метод, обособленный от методологии как единой и целостной системы, не может привести к должному результату ни в научном исследовании, ни в практической деятельности. И использоваться они должны только в совокупности, в пределах и случаях, необходимых для достижения необходимого результата.

Применительно к познанию процесса реализации правовых рекомендаций в сфере исполнения наказаний сказанное нами означает, что исходной, принципиальной основой для изучения правовых явлений в целом и правовых рекомендаций в частности, служат выводы, сделанные с позиций базовых философских методов. Обращаясь непосредственно к анализу теории и практики реализации правовых рекомендаций в сфере исполне-

¹ Цанн-Кай-Си В. Ф. Философия как теоретическое мировоззрение. Владимир, 2001. С. 290.

ния наказаний отметим, что все более возрастающая в настоящее время роль правовых рекомендаций, как формы выражения властных управленческих решений связана с тем, что применение традиционных средств правового воздействия на общественные отношения порой становится малоэффективным ввиду сложности и значительной загруженности правовой системы законами и подзаконными нормативно-правовыми актами.

При этом бесспорен тот факт, что значительные трудности в реализации правовых предписаний вызывает такое распространенное среди населения и значительной части сотрудников соответствующих государственных органов явление, как правовой нигилизм, пренебрежительное отношение к законам. Некоторые практические работники государственных органов, осуществляющих исполнение наказания, не хотят либо не умеют перестроить работу, уповая по-прежнему, в первую очередь, на силовые, принудительные методы, и именно здесь нам кажется значимой роль правовых рекомендаций. Обладая более широким спектром воздействия по сравнению с императивными нормами, они будут способствовать преодолению проявлений правового нигилизма в сфере исполнения наказаний. Кроме того, весьма значимой тенденцией усиления роли правовых рекомендаций в сфере исполнения наказаний является возрастающее в настоящее время влияние негосударственных институтов, и в частности, гражданского общества.

Следовательно, влияние гражданского общества на правовые рекомендации выражается в функционировании разнообразных неправительственных организаций, обладающих совещательным или наблюдательным статусом, участвующим в работе общественных и попечительских советов учреждений и органов, исполняющих наказания. При этом деятельность некоторых из них напрямую предусматривает представительство со стороны гражданского общества. Наряду с этим правовые рекомендации способствуют быстрому и эффективному применению норм действующего законодательства. В процессе реализации норм Уголовно-исполнительного кодекса РФ порой практическими работниками выявляются отдельные недостатки и противоречия. Это подтверждается тем, что с момента его вступления в действие было внесено множество предложений по изменению, дополнению некоторых статей.

Н. И. НАРЫШКИНА,
кандидат юридических наук,
начальник кафедры
уголовно-исполнительного права
(Владимирский юридический институт ФСИН России)

РЕЦЕПЦИЯ ПРОГРЕССИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ИНСТИТУТА ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В нормативных правовых актах Российской Федерации, регламентирующих порядок исполнения и отбывания уголовных наказаний, есть положения, не являющиеся по своей сути новыми, сложившимися под влиянием современных социально-экономических условий, а появившиеся гораздо раньше в правовых источниках России и зарубежных государств и рецептированные национальным пенитенциарным законодательством.

Например, в Российской Федерации действует прогрессивная система исполнения и отбывания уголовных наказаний в виде лишения свободы (ст. 58 Уголовного кодекса РФ, ст. 74, 78, 87, 120, 122, 124, 127, 130 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК РФ)). Ее элементы были заимствованы из зарубежной пенитенциарной практики. Принято считать, что родиной прогрессивной системы является Англия. Капитан Александр Мэконочи применил ее в каторжной тюрьме на о. Норфолк вблизи Австралии в 1840 г.¹ Вместе с тем, мы полагаем, что страной, впервые внедрившей элементы прогрессивной системы в практику исполнения и отбывания наказаний, связанных с лишением свободы, стали Нидерланды.

В 1595 г. в Амстердаме было основано, а в 1596 г. открыто учреждение, именовавшееся *Tuchthuis Rasphuis*, куда помещали лиц мужского пола, ведущих антиобщественный образ жизни. Решение об образовании аналогичного учреждения для женщин – *Spinhuis*, было принято 13 ноября 1596 г. Таким образом, заключенные распределялись по указанным учреждениям по гендерному признаку. Внутри *Rasphuis* прогрессивная система реализовалась по следующим направлениям: в *Rasphuis* существовало помещение, которое выполняло функции современного карантинного отделения в исправительном учреждении² (там размещались вновь прибывшие заключенные на срок 10 суток); заключенные разделялись на три

¹ Ткачевский Ю. М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 2007. URL : <http://www.lawmix.ru/commlaw/810/>.

² Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений : приказ Минюста России от 3 ноября 2005 г. № 205. П. 6–7 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 47.

класса (низший, средний, высший) и могли переводиться из одного класса в другой в зависимости от поведения и отношения к труду, в то время как формальные критерии изменения условий отбывания наказания отсутствовали; функционировал локальный сектор (по примеру современного ПФРСИ, участка колонии-поселения), именованный «особой», «секретной» секцией, куда с 1600 г. помещались и содержались отдельно от взрослых дети, сданные в учреждение родственниками¹.

Согласно требованиям уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации администрация исправительных учреждений осуществляет персональный и количественный учет осужденных в целях проверки их наличия, прибытия, убытия, внутреннего перемещения, контроля за сроками наказания. Эта позиция тоже не нова. Еще Соборное уложение 1649 г. содержало требования по учету тюремных сидельцев. Освобожденным лицам выдавался документ («письмо»), подтверждавший факт отбытия ими срока тюремного заключения: «...и дать ему ... письмо, за дьячьёуприписью, что он за свое воровъство в тюрьме урочные годы отсидел, и истюрмы выпущен»². Освобожденный из тюрьмы обязан был хранить выданное ему письмо, по аналогу с современной справкой об освобождении, под угрозой тюремного заключения³. Губные старосты при помощи тюремных целовальников и подьячих вели и хранили статейные списки – структурированные перечни заключенных, распределенных по категориям – «статьям» губной тюрьмы; росписные списки, куда вносились дела заключенных⁴. Позднее, новоуказанные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 г., дополнившие Соборное уложение, также говорили о необходимости количественного и персонального учета лиц, как осужденных к наказанию в виде тюремного заключения, так и содержащихся в тюрьмах в порядке предварительной меры (ст. 126–127)⁵.

Согласно ст. 73 УИК РФ осужденные к лишению свободы, как правило, отбывают наказание в пределах территории того субъекта Российской Федерации, где они проживали или были осуждены, за исключением осужденных особых категорий. Указанная норма содержалась

¹ Spierenburg P. *The Prison Experience. Disciplinary Institutions and Their Inmates in Early Modern Europe*. Amsterdam, 2007. P. 45, 52; Sellin T. *Pioneering in Penology. The Amsterdam House of Correction in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Philadelphia, 1944. P. 49, 53, 81–82.

² Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1985. Т. 3 : Акты Земских соборов. Соборное уложение. Гл. XXI. Ст. 16.

³ Соборное уложение. Гл. XXI. Ст. 19.

⁴ Воробьев А. В. *Делопроизводство Разбойного приказа как исторический источник по истории государственного управления в России XVI – первой половины XVII в. : автореферат дис. ... канд. ист. наук*. М., 2012. С. 19.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Спб., 1830. Т. I. С. 1649 по 1675. № 431.

еще во втором (1566 г.) и третьем (1588 г.) Литовском статуте¹ Великого княжества Литовского. Их нормы определяли, что, за исключением случаев, определенных законом, заключенные («вязни») могли содержаться в тюрьме того повета (уезда), где они совершили преступление и были осуждены, а также там, где имели «оселость», то есть фактически проживали.

В уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации в 2008 г. появилось положение, согласно которому осужденные к наказанию в виде лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии-поселении могут следовать туда самостоятельно, а не под конвоем, как в другие пенитенциарные учреждения (ст. 75.1 УИК РФ). Тем самым, государство не только снижает расходы на конвоирование осужденных, но также демонстрирует свое доверие к ним. Вместе с тем, анализ архивных документов Великого княжества Литовского свидетельствует, что в ряде случаев лицам, приговоренным к отбыванию наказания в виде лишения свободы, предоставлялась возможность добровольно прибыть в обозначенную им судом тюрьму. Например, 18 июля 1636 г. Холмским городским судом было получено заявление Андрея Старчановского о его явке в тюрьму замка для отбывания назначенного ему наказания². Данная практика представляется нам достаточно прогрессивной для того времени, рассчитанной исключительно на добрую волю осужденного и данное им обещание прибыть к месту отбывания наказания. Вместе с тем, так же как и в российской пенитенциарной практике, в Великом княжестве Литовском были случаи, когда заключенные отказывались добровольно прибывать к месту отбывания наказания. Так, 3 декабря 1601 г. супруги Трунковские, приговоренные за оскорбление князя Гедройта к заключению сроком на шесть недель, отказались добровольно явиться в тюрьму. Свои действия они мотивировали нежеланием отбывать назначенное им судом наказание в подземной тюрьме, но были согласны отсидеть положенный срок в «верхнем» заключении³. Сословная принадлежность виновных, очевидно, позволяла им рассчитывать на более льготные условия содержания, чего не произошло. Либо они считали свой проступок (оскорбление) несоизмеримым по степени общественной опасности назначению подземной тюрьмы, хотя в данном случае известную роль могла сыграть личность потерпевшего (князь). Затем супруги еще раз ответили решительным отказом прибыть в тюрьму, а впоследствии скрылись из замка.

Общая тюремная инструкция 1915 г. (далее – Инструкция),⁴ к сожалению, действовавшая на территории Российской империи недолго, явля-

¹ Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя. Т. 3. Дадатак. А–Я / рэдкал.: Т. У. Бялова. Мінск, 2010. С. 481–539, 554–689.

² Акты, издаваемые археографической комиссией высочайше утвержденной в Вильне : в 39 т. Т. XXIII. Акты Холмскаго городского суда. Вильна, 1896. № 132.

³ Там же. Т. XX. Акты касающиеся города Вильны. Вильна, 1893. № 135.

⁴ Общая тюремная инструкция. Пг., 1916.

лась очень прогрессивным для своего времени документом. Многие ее положения были впоследствии реципированы исправительно-трудовым законодательством СССР и уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации. В частности, сравнительный анализ норм Инструкции и ПВР исправительных учреждений от 3 ноября 2005 г. № 205 и ПВР следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы от 14 октября 2005 г. № 189 позволяет выявить огромное сходство в том, что касается определения целей содержания под стражей и наказания в виде лишения свободы, внутреннего распорядка дня, режимных мероприятий и др. Вместе с тем, в Инструкции есть положение, не нашедшее отражения в российских нормативных правовых актах, но, на наш взгляд, заслуживающее внимания. Так, в ст. 187 данного документа сказано, что для евреев, магометан, раскольников и сектантов допускается приготовление особой пищи, требуемой их обрядами, в установленные по правилам их вероисповедания праздники. Похожее положение, кстати, содержится в Европейских пенитенциарных правилах от 11 января 2006 г. (пр. 22.1)¹. Российские же источники² при определении норм питания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, принадлежность человека к той или иной религиозной конфессии не учитывают.

Таким образом, многие прогрессивные для своего времени элементы института тюремного заключения, существовавшие в российских и зарубежных правовых документах и практике их применения, нашли отражение в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации. Вместе с тем, определить источник и время заимствования того или иного положения не всегда можно однозначно и достоверно.

¹ Европейские пенитенциарные правила. Рекомендация Rec (2006) 2 Комитета министров Совета Европы к государствам-членам от 11 января 2006 г. Комментарий к тексту Европейских пенитенциарных правил // Сборник конвенций, рекомендаций и резолюций, касающихся пенитенциарных вопросов. Рязань, 2008. С. 58–96.

² Об утверждении норм питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний, на мирное время : приказ Минюста России от 2 августа 2005 г. № 125 // Бюл. нормат. актов федер. органов исполнительной власти. 2005. № 33.

М. Г. ОЛЕНЕВ,
преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
(Академия ФСИН России)

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РФ
С ФСИН РОССИИ ПО СОБЛЮДЕНИЮ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ**

В соответствии с рекомендациями международных организаций повышенное внимание в современных условиях уделяется развитию несудебных способов защиты прав человека. Одной из целей ООН, зафиксированной в Уставе, является поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии¹. Большинство международно-правовых актов о правах человека содержат прямые директивы правительствам привести национальное законодательство в соответствие с нормами международного права, исходя из признания универсального характера прав человека. С целью обеспечения защиты прав человека и гражданина в нашей стране был создан правовой институт омбудсмана – Уполномоченного по правам человека в РФ.

Должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации учреждена в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления, должностными лицами и государственными служащими. Деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и свобод граждан, не отменяет и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод. Данный правовой институт функционирует уже более 18 лет, что связано с принятием Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»², который определил порядок назначения и освобождения Уполномоченного, его компетенцию, организационные формы и условия деятельности. В настоящее время институт уполномоченного успешно выступает в качестве одной из важнейших дополнительных гарантий прав и свобод человека и гражданина в России.

¹ Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26.06.1945). Гл. 3. Ст. 1 : сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14–15.

² Об Уполномоченном по правам человека в РФ : федер. конституционный закон от 26 февраля 1997 г. ФКЗ-№ 1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 9. Ст. 1011.

Следует отметить, что институт Уполномоченного по правам человека в РФ (далее – Уполномоченный) является важнейшим публично-правовым органом, представляющим собой дополнительный институт правовой защиты граждан от неправомερных действий государства в лице его органов управления, прежде всего органов исполнительной власти. Он призван защищать граждан от плохого государственного администрирования, выявлять и анализировать сбои в работе государственных органов, приводящие к нарушению прав человека, выработать рекомендации о совершенствовании деятельности органов государства в области прав человека и административных процедур, с ними связанных. Необходимо согласиться с мнением А. С. Автономова, что омбудсмен «не относится ни к судебным, ни к административным, ни к прокурорским органам»¹. Институт омбудсмeна является механизмом защиты и обеспечения прав человека и гражданина, куда можно обратиться в случае не согласия с административным решением. Контрольная функция Уполномоченного распространяется на большинство правовых отношений, в том числе и на исполнение уголовных наказаний.

Деятельность Уполномоченного по защите прав и законных интересов осужденных к лишению свободы, регламентирована Федеральным конституционным законом «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», частично УИК РФ (ст. ст.24, 91) и Законом РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». Следует согласиться с мнением В. Г. Громова, что к основным направлениям пенитенциарной политики на современном этапе следует отнести рациональную гуманизацию отбывания наказания в местах лишения свободы, совершенствование системы исправительных учреждений, решение проблемы финансирования уголовно-исполнительной системы, усиление общественного контроля за деятельностью мест лишения свободы². В связи с этим, деятельность Уполномоченного направлена на рассмотрение и разрешение обращений граждан, находящихся в местах принудительного содержания, с целью укрепления законности и правопорядка в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Жалоба, адресованная Уполномоченному от лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, просмотру администрацией не подлежит и в течение 24 часов администрация обязана направить ее по адресу.

Получив жалобу в десятидневный срок, Уполномоченный имеет право:

– принять жалобу лица, находящегося в пенитенциарных учреждениях к рассмотрению; - разъяснить осужденному и подследственному средства, которые тот вправе использовать для защиты своих прав и свобод; -

¹ Автономов А. С. Правовая онтология политики. М., 1999. С. 170.

² Громов В. Г. Некоторые аспекты современной пенитенциарной политики//Проблемы уголовной политики, экологии и права : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (С. Петербург, 24–25 мая 2010 г.). СПб., 2010. С. 49.

передать жалобу государственному органу или должностному лицу, к компетенции которого относится разрешения жалобы по существу, например, в ФСИН России; - отказать в принятии жалобы к рассмотрению с обязательным мотивированным отказом.

В 2014 году к Уполномоченному поступило 59 100 обращений граждан, государственных и общественных организаций, из которых жалобы по защите прав человека в местах принудительного содержания (в частности, жалобы на условия отбывания наказания в исправительных учреждениях) составили 11,2 %¹. Так, например, восстановлены права 300 осужденных-инвалидов, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ГУФСИН России по Республике Башкортостан, у которых в нарушение ст. 107 УИК Российской Федерации и указания ФСИН России от 21.04.12 № 1307652-01 незаконно производились удержания из перечисленных сумм ежемесячных денежных выплат; более 400 осужденных, находящихся в ФКУ ЛИУ-23 УФСИН России по Волгоградской области, на конфиденциальность переписки с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации.

В результате вмешательства Уполномоченного устранены нарушения прав родственников лиц, содержащихся в СИЗО-1 УФСИН России по Брянской области (город Брянск, лимит наполнения 600 человек), которые были вынуждены приобретать за плату бланки заявлений на предоставление свиданий и передач; права граждан при предоставлении свиданий в ИК-2 УФСИН России по Республике Татарстан (лимит наполнения 1652 человека); устранены нарушения прав осужденных по условиям отбывания наказания, возвращены незаконно изъятые предметы личного обихода в КП-1 ГУФСИН России по Самарской области (лимит наполнения 319 человек), виновные в нарушениях должностные лица привлечены к дисциплинарной ответственности; устранены нарушения прав осужденных по условиям отбывания наказания с привлечением виновных должностных лиц к дисциплинарной ответственности в ФКУ ОИК-36 ГУФСИН России по Красноярскому краю (поселок Старцево, лимит наполнения 1230 человек). И такие примеры не единичны, что обуславливает пристальное внимание к проблемам исполнения наказания как со стороны общества, так и со стороны государства, в том числе в виде деятельности Уполномоченного.

Можно выделить следующие основные формы взаимодействия Уполномоченного с пенитенциарных учреждениями в сфере соблюдения прав человека:

1. Рассмотрение обращения осужденных и подследственных по существу, с принятием необходимых решений по восстановлению нарушенных прав;
2. посещение Уполномоченным исправительных учреждений, где

¹ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 год // Рос. газ. 2015. 7 мая.

исследуется вопрос соблюдения требований международных документов, уголовно-исполнительного законодательства, правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, питания, медицинского обеспечения, материально-бытового обеспечения лиц, содержащихся в местах лишения свободы; 3. посещения Уполномоченным совместно с представителями прокуратуры, общественной наблюдательной комиссией, помощником начальника территориального органа ФСИН по соблюдению прав человека в УИС исправительных учреждений. По результатам совместных с Уполномоченным выездов в исправительные учреждения администрациями колоний принимаются ряд мер по устранению выявленных нарушений прав человека; 4. участие Уполномоченного в расширенных заседаниях различных государственных органов (ФСИН России, Генеральная Прокуратура РФ и т. д.), научных мероприятиях с целью выработки ключевых направлений совершенствования уголовно-исполнительного законодательства и практики исполнения наказаний; 5. подготовка ежегодных и специальных докладов Уполномоченным по правам человека в РФ. Ежегодные и специальные доклады направляются Президенту РФ, в Правительство РФ, в Совет Федерации и Государственную Думу, в Конституционный Суд, Верховный суд и Генеральную прокуратуру. Государственные органы уведомляются о тематике нарушения прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания и должны адекватно отреагировать на тематику обращений, поступивших к Уполномоченному по правам человека в РФ, и принять конструктивные решения.

Таким образом, деятельность Уполномоченного по правам человека в РФ в сфере исполнения наказаний направлена на изменение и совершенствование пенитенциарной политики государства, и в том числе, на создание нормальных условий содержания и защиты прав осужденных.

А. А. ПАВЛЕНКО,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
организации исполнения наказаний
(Томский институт повышения
квалификации работников ФСИН России)

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР
МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА К ОСУЖДЕННЫМ,
ОТБЫВАЮЩИМ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

По официальным данным МВД России, за последние семь лет количество зарегистрированных случаев педофилии увеличилось в 30 раз. Каждый день почти 50 детей в нашей стране становятся жертвами преступлений сексуального характера. В МВД России появились спецподразделения уголовного розыска по борьбе с педофилами¹. В этой связи Федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ введен комплекс мер по борьбе с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних. В отношении осужденных, отбывающих лишение свободы, предусмотрены две подобные меры.

Во-первых – это принудительные меры медицинского характера (ч.ч. 1 и 2 ст. 18 УИК РФ). Целями этих мер (ст. 98 УК РФ) являются излечение лиц, страдающих психическими расстройствами, и перечисленных в ч. 1 ст. 97 УК РФ, а также предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ. Данные меры назначаются, продляются, изменяются и прекращаются судом (ст.ст. 97-102 УК РФ). Порядок исполнения принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ) нормативно урегулирован достаточно полно (гл. 51 УПК РФ) и на практике не должен был вызывать особых проблем. В соответствии с п. д) ч. 1 ст. 97 УК РФ ПММХ могут быть назначены лицам, совершившим в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией). Установление наличия или отсутствия у подозреваемого, обвиняемого педофилии должно осуществляться на стадии предварительного расследования в рамках судебной экспертизы, назначение которой обязательно в рассматриваемой ситуации (п. 3.1) с. 196 УПК РФ). Однако реально далеко не все лица, осужденные по преступлениям, обозначенным в

¹ Кешева Л. В России борьба с педофилами ужесточается, а в Европе 22 декабря будут отмечать Международный День Педофилии. URL : http://ruskline.ru/pecial_opinion/2014/08/v_rossii_borba_s_pedofilami_zhestochaetsya_a_v_evrope_22_dekabrya_budut_otmechat_mezhdunarodnyj_den_pedofilii.

примечании к ст. 73 УК РФ, проходят подобную экспертизу. Так, по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ в 2014 году было совершено 32261 преступлений, предусмотренных ст.ст. 131-135 УК РФ, в том числе 1641 деяние, в отношении лиц, не достигших возраста 14 лет. Однако, лишь 173 лицам из всех более чем 719 тыс. осужденных в 2014 году определена ПММХ в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра по ч. 2 ст. 99 УК РФ¹.

Данная ситуация существенно влияет и на эффективность применения второй медицинской меры борьбы с педофилией, предусмотренной ч. 4 ст. 18 УИК РФ, – освидетельствование осужденного за рассматриваемые преступления комиссией врачей-психиатров не позднее чем за шесть месяцев до истечения срока отбывания наказания, либо при получении ходатайства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, либо до внесения представления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Целью такого освидетельствования является решение вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии) и определение мер медицинского характера, направленных на улучшение его психического состояния, предупреждение совершения им новых преступлений и проведение соответствующего лечения.

По поводу данной меры возникает два вопроса. Первый из них – почему данный факт не был определен на стадии предварительного расследования в соответствии с уже упоминаемой нормой, предусмотренной п. 3.1) с. 196 УПК РФ? Второй вопрос обусловлен добровольностью прохождения данного освидетельствования – почему на стадии предварительного расследования установление наличия или об отсутствии у лица расстройства сексуального предпочтения (педофилии) осуществляется без его согласия, а на стадии исполнения приговора необходимо добровольное обращение осужденного или его согласие для данного освидетельствования?

Очевидно, что указанное обращение (согласие) осужденного маловероятно, так как оно может повлечь для него крайне неблагоприятные юридические последствия – медицинское подтверждение наличия педофилии и применение назначенных по результатам освидетельствования мер медицинского характера, продолжительность которых не определена. Более того, уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения, от применения к нему принудительных мер медицинского характера, применяемых после отбытия наказания, влечет уголовную ответственность на основании ч. 3 ст. 314 УК РФ.

Изложенные обстоятельства позволяют говорить о декларативности ряда мер, предусмотренных в рамках борьбы с педофилией в России. Вы-

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014 год. Форма № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883>.

ходом из сложившейся ситуации представляется выстраивание четкой, логически выверенной системы правового регулирования комплекса мер по борьбе с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Первым звеном такой системы должно стать признание педофилии заболеванием, опасным для окружающих. Правовые последствия данной меры заложены в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»¹. В этом законе впервые в отечественном законодательстве появилась ст. 27 «Обязанности граждан в сфере охраны здоровья». В контексте рассматриваемой проблемы востребованы положения ч. 2 этой статьи, возлагающие на граждан, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, обязанность проходить медицинское обследование и лечение. Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, в соответствии с ч. 2 ст. 43 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» утверждается Постановлением Правительства РФ². Анализ содержания данного Перечня свидетельствует о включении в него только заразных инфекционных заболеваний (опасных для окружающих с медицинской стороны в случае контакта с заболевшими ими). Считаем, что указанный Перечень следует дополнить еще одной группой заболеваний – незаразных, но опасных для окружающих с социальной стороны, – расстройство сексуального предпочтения (педофилия), алкоголизм, наркомания и токсикомания. Общеизвестно, что лицами, страдающими алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией, совершается значительное количество общественно опасных деяний, а про опасность педофилов для окружающих сказано и так достаточно.

Следующим звеном системы борьбы с педофилией должно первоначальное психиатрическое освидетельствование всех лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Это связано с тем, что значительную часть таких преступлений совершают лица с органическими психическими расстройствами и олигофренией. Назовем эту группу «ситуативные педофилы». Данная категория лиц находится на учете в психиатрических учреждениях, известна либо легко выявляется специалистами и, как правило, не требует судебно-психиатрической экспертизы. Предварительное освидетельствование может проводиться амбулаторно, и позволит сэкономить значительные средства, необходи-

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

² Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих : постановление Правительства Рос. Федерации от 1 дек. 2004 № 715 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 49. Ст. 4916.

мые для этапирования подозреваемых и обвиняемых в специализированные психиатрические отделения, которые имеются далеко не во всех субъектах РФ.

Если же в ходе освидетельствования специалистами будут выявлены признаки расстройства сексуального предпочтения, то необходимо проведение полноценной стационарной судебно-психиатрической экспертизы. Именно в результате такой экспертизы и должен решаться вопрос о наличии или об отсутствии у лица расстройства сексуального предпочтения, т.е. диагностика «классической педофилии».

Подобная схема действий определяет и логическую последовательность следующих мероприятий – при выявлении педофилии суд назначает ПММХ в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра исправительного учреждения, процедура которого подробно определена в гл. 51 УПК РФ.

Ю. В. ПЕРРОН,
адъюнкт кафедры
уголовно-исполнительного права
(Вологодский институт права
и экономики ФСИН России)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ОБРАЩЕНИЯ С ОСУЖДЕННЫМИ

Ежегодно в учреждениях уголовно-исполнительной системы отбывают наказание в виде лишения свободы порядка 600 тысяч осужденных¹. Совершив преступление и находясь в изоляции от общества, осужденные не перестают быть его частью. Следует помнить, что осужденные к лишению свободы не теряют человеческого достоинства и за ними сохраняются все права человека, кроме права на свободу. Поэтому осужденный, как и любой другой человек, чьи права и свободы могут быть нарушены, имеет право на эффективные средства их защиты, даже находясь в местах лишения свободы.

Тем не менее, преобладающее большинство осужденных – мужчины, поэтому управление пенитенциарной системой ориентировано и осуществляется из расчета на них. Вследствие этого, другие группы осужденных в силу своего возраста, пола, этнического происхождения, состояния здоровья, политического и правового статуса подвергаются большему риску в отношении своей безопасности и благополучия в результате осуждения в исправительное учреждение.

Реализации данного принципа в уголовно-исполнительной системе поможет ориентация на международные стандарты, наиболее полно отражающие права осужденных. К таковым следует отнести Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций (далее - ООН) по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году, и одобрены Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»), принятые резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 10 декабря 1985 года, а также Европейские пенитенциарные правила, утвержденные рекомендацией Комитета министров Совета Европы Rec (2006) 2.

Международные стандарты определяют, что все осужденные наделены такими правами, как: право на проживание в среде, где соблюдаются гигие-

¹ Статистические данные о численности осужденных к лишению свободы [Электронный ресурс]. URL : <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/>.

нические нормы, право на надлежащее питание, на должную заботу о здоровье и лечение. В международных стандартах также подчеркивается, что некоторые осужденные должны рассматриваться как уязвимые и могут иметь право на дополнительные льготы: специализированные медицинские услуги, бытовые условия, содержание в изоляции от других осужденных, услуги переводчика и наблюдение персонала. При этом главным условием успешного внедрения таких стандартов является контроль со стороны международных организаций, занимавшихся их разработкой. Развитие международного контроля за исполнением уголовных наказаний в виде лишения свободы на государственном уровне благоприятно влияет на сферу обеспечения прав, свобод и законных интересов осужденных.

Понимание необходимости приведения советского исправительно-трудового законодательства к международным нормам и стандартам обращения с осужденными (особенно ослабления степени его суровости) и признания в связи с этим юрисдикции международных правительственных организаций возникло еще в середине 1980-х гг., когда произошел коренной общественно-политический перелом, и проблема обеспечения прав человека стала рассматриваться через призму международного сотрудничества и интеграции нашей страны в мировое сообщество¹.

Так, постепенно подписав и ратифицировав Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, культурных и социальных правах 1966 г., Конвенцию по предупреждению пыток ООН 1984 г., Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (1987 г.), Резолюцию Комитета Совета Европы от 7 мая 1999 г., Резолюцию 60/251 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 марта 2006 г. в Российской Федерации действуют следующие формы международного контроля исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы, а именно: представление периодических докладов; возможность подачи сообщения (жалобы) осужденным(и) на нарушение прав указанных в международном нормативно-правовом акте; сообщения иностранных государств о нарушении прав осужденных на территории другого государства-участника пакта или конвенции; процедура расследования случаев нарушения прав.

Хотелось бы отметить, что во всех периодических докладах России в комитеты ООН прослеживается тенденция на увеличение значимости защиты прав осужденных и улучшение ситуации с бытовыми условиями в исправительных учреждениях. Еще пять лет назад на момент рассмотрения доклада еще не были представлены предыдущие доклады. Сейчас

¹ Зубков А. И. Основные направления развития пенитенциарного законодательства и практика его реализации в истории России и в современный период // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2007. №1. С. 4–10.

практика такова, что наша страна во избежание осуждения со стороны мирового сообщества старается представить доклад во время, а на следующую сессию Генеральной Ассамблеи ООН отправить солидную делегацию, состоящую из ведущих юристов-правоведов, видных ученых и представителей из неправительственных правозащитных организаций. Это говорит о том, что соблюдение прав осужденных является негласным индикатором состояния прав человека в стране в целом и развитости демократии в стране. Вместе с тем, стоит отметить, что такая форма контроля как сообщения иностранных государств о нарушении прав осужденных на территории другого государства-участника пакта или конвенции ни разу не использовалась. Дж. Хиггинс называет данную форму контроля «ящиком Пандоры, который государства предпочитают не открывать». Данный факт, на наш взгляд, является признаком политизированности межгосударственных отношений и, как следствие, в целом прав человека¹.

Следует отметить, что институт международного контроля не новое явление для уголовно-исполнительного законодательства: право осужденного обращаться с предложениями, заявлениями, ходатайствами и жалобами в международные органы и организации закреплено в ч. 4 ст. 15 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ)², тем не менее многие аспекты реализации требуют уточнения и доработки. Это обстоятельство актуализирует формирование отечественной модели правового регулирования, позволяющей реализовывать положения о контроле, вытекающие из международных правовых актов. В этой связи актуальным представляется присоединение России к Факультативному протоколу к Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, которым предусмотрено создание нового органа международного контроля в пенитенциарной сфере - Подкомитета по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания Комитета ООН против пыток. Этот документ был принят 18 декабря 2002 г. Резолюцией 57/199 на 77-м пленарном заседании 57-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Протокол открыт для подписания, ратификации и присоединения с 1 января 2003 г. С его подписанием и ратификацией Россия возьмет на себя обязательства не только разрешить посещение мест лишения свободы членами Подкомитета (ст. 4), но и создать подобный отечественный орган (ст. 3).

Кроме того, в свете текущей геополитической ситуации одним из направлений развития международного контроля прав осужденных являет-

¹ Гусейнов Тургай Имамгулу оглы. Осуществление международно-правовых норм в области гражданских и политических прав и свобод человека в Азербайджанской Республике : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000. С. 85.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации т 08 января 1997 г. № 1-ФЗ // Рос. газета. 1997.16 янв.

ся создание механизма контроля прав человека стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Данное положение подкрепляется схожим государственным устройством и устройством институтов исполнительной власти стран СНГ, которые призваны защищать права человека. На наш взгляд, Комиссия по правам человека СНГ сможет стать органом, контролирующим на должном уровне соблюдение прав и свобод человека в государствах СНГ, в том числе и осужденных. Страны, входящие в СНГ и объединенные общим прошлым на протяжении более 60 лет, имеют схожее государственное устройство и много шансов на создание собственной системы контроля прав человека.

В рамках международного организационно-правового механизма соблюдения прав и свобод человека, для начала Комиссии СНГ следует провести мониторинг всех мест лишения свободы на территории Содружества, для того чтобы определить текущее состояние прав человека. Исходя из информации, полученной в ходе посещений, оформить ежегодник, в котором будут отражаться значимые события и достижения в данной сфере. Затем, на основе существующих на территории союзных государств общественных организаций создать превентивный механизм защиты прав человека СНГ под руководством Комиссии, рассматривающий сообщения лиц, права которых нарушены. В качестве эксперимента возможно создание специальной коллегии по правам человека в составе уже существующего Экономического суда СНГ, с переименованием последнего в Суд СНГ.

Р. А. РОМАШОВ,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки России,
декан юридического факультета
(Санкт-Петербургский
гуманитарный университет профсоюзов)

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ УИС РОССИИ ДО 2020 г.: СУДЬБА ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ РЕФОРМЫ

1. Обусловленность и целесообразность реформы УИС

Взятый в 90-х гг. прошлого века курс на демократизацию политико-правовой жизни Российского государства и общества обусловил, в том числе, необходимость переосмысления места и роли уголовно-исполнительной системы в государственном механизме и ее последующего реформирования.

Реформа началась с организационно-штатных изменений, связанных с передачей УИС из МВД в Минюст и созданием в его структуре обособленного государственного органа исполнительной власти – ФСИН России. Проведенная реструктуризация была обусловлена стремлением создать в «новой демократической России», «новую демократическую и гуманную УИС». Те же самые тенденции, но пятью годами раньше, привели к принятию Конституции, провозгласившей Россию «демократическим правовым государством» (ст. 1).

Однако сам по себе факт передачи из одного государственного ведомства в другое не означал появления новых целевых и ценностных установок, определяющих функционирование системы исполнения наказаний, по сути и содержанию своему продолжающей оставаться советской.

Попытка определить конкретные этапы и сроки качественного реформирования системы и приведения ее к «европейским стандартам» была осуществлена в 2010 г. Прежде всего, кардинальным образом был решен вопрос «определения команды реформаторов», в результате чего к руководству системой были привлечены чиновники, не имевшие серьезного практического опыта работы в «тюремном ведомстве», но вместе с тем способные, по мнению представителей «высших эшелонов власти», по-новому взглянуть на сложившуюся ситуацию. Столь же кардинально была решена и проблема разработки и принятия поэтапного плана реформы, получившего свое законодательное выражение в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года.

В Концепции получили свое закрепление основные целевые установки, «задающие» функциональные приоритеты УИС постсоветской России.

В качестве основных целей реформирования были определены:

- повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития;

- сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам;

- гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов.

Авторы Концепции совершенно справедливо полагали, что сокращения пенитенциарного рецидива можно достичь не столько за счет ужесточения наказаний и увеличения их сроков, сколько путем последовательной гуманизации жизнедеятельности осужденных с их одновременной ресоциализацией.

В качестве ожидаемого результата реформы Концепция определяла повышение эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы, направленной на достижение целей наказания и минимизации негативных социальных последствий, связанных с изоляцией осужденных от общества.

Реализация концепции предполагала три этапа: 2010–2012; 2013–2016; 2016–2020 гг.

В рамках *первого этапа* должна была быть осуществлена основная подготовительная работа: утвержден и конкретизирован план перспективных мероприятий, разработан и приняты законодательные акты, регламентирующие деятельность уголовно-исполнительной системы в реформационный и пореформенный периоды.

На *втором этапе* планировалось осуществить основной объем организационных и структурных преобразований уголовно-исполнительной системы, касающихся репрофилирования исправительных учреждений «советского типа» в учреждения, отвечающие международным стандартам содержания осужденных. Одновременно с инженерно-техническими преобразованиями, связанными с «репрофилированием большей части исправительных учреждений в тюрьмы общего, усиленного и особого режима, созданием новых колоний-поселений», должны были происходить реформационные изменения в области социального сознания и поведения как осужденных, так и сотрудников. Ожидалось, что репрессивно-карательная идеология в деятельности уголовно-исполнительной системы будет постепенно вытесняться пенитенциарной – ориентированной на формирование у осужденных потребности и целеустремленности к покаянию, исправлению, ресоциализации.

Третий этап реформы планировалось посвятить завершению плановых и программных мероприятий по основным направлениям деятельно-

сти уголовно-исполнительной системы, предусмотренных Концепцией, а также планированию развития уголовно-исполнительной системы на последующие годы.

На наш взгляд, в своей первоначальной редакции Концепция имела видимые цели, достижение которых связывалось с решением конкретных задач в рамках выделенных направлений деятельности, предполагающей достижение определенных конечных результатов, которые могут быть подвержены формальной оценке и способны выступить в качестве эмпирической доказательной базы успеха либо неуспеха проводимой реформы.

2. Изменение Концепции как промежуточный результат реформы УИС постсоветской России

В 2016 г. должен быть завершен 2-й, основной этап реформирования УИС. Уже сейчас ясно, что в своей концептуальной модели реформа в поставленные сроки завершена быть не может. Системное перепрофилирование колоний в тюрьмы даже не начиналось. Традиционно переносятся сроки начала реализации предусмотренного гл. 10 УИК РФ наказания в виде ареста. С уверенностью можно говорить о том, что не будут выполнены не только в сроки, предусмотренные Концепцией, но и в обозримой перспективе такие запланированные мероприятия, как: «изменение видов исправительных учреждений для содержания осужденных в местах лишения свободы с фактическим прекращением их коллективного содержания»; «завершение к 2017 г. строительства и ввода в эксплуатацию 26 следственных изоляторов, условия содержания в которых будут соответствовать европейским стандартам, а также реконструкция объектов действующих следственных изоляторов».

Следует ли из сказанного, что реформу можно и следует считать неудавшейся, а Концепцию – ошибочной? Полагаем, что нет.

Конечно, имели место ошибки и погрешности как в ходе кадровых перестановок, когда многие опытные руководители снимались со своих должностей по надуманным причинам, а в ряде случаев и с грубыми нарушениями действующего законодательства, так и в процессе разработки самой Концепции, многие конкретные положения которой заведомо носили практически невыполнимый характер либо нуждались в более детальной интерпретации. Вместе с тем, необходимость реформирования УИС не вызывает сомнения ни у кого. Что же касается Концепции реформирования, то ее «основной недостаток» – это конкретность и срочность поставленных задач и запланированных результатов. Не произошло ничего особо необычного для российской реальности. Планирование, осуществляемое в надежде на «авось» (непрерывно увеличивающиеся цены на нефть и другие бюджетообразующие составляющие, систематически возрастающее бюджетное финансирование, усиление инициативы «на местах»), как правило, сталкивается с ситуацией, описанной в русской поговорке: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Поэтому, говоря о невы-

полнении сроков реализации Концепции по отдельным показателям, допущенных как по объективным, так и по субъективным причинам, не следует «посыпать голову пеплом» и призывать к пересмотру стратегии развития УИС как таковой. Безусловно, Концепция нуждается в корректировке, целью которой является адаптация реформы системы к существующим системным реалиям. Однако, на наш взгляд, при внесении изменений нельзя допустить другой крайности, а именно превратить конкретные положения, связанные с подлежащими оценке результатами, в абстракции непрерывно длящегося характера, которые, являясь перманентными величинами, в принципе не подлежат конечному измерению.

В любом случае, следует оставить без изменения срок завершения действия Концепции (но не окончания реформы) – 2020 г., чтобы подводя итоги проделанной работы и проведя конструктивную «работу над ошибками», наметить перспективные пути развития уголовно-исполнительной системы столь же вечной, сколь вечны государство и общество, эту систему породившие.

А. С. РУДЕНКО,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права;
О. А. ШУРАНОВА,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры уголовного права
(Академия ФСИН России);
И. Д. АБДУЛКЕРИМОВ,
оперуполномоченный оперативного управления
(УФСИН России по Ивановской области)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫМ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ ОБЩЕГО РЕЖИМА

Правовой статус осужденных к лишению свободы в зависимости от вида исправительного учреждения, определенного судом для отбывания осужденным лишения свободы является различным. Исправительные колонии общего режима, занимают ведущее место среди исправительных учреждений, как по их количеству, так и по числу лиц, в них содержащихся. В связи с этим следует более подробно рассмотреть вопросы, связанные с назначением осужденным к лишению свободы исправительной колонии общего режима.

Согласно положениям ст. 58 УК РФ и ст. 74, 78 и 140 УИК РФ, в исправительных колониях общего режима отбывают наказание:

- 1) мужчины, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшие лишения свободы (п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ);
- 2) женщины, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе при любом виде рецидива (п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ);
- 3) лица, осужденные за: преступления, совершенные по неосторожности, а также за умышленные преступления небольшой и средней тяжести (если ранее они не отбывали лишения свободы), которым суд с учетом обстоятельств совершения преступления и личности виновного мотивированно не назначил отбывание наказания в колониях-поселениях (п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ);
- 4) осужденные, переведенные судом за злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания из колонии-поселения (п. «а», «б» ч. 4 ст. 78 УИК РФ);
- 5) осужденные за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления в несовершеннолетнем возрасте, которые на момент постановления приговора достигли совершеннолетия (ч. 3 ст. 58 УК РФ);
- 6) осужденные к лишению свободы, достигшие возраста 18 лет, которые по решению суда по основаниям их отрицательного поведения были переведены из воспитательной колонии в исправительную колонию общего режима (ч. 1 ст. 140 УИК РФ);
- 7) осужденные, достигшие возраста 19 лет, которые были переведены для дальнейшего отбывания наказания из воспитательной колонии либо из изолированного участка

воспитательной колонии, функционирующего как исправительная колония общего режима, в исправительную колонию общего режима по постановлению начальника воспитательной колонии (ч. 3 ст. 140 УИК РФ). Анализ данных положений показывает, что законодатель за пределами правового регулирования оставляет некоторых потенциальных субъектов уголовно-правовых отношений, к которым могло бы быть назначено исправительное учреждение общего режима.

Во-первых, возникает вопрос о назначении вида режима отдельным категориям осужденных женщин. По действующему законодательству лишение свободы может быть назначено женщинам с отбыванием только в колониях-поселениях и в исправительных колониях общего режима. Колония-поселение назначается женщинам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, а также за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, но ранее не отбывавшим лишение свободы. Отбывание лишения свободы в исправительных колониях общего режима назначается женщинам, осужденным за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе при любом виде рецидива. А если, например, женщиной, ранее отбывавшей лишение свободы, при снятой или погашенной судимости совершается умышленное преступление небольшой или средней тяжести? Какой вид колонии должен определить ей суд?

Назначить лишение свободы с отбыванием в колонии-поселении невозможно, поскольку осужденная ранее отбывала лишение свободы. Невозможно и назначение лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима, так как совершено преступление небольшой или средней тяжести и отсутствует рецидив преступлений¹.

Во-вторых, ст. 58 УК РФ не содержит прямых ограничений относительно выбора вида учреждения для несовершеннолетних, достигших к моменту вынесения приговора восемнадцати лет. Поэтому можно было бы, например, сделать вывод о возможности назначения такому лицу исправительной колонии строгого режима.

Однако, по мнению А. В. Бриллиантова, это не так. Он считает, что в соответствии с ч. 3 ст. 58 УК РФ лица, не достигшие восемнадцати лет, помещаются в воспитательные колонии. Однако по достижении восемнадцати лет они могут быть переведены, а по достижении девятнадцати лет переводятся из воспитательной колонии в исправительную колонию общего режима (ст. 140 УИК РФ). Таким образом, несовершеннолетний, перейдя в категорию взрослых лиц, может быть переведен только в исправительную колонию общего режима. Более строгий режим исправительной колонии ему не может быть определен. В этой связи и возникает вопрос о том, может ли суд назначить лицу, совершившему преступление в несовершеннолетнем возрасте, более строгий вид испра-

¹ Бриллиантов А. В. Новые законодательные подходы к уголовному наказанию // Законность. 2004. № 3. С. 11.

вительного учреждения, чем тот, в который данное лицо могло бы быть переведено из воспитательной колонии¹. Подобная недостаточно четкая урегулированность законом данных положений должна быть устранена во избежание возможных ошибок в правоприменительной практике. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений»², в пп. 9, 10 обращено внимание, данным вопросам. Так, лицу, не достигшему к моменту вынесения приговора восемнадцатилетнего возраста, при осуждении в соответствии с ч. 6 ст. 88 УК РФ к лишению свободы суд назначает отбывание наказания в воспитательной колонии (ч. 3 ст. 58 УК РФ). Помимо этого высшая судебная инстанция рекомендует нижестоящим судам на основании ч. 7 ст. 88 УК РФ одновременно с постановлением приговора выносить определение (постановление), в котором указывать органу, исполняющему наказание, на необходимость учитывать при обращении с несовершеннолетним определенные особенности его личности. Такие как: уровень интеллектуального и физического развития; степень педагогической запущенности; склонность к употреблению спиртных напитков, наркотических средств; иные данные, характеризующие личность несовершеннолетнего.

Также если лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление в несовершеннолетнем возрасте, на момент вынесения приговора достигло возраста восемнадцати лет, суду следует назначить ему отбывание наказания в исправительной колонии общего режима. При осуждении такого лица к лишению свободы за преступление, совершенное по неосторожности, либо за умышленное преступление небольшой или средней тяжести вид исправительной колонии назначается ему в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ. В случае осуждения лица мужского пола за преступления, часть из которых совершена им до достижения возраста восемнадцати лет, а другая часть – после, суду необходимо учитывать, преступления какой категории были совершены в каждый из этих периодов. Например, если особо тяжкое преступление было совершено лицом до достижения возраста восемнадцати лет, а после достижения этого возраста совершено умышленное преступление средней тяжести, то лицу надлежит назначить исправительную колонию общего режима. Если же до достижения возраста восемнадцати лет лицом совершено умышленное преступление средней тяжести, а после достижения этого возраста совершено особо тяжкое преступление, то отбывание наказания назначается в исправительной колонии строгого режима.

В-третьих, по мнению А. И. Рарога вне поля закона остались мужчины, осужденные к лишению свободы за тяжкие преступления и ранее отбывавшие этот вид наказания, но при отсутствии рецидива преступлений (например, за преступления небольшой тяжести или за преступление, совершенное в возрас-

¹ Бриллиантов А. В. Вопросы назначения вида исправительного учреждения // Новый юридический журнал. 2012. № 2. С. 133.

² Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2014. № 7.

те до 18 лет)¹. В этой связи необходимо также изложить п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ в исправленной редакции, согласно данным замечаниям. В соответствии же с п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 9: «в случае осуждения к лишению свободы за умышленные преступления небольшой и (или) средней тяжести либо за тяжкое преступление лица мужского пола, ранее отбывавшего лишение свободы, при отсутствии рецидива преступлений (например, если лишение свободы отбывалось за преступление, совершенное по неосторожности или в несовершеннолетнем возрасте) отбывание наказания назначается в исправительной колонии общего режима».

Таким образом, необходимо отметить, что подход законодателя, к нормам, регламентирующим назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения, должен быть пересмотрен. Несмотря на то, что Верховный суд, в своих постановлениях дает нижестоящим судам рекомендации, связанных с назначением наказания в виде лишения свободы, необходимы законодательные коррективы. В частности предлагаем внести изменения в п.п. «а» и «б» ч. 1, ч. 3 ст. 58 УК РФ и изложить данную норму в следующей редакции:

1. Отбывание лишения свободы назначается:

а) лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшим лишение свободы, а также женщинам, осужденным к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести – в колониях-поселениях. С учетом обстоятельств совершения преступления и личности виновного суд может назначить указанным лицам отбывание наказания в исправительных колониях общего режима с указанием мотивов принятого решения;

б) мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы и (или) при отсутствии признаков рецидива, а также женщинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе при любом виде рецидива, – в исправительных колониях общего режима;

3. Лицам, осужденным к лишению свободы, не достигшим к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, отбывание наказания назначается в воспитательных колониях. Если лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление в несовершеннолетнем возрасте, на момент вынесения приговора достигло возраста восемнадцати лет, суд назначает ему отбывание наказания в исправительной колонии общего режима. При осуждении такого лица к лишению свободы за преступление, совершенное по неосторожности, либо за умышленное преступление небольшой или средней тяжести суд назначает ему отбывание наказания в колонии-поселения.

¹ Рагог А. И. Роль науки в развитии уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (27-28 января 2005 г.), 2005. С. 4.

Р. С. РЫЖОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника
по научной работе
(Академия ФСИН России)

О НЕКОТОРЫХ «КУРЬЕЗАХ» ЗАМЕНЫ ШТРАФА НА ДРУГОЕ НАКАЗАНИЕ

В соответствии с ч. 5 ст. 46 УК РФ устанавливается два варианта замены штрафа в случае злостного уклонения от его уплаты:

– штраф, назначенный в качестве основного наказания, за исключением случаев назначения штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, заменяется иным наказанием, за исключением лишения свободы;

– штраф, назначенный в качестве основного наказания в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, заменяется наказанием в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

На первый взгляд законодатель определил вполне четкие правила замены штрафа. Однако это только видимость, которая опровергается при более детальном изучении рассматриваемой проблемы и анализе соответствующей судебной практики.

Первое правило, по сути, позволяет заменить штраф любым основным наказанием, за исключением лишения свободы, указанным в ст. 44 УК РФ. Такая позиция подтверждается разъяснениями, содержащимися в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания»¹. Однако в данной норме определяется довольно широкий перечень таких наказаний. В ст. 44 их остается десять: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, принудительные работы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, а также пожизненное лишение свободы и смертная казнь.

Формально рассматриваемое правило не содержит запрет на замену штрафа пожизненным лишением свободы и смертной казнью. Последние являются самостоятельными основными видами наказаний. Невозможность такой замены вытекает из логического толкования уголовного закона: если штраф нельзя заменять лишением свободы, его нельзя заменять пожизненным лишением свободы и смертной казнью, так как они являются более строгими видами наказаний, чем лишение свободы.

¹ См.: О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4.

Открытым является вопрос и по оставшимся наказаниям. Правоприменитель в вышеуказанном постановлении разъясняет, что штраф может быть заменен иным наказанием с учетом ограничений, установленных для отдельных видов наказаний статьями Общей части УК РФ, и указывает только на ч. 4 ст. 49 УК РФ (обязательные работы) и ч. 5 ст. 50 УК РФ (исправительные работы)¹. В данных нормах содержатся прямые запреты на назначение обязательных работ и исправительных работ. Так, обязательные работы не назначаются лицам, признанным инвалидами первой группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, а также военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на воинских должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву. Этим же категориям не могут назначаться и исправительные работы. И хотя перечень исключений является закрытым, судебная практика толкует его расширительно. К примеру, постановлением мирового судьи наказание, назначенное П. по приговору мирового судьи за совершение преступления, предусмотренного ч.1 ст. 116 УК РФ, в виде штрафа в сумме 2500 рублей, заменено на 60 часов обязательных работ. Куйбышевский районный суд г. Омска отменил данное постановление, указав при этом, что из ст. 49 УК РФ следует, что осужденный не может привлекаться к отбыванию обязательных работ во время болезни либо возникновения какой-либо ситуации, препятствующей исполнению данного вида наказания. При вынесении постановления мировым судьей не было принято во внимание состояние здоровья П. (в связи с проведением осужденной операции по удалению катаракты глаза, ей предписаны ограничения физических нагрузок), которое не позволяет исполнить в отношении неё наказание в виде обязательных работ².

Похожие запреты уголовный закон закрепляет и применительно к другим видам наказаний. Ограничение свободы назначается в качестве основного наказания только за преступления небольшой тяжести и преступления средней тяжести (ч. 2 ст. 53 УК РФ), не назначается военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации (ч. 6 ст. 53 УК РФ). Принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые (ч. 1 ст. 53¹ УК РФ), не назначаются несовершеннолетним, лицам, признанным инвалидами первой или второй

¹ См.: О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4.

² См.: Постановление Куйбышевского районного суда г. Омска от 16 января 2012 г. по делу № 10-60/2011. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/r5sZMkbF8NY>.

группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, женщинам, достигшим пятидесятипятилетнего возраста, мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста, а также военнослужащим (ч. 7 ст. 53¹ УК РФ). Арест не назначается лицам, не достигшим к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, а также беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет (ч. 2 ст. 54 УК РФ).

Как мы видим перечень ограничений довольно широкий, но на практике он при замене штрафа на другое наказание не всегда учитывается. Так, приговором Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 30 января 2012 года Г. осуждена за тяжкое преступление по ч. 3 ст. 160, УК РФ к штрафу. Постановлением этого же суда штраф осужденной Г. в связи со злостным уклонением от его уплаты заменен наказанием в виде ограничения свободы сроком на два года. При этом суд отметил, что доводы адвоката в судебном заседании суда апелляционной инстанции о запрете назначения наказания в виде ограничения свободы, предусмотренном ст. 53 УК РФ, за тяжкие преступления, являются необоснованными, так как не основаны на вышеизложенных требованиях ч. 5 ст. 46 УК РФ¹.

С другой стороны, правоприменитель совершенно четко указывает на невозможность замены наказания в случае злостного уклонения от его отбывания наказанием, которое не может быть назначено данному осужденному. Это, в частности, вытекает из указанного выше Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания», а также п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», в котором говорится, что положения УК РФ о замене наказания в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы в случае злостного уклонения от их отбывания наказанием в виде лишения свободы неприменимы к тем категориям несовершеннолетних осужденных, которым в соответствии с ч. 6 ст. 88 УК РФ не может быть назначено наказание в виде лишения свободы². Получается двойственная ситуация, которая недопустима.

Имеются ограничения по назначению и других наказаний. К примеру, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью носит явно превентивный характер и назначается в зависимости от совершенного преступления, ограничение по военной

¹ См.: Апелляционное постановление Верховного суда Республики Алтай от 26 июня 2014 г. по делу № 22-385/2014. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/g5f8TKI59eHP/> (дата обращения 10.09.2015 г.).

² См.: О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

службе и содержание в дисциплинарной воинской части применяются только в отношении военнослужащих.

Думается, что для разрешения сложившихся коллизий законодатель должен четко определить, какие правила назначения наказания должны применяться при замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания на другое наказание в порядке исполнения приговора.

Второе правило предписывает заменять штраф, назначенный в качестве основного наказания в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, наказанием в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Такая конструкция была свойственна замене штрафа в целом до внесения изменений в ч. 5 ст. 46 УК РФ Федеральным законом от 03.12.2012 № 231-ФЗ.

Штраф в кратном размере предусмотрен в санкциях ст. 200¹, 204, 290, 291 и 291¹ УК РФ. И хотя законодатель отсылает правоприменителя к санкциям, выбор заменяющих наказаний не велик: в подавляющем большинстве санкций данных статей – лишение свободы. Такая строгость заменяющего наказания понятна, поскольку речь идет о коррупции, подкупе – довольно опасных деяниях. Вызывает сомнение лишь избирательность такой строгости при замене штрафа, ее надуманная полярность, поскольку есть масса иных не менее общественно опасных деяний, за которые, предусмотрен штраф в довольно крупных размерах, заменить который на лишение свободы закон не позволяет.

В большинстве санкций ст. 200¹, 204, 290, 291 и 291¹ УК РФ в качестве альтернативы предусмотрено лишение свободы с обязательным дополнительным наказанием в виде штрафа в кратном исчислении. Логика в случае замены штрафа на лишение свободы со штрафом в определенном смысле отсутствует: непонятно, каким образом будет уплачен штраф как дополнительное наказание, если осужденный уклонился от уплаты штрафа как основного наказания. Тем более, что законодатель установил в санкциях указанных статей довольно существенную величину штрафа как дополнительного наказания, которая во многих случаях равна нижней границе штрафа как основного наказания либо приближается к таковой.

Опять же невозможность использования судом правил, которыми он руководствовался при назначении наказания, в случае замены штрафа в кратном исчислении, на практике выливается в абсурдные ситуации. Приговором Московского городского суда от 4 сентября 2012 г. Д. осужден по ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 291¹ УК РФ к штрафу в размере пятнадцатикратной суммы взятки (двадцать один миллион рублей) с лишением права занимать должности в органах государственной власти и местного самоуправления, связанные с исполнением распорядительно-контрольных функций, на срок 2 года. В установленный срок штраф осужденным не был уплачен, а сведения о подаче им в суд заявления о предоставлении рассрочки или отсрочки исполнения отсутствовали. В этой

связи судебным приставом-исполнителем в Московский городской суд направлено представление о замене штрафа другим видом наказания, которое постановлением суда было удовлетворено, а неисполненное Д. наказание в виде штрафа заменено лишением свободы на срок 8 лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере семидесятикратной суммы взятки (девятьюстами восемью миллионами рублей). В апелляционном представлении прокурор указал, что суд в нарушение требований ст. 397 УПК РФ назначил Д. новое наказание в виде лишения свободы в качестве основного с дополнительным в виде штрафа, значительно превышающим по своему размеру ранее назначенный штраф. В апелляционной жалобе осужденный Д., выражая несогласие с постановлением суда о замене наказания, обращает внимание, что на его иждивении находятся дети, он сам страдает хроническим заболеванием, не мог исполнить приговор суда в связи со стечением тяжелых обстоятельств. Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда, изучив представленные материалы уголовного дела, постановление Московского городского суда о замене Д. наказания в виде штрафа, лишением свободы на срок восемь лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере семидесятикратной суммы взятки, оставила без изменения. При этом было отмечено, что замена неисполненного Д. штрафа лишением свободы произведена судом в соответствии с требованием ч. 5 ст. 46 УК РФ. Санкция ч. 4 ст. 291¹ УК РФ предусматривает обязательное назначение дополнительного наказания в виде штрафа, суд, рассматривавший представление судебного пристава, не обладал полномочиями, позволяющими применить к Д. положения ст. 64 УК РФ¹.

Следует отметить, что штраф как основное наказание Д. был назначен с учетом ч. 5 ст. 72 УК РФ², которая из логики закона не применяется при замене наказания в порядке исполнения приговора. В результате суд был вынужден определить заменяющее наказание в соответствии с санкцией ч. 4 ст. 291¹ УК РФ.

Непонятно закрепление и такого альтернативного наказания штраф в размере от десятикратной до пятидесятикратной суммы (ч. 5 ст. 291¹) как штраф в размере от двадцати пяти тысяч до пятисот миллионов рублей с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. Руководствуясь логикой ч. 5 ст. 46 суд может выбрать при замене кратного штрафа штраф в денежном исчислении. Однако зачем, также как и применительно к лишению свободы со штрафом, непонятно.

¹ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 21 августа 2014 г. по делу № 10-10468/14. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/PJqGZteOB4Yt/> (дата обращения 03.09.2015 г.).

² См.: Приговор Московского городского суда от 4 сентября 2012 г. Дело № 2-0088/2012. URL: <http://www.mos-gorsud.ru/inf/infp/ut1/?sf0=2-0088%2F2012> (дата обращения 10.09.2015 г.).

А. В. САГАРЯН,
старший инспектор по особым поручениям
отдела организации службы охраны
(УФСИН России по г. Москве)

ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ В РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Цивилизованные условия содержания осужденных в местах лишения свободы существенно сдерживают процесс их ресоциализации к жизни на свободе. Микросоциальные условия могут выступать катализатором поведения осужденного в период отбывания им наказания, способствовать его исправлению либо могут вызвать состояние агрессии, озлобленности, вести к деградации личности. Такое поведение осужденного способно вызвать противодействие работе персонала ИУ. В настоящее время мнение европейских ученых-пенитенциаристов сводится к тому, чтобы свести к минимуму отличия между жизнью на свободе и жизнью в ИУ (в качестве примера можно привести условия содержания Андерс Бёринг Брёйвика. Брейвик содержится в одиночной камере площадью 24 квадратных метра и состоящей из трех комнат: спальни, кабинета и спортзала. Он имеет возможность вести переписку. Также террорист может прогуливаться во внутреннем дворике тюрьмы под надзором охраны). Объясняется это тем, что только гуманизация содержания осужденных позволит предотвратить распад личности, сведет к минимуму рецидив преступлений.

В основу отечественной пенитенциарной системы микросоциальные условия содержания осужденных не были приняты во внимание. Российская пенитенциарная система основывается на таких институтах воздействия как режим, принудительный труд, воспитательная работа. Микросоциальные условия, к которым относятся материально-бытовое обеспечение, медицинское обслуживание осужденных по настоящее время относится к второстепенным задачам воздействия на осужденного¹.

Поверхностное отношение к материально-бытовым условиям содержания осужденного, медицинского обеспечения приводит к нехватке жилой площади для осужденных, вспышке туберкулеза, переполненность следственных изоляторов в отдельные периоды превышает 12% от лимита наполнения. Игнорирование международных стандартов приводит к кризису пенитенциарной системы, превращает пенитенциарную систему государства в курсы по подготовке профессиональных преступников.

¹ Пономарев П. Г. Международно-правовые стандарты обращения с заключенными и национальные варианты их реализации. Рязань, 1994. С. 17.

В соответствии с Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными, именно микросоциальные условия содержания заключенных носят основной характер, а режим, труд и воспитательная работа с заключенными носит надстроечный характер¹. Вот почему Минимальные стандартные правила обращения с заключенными начинаются не с изложения рекомендаций в сфере режима, труда, воспитательной работы, а с изложения правил по организации микросоциальных условий отбывания наказания в виде лишения свободы.

На основе Минимальных стандартных правил по обращению с заключенными были созданы **Европейские пенитенциарные правила** (European Prison Rules), последняя редакция которых относится к 2006 г. В связи с тем, что Европейские пенитенциарные правила приняты сравнительно недавно, они наиболее приближены к реалиям современных условий жизни европейского континента. Европейские правила содержат правовые основы обращения с осужденными, где конкретизируются условия отбывания лишения свободы, исключающие унижение человеческого достоинства, государство гарантирует сохранение здоровья осужденных, способствует их ресоциализации и защиту личных прав и свобод. После Минимальных стандартных правил по обращению с заключенными, это второй наиболее полный и конкретный документ, регламентирующий вопросы содержания различных категорий заключенных². Правило 10 устанавливает, что настоящий документ распространяет свою силу на лиц, взятых под стражу и осужденных.

Применение международных стандартов, регламентирующие основные права и свободы осужденных в Российской Федерации, возможны в двух вариациях:

- а) путем прямого действия международных норм;
- б) приведение национального законодательства в соответствии с международными стандартами.

В соответствии с международно-правовыми стандартами обращения с заключенными, обеспечение микросоциальных условий их содержания должно быть положено в основу деятельности национальных пенитенциарных систем. Рекомендации международных норм права прочно входят в практику деятельности учреждений и органов, исполняющих наказание. Например, осужденные имеют право на телефонные переговоры, выезд за пределы учреждения, перевод на облегченные условия содержания, проведение длительных свиданий вне колонии, сокращение сроков водворения в ШИЗО и ПКТ.

¹ Добрынина М. Л. Международно-правовые основы правового положения лиц, содержащихся в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 3. С. 21.

² Приняты Европейским комитетом по проблемам преступности на 34 пленарном заседании 26 апреля 1985 г.

А. А. СЕРЕДИН,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры
уголовно-исполнительного и уголовного права
(Воронежский институт ФСИН России)

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НОРМАМИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Анализ уголовного законодательства показывает неадекватный характер уголовно-правовой защиты сотрудников пенитенциарных учреждений. Считаем необходимым подчеркнуть следующее:

1. Применение положения ст. 317 УК РФ, когда потерпевшим выступает сотрудник УИС, является экзотическим, поскольку для этого на него должны быть особо возложены функции по охране общественного порядка или обеспечению общественной безопасности. Такая ситуация сегодня может быть связана лишь с введением режима чрезвычайного положения, когда на основании ст. 16 ФКЗ от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» для обеспечения режима ЧП используются силы и средства, в том числе, уголовно-исполнительной системы.

Посягательство на жизнь сотрудника УИС в уголовно-правовом смысле не является дезорганизацией деятельности пенитенциарных учреждений, поскольку не может рассматриваться как насилие, опасное для жизни в контексте ч. 3 ст. 321 УК РФ. В качестве такового признается вред, который по своему характеру непосредственно создает угрозу для жизни, а также вред здоровью, вызвавший развитие угрожающего жизни состояния. Посягательство на жизнь, внешне сходное с насилием, опасным для жизни, отличается от него наличием умысла на причинение смерти, и подлежат квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Если в ходе попытки дезорганизации причиняется тяжкий вред здоровью, что по неосторожности повлекло за собой смерть сотрудника УИС, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений – по ч. 3 ст. 321 и ч. 4 ст. 111 УК РФ. Такой вывод следует из содержания рекомендаций Верховного Суда РФ о том, что если санкция за совершение насильственного преступления со специальным составом является более мягкой в сравнении с санкцией за однородное преступное деяние с общим составом, то действия виновного надлежит квалифицировать по совокупности двух статей.

Однако подобное юридическое закрепление правовой ситуации идет вразрез с ч. 2 ст. 6 УК РФ, на основании которой никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же деяние. Кроме этого, данное обстоятельство прямо противоречит ч. 3 ст. 17 УК РФ, положения которой прямо запрещают квалификацию по совокупности, когда факти-

чески совокупность отсутствует. Здесь имеет место конкуренция норм, в связи с чем вопрос уголовно-правовой оценки деяния независимо от содержания санкций должен быть решен с учетом приоритета специальной нормы – ст. 321 УК РФ. Уголовно-правовая квалификация происходит на основании сравнения признаков общественно опасного деяния с его юридической моделью, отраженной в составе преступления; необходимость же сравнения санкций правовых норм законом не отражена.

Природа противоречивого характера разъяснений Верховного Суда РФ кроется в дисгармонии представлений о справедливости и действительным содержанием действующих уголовно-правовых предписаний, в стремлении сгладить недостатки работы законодателя. Задача правоприменителя в области квалификации состоит не в оценке эффективности действия закона и не в поиске путей его рационального изменения вопреки заложенной в него логике, а в строгом и неуклонном следовании закону. Поэтому, если санкция специальной нормы об ответственности за совершение более опасного, многообъектного преступления является менее строгой, чем санкция общей нормы – это не иллюстрация идеальной совокупности, а свидетельство нарушения законов формальной логики – общего правила в области юридической техники, выражение несовершенства логической конструкции специальной нормы и несогласованности ее содержания с общей нормой¹. Решение проблемы – не в плоскости правоприменения, а в изменении текста УК РФ.

2. Квалификация насилия либо угрозы применения насилия к сотруднику УИС по ст. 318 УК РФ поставлено, главным образом, в зависимость от того, является ли сотрудник УИС не просто должностным лицом, а представителем власти, а также от места его службы. Об осуществлении государственной власти можно вести речь лишь в структуре должностей государственной службы. Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», упоминая о службе сотрудника УИС, не говорит о ней как о государственной, хотя, по сути, она является таковой, поскольку профессиональная деятельность сотрудника осуществляется в государственном учреждении.

Проблему представляет разграничение статуса сотрудника УИС, осуществляющего, во-первых, организационно-распорядительные, а, во-вторых, властные полномочия в исправительном учреждении.

На основании примечания к ст. 318 УК РФ, сотрудник УИС как должностное лицо правоохранительного является представителем власти априори. Представляется, однако, что не любой сотрудник УИС, выступающий в качестве должностного лица, является представителем власти. Деятельность представителей власти строится на взаимоотношениях с лицами, не

¹ Панько К. К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России : монография. Воронеж, 2004. С. 101.

находящимися в его служебном подчинении. Представители власти обладают властными полномочиями по отношению к широкому, не определенному заранее кругу граждан¹.

Основная проблема состоит в определении того, полномочия какого рода осуществляет сотрудник пенитенциарного учреждения в отношении осужденного: властные или организационно-распорядительные. Отличительной особенностью властных полномочий должностного лица является предоставленное ему право принимать решения, имеющие юридическое значение, применять меры государственного принуждения в отношении индивидуально неопределенного круга лиц. Особенностью организационно-распорядительных функций должностного лица является то, что они на неопределенный круг лиц распространяться не могут. Прав Борков В.Н., который указывает, что организационно-распорядительные полномочия связаны с обеспечением нормальной деятельности трудового коллектива, а представители власти осуществляют или содействуют осуществлению функций государства непосредственно². Иными словами, отношения между должностным лицом как представителем власти и виновным не должны относиться к категории трудовых.

Считаем, что функции сотрудников исправительных учреждений, обеспечивающих его безопасность, следует рассматривать в качестве властных полномочий. К числу таких сотрудников следует отнести: оперуполномоченных оперативного отдела, сотрудников отдела безопасности (сотрудники дежурной части, инспектора всех категорий, личный состав групп надзора и охраны и др.), властные полномочия которых состоят в их праве требовать от осужденных исполнения ими обязанностей, вытекающих из уголовно-исполнительного законодательства и принудительно осуществлять в их отношении ряд установленных процедур: проводить регистрацию осужденных, их дактилоскопирование, обыски и досмотры осужденных, производственных и жилых помещений и т.д.

Таким образом, положения ст. ст. 318 и 321 УК РФ в случае применения их к сотрудникам пенитенциарных учреждений, находятся в состоянии конкуренции с приоритетом специальных норм об ответственности за дезорганизацию деятельности пенитенциарных учреждений. Иная ситуация складывается в случае применения насилия (угрозы) в отношении представителя власти – сотрудника, например, территориального органа или уголовно-исполнительной инспекции, которые не являются потерпевшими по ст. 321 УК РФ: применению подлежат нормы ст. 318 УК РФ.

3. Уголовный закон устанавливает правила, дифференцирующие ответственность за посягательства на интересы государства в зависимости

¹ Волженкин Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005. С. 76.

² Борков В.Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами : дис. ... д-ра.юрид. наук. Омск, 2015. С. 118.

от должностного положения потерпевшего. Так, степень ответственности за посягательство на права лица, участвующего в отправлении правосудия, отличается от строгости наказания за посягательства на прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, судебного пристава и других участников уголовного процесса. Аналогичным образом сотрудники УИС не приравниваются по своему уголовно-правовому статусу к сотрудникам иных правоохранительных органов.

Интересен факт неравенства уголовно-правового статуса сотрудников УИС и судебного пристава. Последний является специальным потерпевшим в составах преступлений, предусмотренных ст. 295, ч. ч. 2, 3, 4 ст. 296, ч. 2, 3 ст. 298.1 УК РФ, упоминание о сотруднике УИС как о специальном потерпевшем происходит лишь в ч. ч. 2, 3 ст. 321 УК РФ. Таким образом, пристав особо охраняется, в том числе, в случаях угрозы уничтожением или повреждением имущества и клеветы; за аналогичные деяния, совершенные в отношении сотрудника УИС, ответственность наступает на общих основаниях.

Исходя из того, что сотрудники пенитенциарной системы и судебные приставы входят в состав одного министерства, во многом действуют в одной сфере – осуществляют принудительное исполнение судебных актов, в различных формах обеспечивают деятельность судов, ответственность за факт посягательства на них, как представителей власти, должна быть тождественной.

Считаем, что выделение различий в уголовно-правовом статусе потерпевшего – представителя власти, в значительной мере подлежит унификации и не может происходить без наличия к тому веских оснований.

А. М. СМЕРНОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
(НИИ ФСИН России)

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ САМОСУДА В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Со времени делегирования себе права на насилие российское государство взяло на себя уголовно-правовую защиту прав и свобод своих граждан от преступных посягательств. Для обеспечения данной деятельности оно создало специальную систему правоохранительных органов во главе с судом.

Подобная позиция российского государства существовала на всем протяжении его развития, сохранившись и в наше время, что нашло свое отражение в национальном законодательстве. Так, Правосудие в России, согласно ч. 1 ст. 118 Конституции Российской Федерации¹ и ч. 1, 2 ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² осуществляется только судом, приговор которого является единственным доказательством виновности лица в совершенном преступлении. Решение о преступности совершенного деяния, его наказуемость и применение иных уголовно-правовых последствий суд принимает только на основании Уголовного кодекса Российской Федерации (ч. 1 ст. 3)³.

Вместе с тем анализ спектра всех возможных средств и методов противодействия противоправным посягательствам, особенно преступным, позволяет говорить о распространении в современном российском обществе такого явления как самосуд, под которым мы понимаем негативное социальное явление, представляющее собой самостоятельное противоправное реагирование граждан в форме возмездия за нарушение установленных в обществе правовых предписаний, нравственных запретов, а также обычаев и традиций⁴.

К сожалению, отсутствие законодательной регламентации ответственности за самосуд не дает нам полную и объективную картину о фактах его совершения, так как в данном случае отсутствуют основания для ведения

¹ Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Рос. Федерации «О поправках к Конституции Российской Федерации» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), Ст. 4921.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июля 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ Смирнов А. М. Самосуд: понятие и признаки // Библиотека криминалиста. 2013. № 3. С. 120.

официальной статистической отчетности, отражающей динамику его совершения, в силу чего самосуд в настоящее время является латентным криминальным деликтом. Вместе с тем, по сведениям, озвученным по одному из федеральных телевизионных каналов большая часть (75 %) современных российских граждан готовы совершить самосуд над обидчиком¹.

Степень общественной опасности самосуда заключается не только в том, что характер расправы над обидчиками при его совершении зачастую значительно превышает причиненные ими неудобства, вред или ущерб и выражается чаще всего в унижении чести и достоинства личности, причинении вреда здоровью различной степени тяжести или даже смерти обидчика², но и в том, что он несет в себе потенциальную угрозу для развития России как цивилизованного правового государства, в силу того, что является неправовым средством реагирования на причинителей вреда, реанимирует в обществе первобытные механизмы разрешения конфликтных ситуаций, подрывает авторитет официального правосудия, посягая на государственную монополию в сфере уголовного преследования и наказания, а так же способствует росту преступности в стране, главным образом насильственной³.

Отсутствующая нормативная регламентация ответственности за самосудные расправы не дает правоохранительным органам правовых оснований для противодействия им. Поэтому мы считаем, что назрела необходимость установления ответственности за самосуд, которая, как нам представляется, должна иметь характер уголовно-правовой.

Обосновывая данную необходимость отметим, что большинство исследователей самостоятельных способов разрешения социальных конфликтов отождествляют самосудные расправы в сфере уголовно-правовых отношений с криминальным самоуправством (ст. 330 УК РФ), делая тем самым вывод, что рассматриваемое нами явление уже криминализовано российским уголовным законом. Мы же считаем, что это не правильно, поскольку эти деяния отличаются по объекту посягательства, целям и обстоятельствам совершения.

Если самоуправство является преступлением против порядка управления и выражается в самовольном, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред, то самосуд представляет собой присвоение полномочий суда, посягая тем самым на правоотношения, связанные с нормальным, законным отправлением правосудия, и нацелен на самостоятельное причинение различного вреда обидчи-

¹ Смирнов А. М. Самосуд в России как социально-правовой феномен: криминологический анализ и меры профилактики // Криминологический журнал БГУЭП. 2012. № 1. С. 39.

² Смирнов А. М. Уголовно-правовая характеристика самосудных расправ на территории России // Библиотека криминалиста. 2013. № 4. С. 69–72.

³ Гриб В. В., Смирнов А. М. Самосуд как социально-криминологическая проблема современной России // Российский следователь. 2013. № 14. С. 35.

ку (посягательство на его жизнь, здоровье, половую свободу и неприкосновенность, иногда честь и достоинство) в качестве наказания. Безусловно, при самоуправстве иногда допускается посягательства на жизнь и здоровье обидчика или угроза их применения, но они выступают в качестве средства выполнения им каких-либо обязательств или требований.

Справедливости ради отметим, что в 2007 г. российским законодателем была предпринята попытка ужесточить уголовную ответственность за убийство по мотивам кровной мести, что получило свое отражение в п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Однако подобное законодательное реагирование, по нашему мнению, явно недостаточно и весьма неудачно. Во-первых, непонятно, в связи с чем законодатель уделил внимание криминализации только одной разновидности самосуда – кровной мести, а, во-вторых, почему в таком случае он сделал ее квалифицирующим признаком только убийства, поскольку известно, что подобное возмездие может быть реализовано различными способами, не только лишением жизни, но и, например, причинением вреда здоровью, разграблением имущества, изнасилованием и т. п.

На основании вышеизложенного, считаем целесообразным адресовать законодателю мысль о необходимости рассмотрения вопроса об установлении юридической ответственности за присвоения полномочий лица, осуществляющего правосудие (самосуда), как деяния, направленного против интересов правосудия, обладающего достаточной степенью общественной опасности для своей криминализации, что даст возможность отслеживать его динамику и разрабатывать адекватные превентивные меры.

В рамках этого мы предлагаем:

– включить в Главу 31 УК РФ «Преступления против правосудия» ст. 316.1 «Присвоение полномочий лица, осуществляющего правосудие», указав в ней, что «самостоятельное присвоение лицом полномочий по осуществлению правосудия и совершение им в связи с этим действий, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, – наказывается ...»

– исключить из ч. 2 ст. 105 «Убийство» УК РФ п. «е.1».

– п. «е. 1)» ч. 1 ст. 63 «Обстоятельства, отягчающие наказание» УК РФ разделить на две части:

е.1) совершение преступления из мести;

е. 2) совершение преступления с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение,

исключив тем самым указание на отягчение наказания только лишь за совершение преступления по мотивам мести за правомерные действия других лиц, расширив тем самым применение данной нормы, распространив ее на любую месть, как усугубляющее вину обстоятельство, и разделив два совершенно разных по своему характеру и степени общественной опасности мотивов совершения преступного деяния месть и желание скрыть другое преступление или облегчить его совершение, что представляется весьма разумным.

И. А. ТАРАКАНОВ,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
(Владимирский юридический
институт ФСИН России)

ПРЕДЕЛЫ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ: ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЧРЕЗМЕРНОГО И ДОСТАТОЧНОГО

Одним из условий правомерности необходимой обороны, относящихся к действиям по защите от посягательства, является требование о том, чтобы оборонительные действия не превышали определенные пределы.

Согласно ч. 2 ст. 37 УК РФ под превышением пределов необходимой обороны понимается совершение «умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства». По этому поводу в юридической литературе отмечалось, что «явность несоответствия защиты характеру и опасности посягательства проявляется, прежде всего, в причинении посягающему чрезмерного вреда, очевидно излишнего с точки зрения пресечения посягательства»¹.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»² была предпринята попытка конкретизировать критерии, на основании которых может быть принято решение о соответствии оборонительных действий пределам правомерности. Так, согласно п. 13 указанного Постановления, к таким критериям относятся объект посягательства, избранный посягавшим лицом способ достижения результата, тяжесть последствий, которые могли наступить в случае доведения посягательства до конца, наличие необходимости причинения смерти посягавшему лицу или тяжкого вреда его здоровью для предотвращения или пресечения посягательства, место и время посягательства, предшествовавшие посягательству события, неожиданность посягательства, число лиц, посягавших и оборонявшихся, наличие оружия или иных предметов, использованных в качестве оружия, возможность оборонявшегося лица отразить посягательство (его возраст и пол, физическое и психическое состояние и т.п.), а также иные обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и оборонявшегося лиц.

Немаловажное положение, существенно расширяющее пределы необходимой обороны, закреплено и в п. 14 рассматриваемого Постановления: «Действия оборонявшегося лица нельзя рассматривать как совершенные с

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части : учебник / под ред. В. К. Дуюнова. 3-е изд. М., 2012. С. 159-160.

² Российская газета. 2012. 3 окт.

превышением пределов необходимой обороны, если причиненный вред хотя и оказался большим, чем вред предотвращенный, но при причинении вреда не было допущено явного несоответствия мер защиты характеру и опасности посягательства».

Несмотря на это, в судебной практике нередки случаи, когда правомерные действия, совершенные в состоянии необходимой обороны, признаются преступными в связи с неправильной оценкой пределов причинения вреда.

Так, приговором Бокситогорского городского суда Ленинградской области от 22 августа 2012 г. С. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского областного суда от 29 ноября 2012 г. приговор оставлен без изменения. Постановлением президиума Ленинградского областного суда от 23 апреля 2013 г. приговор и кассационное определение изменены: действия С. переквалифицированы на ч. 1 ст. 114 УК РФ.

С учетом внесенных в приговор изменений С. признан виновным и осужден за то, что 2 июля 2011 г. в ходе конфликта умышленно причинил тяжкий вред здоровью П., превысив при этом пределы необходимой обороны. От полученных телесных повреждений, опасных для жизни, потерпевший П. скончался в больнице.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор отменила, указав при этом следующее.

В постановлении президиума Ленинградского областного суда подробно приведены показания осужденного С. и свидетеля О., из которых следует, что конфликт был спровоцирован потерпевшим П., вместе с которым находились М. и С. Чтобы избежать развития конфликта, С. и О. ушли, но их стали преследовать П., М. и С. с палками в руках. О. успел позвонить жене, попросил ее вызвать полицию в связи с тем, что их преследуют и могут убить. П., М. и С. догнали С. и О. и стали наносить им удары палками. В ответ на эти действия, желая отразить удары, С. подобрал палку, которую выронил один из друзей потерпевшего, и стал защищаться ею, нанося удары П.

Таким образом, президиум Ленинградского областного суда фактически признал, что общественно опасное посягательство со стороны П. было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося С., при котором закон (ч. 1 ст. 37 УК РФ) предоставляет обороняющемуся право на причинение посягающему лицу любого вреда. Однако вопреки этому выводу президиум принял решение о наличии в действиях С. признаков превышения пределов необходимой обороны, указав, что избранный С. способ отражения нападения явно не вызывался характером и опасностью посягательства.

С учетом изложенного Судебная коллегия приговор и последующие судебные решения в отношении С. отменила, а уголовное дело прекратила

за отсутствием в деянии состава преступления на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ¹.

В юридической литературе превышение пределов необходимой обороны нередко называют чрезмерной обороной или чрезмерной защитой. Так, И. С. Тишкевич указывал, что «чрезмерная оборона имеется налицо тогда, когда обороняющийся применяет такие средства и методы защиты, которые явно не вызываются характером нападения и защиты... и без необходимости причиняет нападающему тяжкий вред»². Сходное определение предлагал К.И. Попов: «Чрезмерная защита – это такая защита, при которой ее средства и интенсивность не соответствуют средствам, интенсивности, опасности и всему характеру посягательства»³.

При этом следует вспомнить о том, что оборона может быть не только чрезмерной, но и недостаточной. Проблема заключается в том, что далеко не любые оборонительные действия способны отразить и пресечь общественно опасное посягательство. При недостаточной интенсивности указанных действий посягательство не будет пресечено, а стало быть, посягающий реализует свой преступный умысел. В связи с этим необходимо согласиться с мнением М.А. Фомина о том, что «ошибочно было бы считать, что интенсивность защиты должна равняться интенсивности нападения или быть меньше последней... Было бы в корне неправильно считать, что несоответствие интенсивности защиты интенсивности нападения уже само по себе служит достаточным основанием для признания обороны чрезмерной»⁴.

Представляется, что суд, определяя допустимые пределы необходимой обороны, должен ответить на вопрос – какие оборонительные действия в данной ситуации смогли бы гарантированно, с вероятностью, близкой к стопроцентной, обеспечить отражение и пресечение посягательства? И лишь после этого должно производиться сравнение характера фактических оборонительных действий с характером тех, которые суд признает достаточными для правомерной защиты.

Следует вновь согласиться с мнением М.А. Фомина: «Предъявление обороняющемуся различного рода не вытекающих из закона требований, сводящихся в конечном итоге к тому, что он должен причинить обязательно минимальный вред нападающему, противоречит целям института необходимой обороны. Оно настолько ограничило бы право на оборону, что

¹ Определение Верховного Суда РФ от 25 ноября 2013 г. № 33-Д13-6 // СПС «КонсультантПлюс».

² Тишкевич И. С. Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969. С. 93.

³ Попов К. И. Ответственность за превышение пределов необходимой обороны и некоторые институты Общей части уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 29.

⁴ Фомин М. А. Проблемы совершенствования института необходимой обороны в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 111.

граждане часто не использовали бы это право из-за опасения попасть на скамью подсудимых за превышение пределов необходимой обороны... Поэтому вред, причиненный при необходимой обороне, не должен быть минимально возможным, достаточно, чтобы по своему характеру, интенсивности и т. п. защита не превышала максимально допустимого предела»¹.

В связи вышеизложенным предлагается последний абзац п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» изложить в следующей редакции: «Признав в действиях подсудимого признаки превышения пределов необходимой обороны, суд не может ограничиться общей формулировкой и должен обосновать в приговоре свой вывод со ссылкой на конкретные установленные по делу обстоятельства, свидетельствующие о явном несоответствии защиты характеру и опасности посягательства. При этом суд должен указать, какие оборонительные действия смогли бы отразить и пресечь общественно опасное посягательство, обеспечив гарантированную защиту оборонявшемуся или другим лицам».

Указанное предложение обеспечит более пристальное внимание суда к вопросу о пределах правомерности оборонительных действий, а, следовательно, позволит избежать необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, правомерно оборонявшихся от общественно опасного посягательства.

¹ Фомин М. А. Указ. соч. С. 111–112.

П. В. ТЕПЛЯШИН,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник организационно-научного
и редакционно-издательского отдела
(Сибирский юридический институт
ФСИН России, г. Красноярск)

СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ВОПРОСЫ КОНЦЕПЦИИ, ЭФФЕКТИВНОСТИ И ГУМАНИЗМА

Формирование концептуальных основ эффективного развития уголовно-исполнительного законодательства является сложным процессом, закономерно предполагающим проектирование положений, отражающих пенитенциарную политику Российской Федерации на современном этапе.

Как представляется, уголовно-исполнительная политика отражает совокупность представлений о направлениях и средствах воздействия на состояние деятельности уголовно-исполнительной системы и реализации норм пенитенциарного законодательства в целях повышения их эффективности. Опираясь на Раздел II Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации № 1772-р от 14 октября 2010 года¹, можно резюмировать, что критериям и такой эффективности (применительно к пенитенциарной системе России) могут выступать: 1) повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития; 2) сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам; 3) гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов. При этом, уголовно-исполнительная политика должна рассматриваться в двух аспектах – как стратегия государства в сфере исполнения уголовных наказаний и как система установок, мер и методов, с помощью которых реализуются соответствующие программные задачи, предусмотренные, например, Концепцией федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации № 839-р от 7 июня 2006 года². Также важно отметить, что уголовно-исполнительная политика должна

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.

² Там же. 2006. № 25. Ст. 2748.

учитывать положительный опыт общемировой пенитенциарной практики и доктрины, позитивные достижения отечественной системы исполнения уголовных наказаний, потребности общественного развития, «обязана сохранять свои национальные черты, базирующиеся на собственном многовековом опыте и науке, общественном сознании, представлениях и культуре своего народа»¹.

С учетом двуаспектности уголовно-исполнительной политики возможно сформулировать её следующее базовое определение – обусловленная общим политическим курсом тактика и стратегия деятельности государства в сфере исполнения уголовных наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера, выражающая его позицию по ключевым положениям правового регулирования уголовно-исполнительных отношений, гармонично сочетающаяся с цивилизационным пенитенциарным опытом и потребностями общественного развития, направленная на повышение эффективности деятельности всей уголовно-исполнительной системы.

Научное обоснование правовых нововведений в уголовно-исполнительной политике необходимо выстраивать на основе концептуализации правовых решений. Не случайно специалисты, занимающиеся исследованием уголовно-исполнительной политики, отмечают, что одной из её задач должно выступать «формирование научной концепции, определяющей оптимальную систему реформирования уголовно-исполнительного законодательства и основные направления совершенствования практики его применения»². Именно концептуальный подход, при котором учитываются основные закономерности функционирования европейских пенитенциарных систем, позволяет явственно выразить квинт-эссенцию уголовно-исполнительной политики, отсесть от неё простой набор правотворческих и правоприменительных действий, не охватываемых единой концептуальной логикой и, соответственно, слабо предвосхищающих искомый эффект их практической реализации. Как справедливо отмечает, Л. В. Головкич «замена одной модели другой не должна быть формальной, она должна сопровождаться трансформацией самой философии лишения свободы»³.

Иными словами эффективность уголовно-исполнительной политики зависит от достижения необходимого уровня концептуализации прини-

¹ Смирнов Л. Б. Актуальные проблемы уголовной и уголовно-исполнительной политики России в условиях криминализации общества и международной глобализации // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели : материалы VII Российского конгресса уголовного права (Москва, 31 мая–1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 529.

² Демидова О. В. Определение целей и принципов уголовно-исполнительной политики с учетом международных стандартов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2010. № 5. С. 27.

³ Головкич Л. В. Пенитенциарная политика, гуманизм и экономика // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 5. С. 29–30.

маемых правовых решений, её стратегического обоснования, поскольку иначе субъекты отношений в сфере исполнения уголовных наказаний будут иметь дело с набором законотворческих и правоприменительных мероприятий, не объединенных в единую систему и не имеющих четкого социального ориентира. При достижении необходимого уровня концептуализации уголовно-исполнительной политики важно формирование четкой стратегии развития сферы исполнения уголовных наказаний с учетом многообразия цивилизационного и, в частности, европейского пенитенциарного опыта, что возможно осуществить понимая закономерности существования европейских пенитенциарных систем и тем самым увязать в единую логическую систему указанную сферу с разнообразными социально-правовыми явлениями. Так, по меткому замечанию Л.В. Головки, в соответствии с западной философией тюремного заключения лишение свободы представляет собой само по себе достаточное наказание, которое не должно автоматически сопровождаться никакими дополнительными ограничениями. Тогда как по смыслу действующего УИК РФ, российская тюрьма исходит отнюдь не из предоставления права на уединение, а из лишения права на общение и передвижение как высшей формы наказания за провинность¹. В частности, в ст. 57 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 года закреплено: «Заключение и другие меры, изолирующие правонарушителя от окружающего мира, причиняют ему страдания уже в силу того, что они отнимают у него право на самоопределение, поскольку они лишают его свободы. Поэтому, за исключением случаев, когда сегрегация представляется оправданной или когда этого требуют соображения дисциплины, тюремная система не должна усугублять страдания, вытекающие из этого положения»².

Также концептуальным вопросом выступает идея гуманизации и общественного одобрения уголовно-исполнительной политики. Результаты изучения общественного мнения показывают, что научная общественность и население достаточно настороженно относятся к гуманизации и смягчению условий отбывания наказания. Не случайно М. П. Клейменов, исследуя роль криминальной среды в местах лишения свободы, высказывает критическое отношение к тенденции «всеобщей и постоянной» гуманизации в местах лишения свободы³.

Рассуждая о гуманизации можно затронуть перспективу создания в России частных тюрем, которые достаточно широко используются в некоторых европейских странах (в частности, в Венгрии, Англии). Вместе тем в американских частных тюрьмах, которые выступает «флагманом» в этом

¹ См.: Головки Л. В. Пенитенциарная политика, гуманизм и экономика... С. 30–31.

² Международная защита прав и свобод человека : сб. документов. М., 1990. С. 290–311.

³ См.: Клейменов М. П. Криминологическая обстановка в местах лишения свободы // Постпенитенциарный контроль и проблемы предупреждения рецидивной преступности : материалы межвуз. научн.-практ. конф. / отв. за вып. А. А. Урусов. Омск, 2008. С. 11–12.

направлении, широко используется дешевый труд заключенных. Так, из специальных источников мы видим, что тюремный труд используют такие гиганты как IBM, IT&T, Microsoft и другие. По сути речь идёт именно о бизнесе. Заключённые живут и работают в таких тюрьмах, их труд из-за низкой рентабельности составляет хорошую конкуренцию свободному труду.

Также отмечаются возможности гуманизации условий отбывания в частных тюрьмах (по крайней мере в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести), что достаточно призрачно, поскольку частные программы обращения с осужденными будут иметь определенные расхождения с уголовно-исполнительным законодательством и некоторыми подзаконными правовыми актами, особенно в части соблюдения прав осужденных. Более того, придется усилить общественный и государственный контроль за данными учреждениями, что потребует дополнительных ресурсов. Как представляется, российское уголовно-исполнительное законодательство является значительно формализованным, институты частного партнерства в котором слабо развиты, поэтому, регламентируя правовой статус осужденных – объем их субъективных прав, юридических обязанностей и законных интересов, оно имеет слабые механизмы правового регулирования исправительного воздействия с участием институтов гражданского общества. В этих условиях создание института частных тюрем либо учреждений с определенным организационно-частным сектором приведет к возрастанию нарушений прав человека. Следовательно, идея частных тюрем в настоящее время неприемлема для отечественной правовой системы, поскольку для её реализации необходим длительный период не просто реформирования судебной и уголовно-исполнительной систем, но модернизации уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и гражданского законодательства в направлении расширения диспозитивных и частно-правовых начал правового регулирования общественных отношений.

Ж. А. УМИРЗАКОВА,
слушатель научно-педагогической магистратуры
(Алматинская академия
МВД Республики Казахстан)

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Современная ситуация в Республике Казахстан характеризуется дальнейшими преобразованиями в экономической, политической, социальной и других сферах жизни общества. В этих условиях одними из основополагающих общегосударственных задач является защита жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, собственности, укрепления правопорядка, обеспечение безопасности общества и государства. Особую важность в этом отношении приобретает деятельность органов уголовного преследования в рамках действия новой редакции Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4 июля 2014 года, направленного на модернизацию системы уголовного судопроизводства и приведение ее в соответствие с международными стандартами.

Усиление данной системы неразрывно связано и с совершенствованием понятийного аппарата уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан. Следует отметить, что отсутствие формулировок, а также их нечеткость приводят к смешению понятий, что, в свою очередь, неминуемо ведет к снижению эффективности правового регулирования, возникновению коллизий. Выработка унифицированных дефиниций в праве является одной из важнейших задач законодательной и в целом нормотворческой практики¹.

Понятия, содержащиеся в законодательных актах, обладают юридической силой и императивным значением. Официальные дефиниции исключительно важны для правоприменительной практики. Они способствуют правильному уяснению гражданами смысла и назначения законодательных предписаний и формируют их правосознание. Поэтому не случайно в новой редакции Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Казахстан от 4 июля 2014 года в отличие от редакции от 13 декабря 1997 года содержится уже 58 определений, что на 15 определений больше. Данные дефиниции касаются широкого круга вопросов уголовно-процессуальной деятельности, что, несомненно, является важным условием эффективного применения УПК Республики Казахстан, в том числе и в рамках осуществления уголовного преследования.

¹ Бачило И. Л. Информационное право. Роль и место в системе права Российской Федерации // Государство и право. 2001. С. 5–9.

Уголовное преследование является одним из наиболее важных средств прокурора (государственного обвинителя), следователя, органа дознания, дознавателя в противодействии преступности. Оно является основной движущей силой уголовного процесса, которая организует весь процесс по конкретному уголовному делу и определяет содержание и направление производства по нему. От качества уголовного преследования во многом зависит достижение задач уголовного процесса по каждому конкретному уголовному делу.

Терминологические составляющие понятия «уголовное преследование» в русском языке определяются, например, следующим образом, само слово «уголовный» означает «относящийся к преступности, к преступлениям и их наказуемости»¹. Термин же «преследование» («преследовать») рассматривается в нескольких значениях: 1) следовать, гнаться за кем-либо с целью поимки, уничтожения; 2) (перен.) неотступно следовать за кем-нибудь; 3) (перен.) не оставлять в покое, мучить; 4) (перен.) подвергать чему-нибудь неприятному, донимать чем-нибудь; 5) угнетать, притеснять, подвергать гонениям; 6) стремиться к чему-нибудь². При этом заметим, что прилагательное «уголовный» является производным от старинного слова «уголовье», то есть преступного, «за что лишают головы»³.

Таким образом, следует сделать вывод, что термин «уголовное преследование» в русском языке может подразумевать неотступное следование за лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние с целью его поимки⁴.

В соответствии с п. 22) ст. 7 УПК Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. уголовное преследование (обвинение) – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, виновности последнего в совершении уголовного правонарушения, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или иных мер уголовно-правового воздействия. Следует отметить, что данное понятие основано на определении уголовного преследования (обвинения), изложенного в пп. 13) ст. 7 УПК Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года.

В соответствии с данным определением и положениями об уголовном преследовании законодателем уголовное преследование рассматривается как функция, противоположная функции защиты, а также как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях установления уголовного правонарушения, лица его совершившего, винов-

¹ Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999. С. 824.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 15-е изд. М., 1984. С. 518.

³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Ч. 4. С. 467.

⁴ Досанов Р. К. Уголовное преследование (по законодательству Республики Казахстан и Российской Федерации) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 17.

ность, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания. Все это приводит к неоднозначному восприятию правоприменителем данного понятия и с теоретических, и с практических позиций.

Следует согласиться с мнением Р. В. Мазюка, что придание понятию «уголовное преследование» значения уголовно-процессуальной функции представляется не совсем удачным и с позиций юридической техники, а именно: использование терминов «обвинение» и «уголовное преследование» как названий одной и той же уголовно-процессуальной функции нарушает требование обозначения одного явления только одним термином.¹

Рассматривая законодательное определение понятия уголовного преследования следует выделить характерные его черты, структурные элементы (признаки), выражающие сущность данной процессуальной деятельности и отражающие его содержание.

В целях уяснения сущности и содержания уголовного преследования необходимо рассмотреть составные элементы его понятия:

- что собой представляет уголовное преследование (сущность);
- на что направлено уголовное преследование (объект);
- кто осуществляет уголовное преследование (субъект);
- для чего осуществляется уголовное преследование (цель);

Во-первых, уголовное преследование – это особый вид государственной деятельности поскольку носит государственно-властный, публичный характер, так как обеспечивается принудительной силой государства (осуществляется в предусмотренных уголовно-процессуальным законом формах).

Во-вторых, содержанием уголовного преследования является деятельность участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, направленная на принятие мер по установлению уголовного правонарушения лица, виновного в его совершившего, обеспечению применения к такому лицу наказания или иных мер уголовно-правового воздействия, а также в вынесении соответствующих актов уголовного судопроизводства, адресованных конкретным участникам уголовного процесса и содержащих формулировку обвинения.

В-третьих, уголовное преследование осуществляется в порядке, строго регламентированном законом. В УПК Республики Казахстан содержится целый комплекс норм, которые регламентируют процедуру уголовного преследования. Общие положения об осуществлении уголовного преследования отражены в главе 3 УПК Республики Казахстан. Различные аспекты данной деятельности регламентированы иными статьями Кодекса, что свидетельствует о наличии системы норм, объединенных в институт уголовного преследования.

¹ Мазюк Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве : монография. М., 2009. С. 70.

В-четвертых, уголовное преследование осуществляется стороной обвинения к которой относятся органы уголовного преследования (прокурор (государственный обвинитель), следователь, орган дознания, дознаватель), а также потерпевший (частный обвинитель), гражданский истец, их законные представители и представители.

В-пятых, объект процессуальной деятельности – лицо, обладающее процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого.

В-шестых, целями уголовного преследования являются установление деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, виновности последнего в совершении уголовного правонарушения, а также обеспечение применения к такому лицу наказания или иных мер уголовно-правового воздействия.

Таким образом, на основании изложенного следует отметить, что уголовное преследование представляет собой не только процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, виновности последнего в совершении уголовного правонарушения, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или иных мер уголовно-правового воздействия, но и как правовой институт, регулирующий эту деятельность. Как институт оно складывается из совокупности уголовно-процессуальных норм, имеющих отношение к уголовному преследованию.

В. Е. ФЕДОРОВ,
начальник юридической службы
(Академия ФСИН России)

СОТРУДНИКИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАК СУБЪЕКТЫ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Государство в рамках Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г.¹ ставит перед Федеральной службой исполнения наказаний (далее – ФСИН России) задачи по совершенствованию деятельности службы в целом, предупреждению преступлений, совершаемых в процессе реализации уголовных наказаний, и проведению антикоррупционной политики.

В структуре пенитенциарной преступности значительное место занимают преступления сотрудников исправительных учреждений. В последние годы складывается тенденция к увеличению количества зарегистрированных преступлений, совершенных сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы. Так, в 2011 г. было совершено 336 преступлений², в 2012 – 475³, в 2013 – 456⁴. В 2014 году наблюдается снижение общего количества зарегистрированных преступлений, совершенных указанными субъектами, до 357 преступлений⁵.

Однако с учетом общепризнанного фактора высокой латентности пенитенциарной преступности, считаем возможным полагать, что реальное количество преступлений, совершаемых сотрудниками исправительных учреждений, будет большим, чем отражается в официальных статистических данных.

В связи с этим сотрудник исправительных учреждений как один из непосредственных субъектов реализации целей и задач по реформированию системы исполнения наказаний в России, обеспечению законности и безопасности процесса исполнения наказаний, реализации прав и законных интересов осужденных, должен рассматриваться в качестве одного из ключевых субъектов и элементов преступности в местах лишения свободы⁶.

¹ О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.

² См.: Отчет о состоянии законности и преступлениях среди сотрудников уголовно-исполнительной системы, за 4 квартал 2011 г. (форма 3-ПР. Раздел 2).

³ См.: Отчет о состоянии законности и преступлениях среди сотрудников уголовно-исполнительной системы, за 4 квартал 2012 г. (форма 3-ПР. Раздел 2).

⁴ См.: Отчет о состоянии законности и преступлениях среди сотрудников уголовно-исполнительной системы, за 4 квартал 2013 г. (форма 3-ПР. Раздел 2).

⁵ См.: Отчет о состоянии законности и преступлениях среди сотрудников уголовно-исполнительной системы, за 4 квартал 2014 г. (форма 3-ПР. Раздел 2).

⁶ См.: Сивцов С. А. Должностные лица уголовно-исполнительной системы как субъекты коррупционных преступлений // Вестн. Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. № 2.

Анализ основных признаков и характерных особенностей категорий «специальный субъект» и «должностное лицо» в целом, а также применительно к сотруднику УИС, позволит в рамках системного подхода наиболее полно охарактеризовать деятельность учреждений, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, в качестве объекта уголовно-правовой охраны.

С целью системного изучения указанных категорий лиц необходимо осуществлять последовательный анализ от общего к частному.

Любое должностное лицо исправительного учреждения как специальный субъект преступления выступает в первую очередь в качестве субъекта права¹.

В отечественных работах о субъекте права выделяются три основных формы существования субъекта права: общая, отраслевая и специальная², в рамках каждой из которых субъекты права обладают соответствующими свойствами, отражающими его статус и положение в системе общественных отношений³.

Сущность общей формы субъекта права составляют основные права и обязанности, установленные Конституцией Российской Федерации и нормами международного права.

Отраслевая форма характеризуется уточнением и расширением общих прав и обязанностей субъекта права в зависимости от предмета и метода регулирования конкретной отрасли права.

Специальная форма субъекта права – это наличие у него способности и возможности реализовывать определенные права и обязанности в рамках конкретных отраслевых и межотраслевых институтов права.

В работах отечественных исследователей специальный субъект права в большинстве случаев рассматривается через призму таких категорий, как специальная правосубъектность и специальный правовой статус⁴.

Так Стремоухов А. А. наиболее точно определил понятие специального субъекта права как установленное нормами отраслевого или межотраслевого института права индивидуальное или коллективное лицо, у которого конкретно определен и детализирован объем его прав и обязанностей, а также его воз-

¹ Леликова Ю. В. Уголовно-правовая охрана уголовно-исполнительной системы (теоретико-прикладной аспект) : дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 41.

² См.: Стремоухов А. А. Определение и особенности специального субъекта права // Юрист. 2003. № 12. С. 3.

³ См.: Перевалов В. Д. Вопросы социалистической правосубъектности // Правоведение. 1980. № 3. С. 56.

⁴ См.: Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / отв. ред. В. А. Патюлин. М., 1979. С. 87–97; Перевалов В. Д. Вопросы социалистической правосубъектности // Правоведение. 1980. № 3. С. 55–59; Алексеев С. С. Общая теория права : курс в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 144–145; Сенякин И. Н. Специальные нормы советского права / под ред. М. И. Байтина. Саратов, 1987. С. 93; Романец Ю. Специальная правосубъектность юридических лиц // Хозяйство и право. 1992. № 2. С. 92–98.

возможность через свои действия реализовывать их в правоотношениях специального вида¹.

С учетом особенностей отраслевой правосубъектности сотрудников исправительных учреждений как должностных лиц УИС и отличительных признаков специального субъекта права, рассмотренных выше², представляется возможным выделить характерные для должностного лица исправительного учреждения УИС особенности и признаки:

1. Профессиональная деятельность в виде исполнения уголовного наказания выступает ключевым признаком выделения данного специального субъекта в обособленную группу. В связи с тем, что основу правового статуса должностного лица исправительного учреждения УИС составляют нормы уголовно-исполнительного, уголовного, уголовно-процессуального, административного и других отраслей права, его необходимо считать межотраслевым специальным субъектом права³.

2. Должностное лицо исправительного учреждения УИС как специальный субъект преступления в рамках конкретного института уголовного права, наделено специальной правосубъектностью.

3. Формирование должностного лица учреждения УИС как специального субъекта права основано на свершении конкретных юридических фактов, таких, как назначение на соответствующую должность исправительного учреждения УИС, совершение преступления, предусмотренного специальными нормами уголовного законодательства.

По нашему мнению, вышеизложенные особенности и признаки должностного лица исправительного учреждения УИС позволяют сделать вывод о различности содержательной стороны его правосубъектности как специального межотраслевого субъекта права и как специального субъекта преступления, а также об изменении объема такой правосубъектности при переходе от одного вида в другой.

В настоящий момент не существует единого подхода к нормативному определению понятия должностного лица, не выработана и его общепризнанная трактовка в правовой науке.

В работах многих исследователей отмечается такая специфическая особенность должностного лица, как наличие полномочий по совершению юридически значимых действий, имеющих властный характер, в пределах своей компетенции⁴.

¹ См.: Стремоухов А. А. Указ. соч. С. 4.

² Стремоухов А. А. Определение и особенности специального субъекта права// Юрист. 2003. № 12. С. 3–4.

³ См.: Леликова Ю. В. Указ. соч. С. 42.

⁴ См., напр.: Смолицкий Г. Р. Должностные преступления. М., 1947. С. 4–7; Здравомыслов Б. В. Должностные преступления: понятие и квалификация. М., 1975. С. 45–48; Светлов А. Я. Ответственность за должностные преступления / отв. ред. И. П. Лановенко. Киев, 1978. С. 87–104.

Например, Ц. А. Ямпольская еще в 1949 году выделила в качестве полномочий должностного лица его право на совершение юридически значимых действий¹.

По мнению В. М. Манохина в круг должностных лиц входят:

а) руководители различного уровня (служащие организаций, имеющие распорядительные полномочия);

б) служащие, в должностные обязанности которых входят организационно-хозяйственные полномочия (материально ответственные лица);

в) служащие, реализующие контрольно-надзорные полномочия за деятельностью учреждений и органов, в которых они не проходят службу;

г) лица, не относящиеся к категории служащих, но которые в силу своей профессиональной (учебной) деятельности реализуют распорядительные полномочия (временно либо дополнительно к основным полномочиям)².

Мы разделяем точку зрения ученых³ о некорректности отнесения к должностным лицам служащих преимущественно из категории руководителей. Так, большинство должностных лиц учреждений УИС из числа функциональных работников в соответствии с должностными обязанностями обладают полномочиями по совершению юридически значимых действий.

Наряду с вышеуказанными признаками должностных лиц необходимо выделить такой их признак, как реализация полномочий по управлению, объем которых зависит от его компетенции и конкретно выполняемых функций. В соответствии с этим «должностным лицом являются... служащие, осуществляющие от имени государства или... учреждения... полномочия по управлению людьми, а равно связанные с движением материальных и денежных ценностей»⁴.

В соответствии с положениями уголовного законодательства, закрепленными в тексте примечания 1 к ст. 285 УК РФ, которые по нашему мнению справедливо относятся рядом авторов⁵ к самостоятельным структурным элементам статей в виде примечания-дефиниции, должностными лицами применительно к главе 30 УК РФ признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного само-

¹ См.: Ямпольская Ц. А. О должностном лице в советском государственном аппарате // Вопросы советского административного права / отв. ред. В. Ф. Коток. М.; Л., 1949. С. 141.

² Манохин В. М. Служба и служащий в РФ: правовое регулирование. М., 1997. С. 39.

³ См.: Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000. С. 91.

⁴ Петров Ю. А. К понятию должностного лица // Правоведение. 1974. № 6. С. 35–36.

⁵ См.: Панько К. К. Примечание как нетипичное средство уголовного нормотворчества // Мировой судья. 2006. № 9. С. 21; Пиголкин А. С. Подготовка проектов нормативных актов (организация и методика). М., 1968. С. 132.

управления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Существует точка зрения, в соответствии с которой позиция законодателя при формулировании примечания 1 к ст. 285 УК РФ представляется не вполне последовательной. Предназначенное для целей применения главы 30 УК РФ оно, тем не менее, имеет гораздо более широкую сферу применения, а, следовательно, и формулироваться должно иначе¹, распространяя свое действие и на другие составы преступлений УК РФ, совершаемые должностными лицами.

Таким образом, законодатель включает в понятие должностного лица две группы субъектов:

- лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции, представителя власти;
- лица, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции.

Не вызывает сомнения утверждение о том, что характер выполняемых служащими функций возможно считать общим основанием для признания тех или иных лиц должностными². С учетом многоплановости службы в УИС штатное расписание исправительных учреждений предусматривает такие категории должностей, в рамках которых сотрудники по характеру и содержанию своей деятельности могут выполнять наряду с функциями, связанными с административно-хозяйственными либо организационно-распорядительными обязанностями, сугубо профессиональные функции.

Необходимо отметить, что в основе квалификации преступлений, совершаемых должностным лицом учреждения УИС, лежит выявление совокупности следующих признаков должностного лица:

- наличие властных полномочий;
- наличие права принимать решения, которые обязаны исполнять другие лица;
- наличие права регулировать взаимоотношения между гражданами и т. д.³

Таким образом, именно характер выполняемых должностным лицом

¹ См.: Леликова Ю. В. Указ. соч. С. 47.

² См.: Павлинов А. Круг субъектов должностных преступлений требует уточнения // Российская юстиция. 2001. № 9. С. 63.

³ См.: Дулов А.В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Минск, 1985. С. 67.

в конкретном случае функций, а не название замещаемой им должности, должны выступать основанием при определении возможности привлечения сотрудника учреждения УИС к ответственности за должностное преступление. Если действия лица имели организационно-распорядительный или административно-хозяйственный характер, либо были связаны с исполнением функций представителя власти и совершались в силу замещаемой должности или по специальному полномочию, то такое лицо в данном конкретном случае необходимо признать должностным лицом, действующим с использованием своего служебного положения¹.

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу о фактическом существовании и необходимости законодательного закрепления общеправового понятия должностного лица, так как, во-первых, должностные лица учреждений УИС могут выступать отраслевыми и специальными субъектами права, и, во-вторых, это будет способствовать надлежащей квалификации деяний в рамках тех статей УК РФ, которые предусматривают уголовную ответственность за преступления в отношении должностных лиц учреждений УИС либо в связи с осуществлением ими служебной деятельности.

¹ См.: Леликова Ю.В. Указ. соч. С. 56.

Р. А. ФИЛИППОВ,
преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
(Академия ФСИН России)

ЛИЧНОСТЬ ОСУЖДЕННОГО К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ КАК ОСНОВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Достижение целей уголовно-исполнительного законодательства и выполнение его задач невозможно без учета личности осужденного. Как бы ни было существенно само по себе то или иное проявление личности осужденного, правильное суждение о ней возможно лишь на основе системы социальных свойств и их проявлений, из соотношения удельного веса социально-положительных и социально-отрицательных свойств. Именно такая взвешенная совокупность свойств личности должна быть положена в основу индивидуализации исполнения наказания.

Справедливо замечание Е. А. Антонян о том, что в своей основе личность осужденного во многом повторяет личность преступника в целом. Поэтому люди, попавшие в исправительные учреждения, не могут измениться полностью. Однако под воздействием новой среды, других преступников, собственных переживаний, факта изоляции, особенно если он длителен, меняются установки и жизненные цели, нравственные ценности и ориентиры, а отсюда и мотивы, которые представляют собой смысл соответствующих поступков. Таким образом, меняется и все поведение в период отбывания наказания и после освобождения¹.

Уделяя внимание личности осужденного, пенитенциарная наука и практика должны учитывать все особенности конкретного человека и помнить, что в местах лишения свободы он изменяется существенным образом. В первую очередь меняются его социальные роли, некоторые из них вообще отпадают, а также те его психологические особенности, которые не носят фундаментального характера. В микроокружении негативное влияние оказывается концентрированным. Личность должна приспособиться к новым условиям, хотя они и окажутся для нее совершенно неприемлемыми.

Своеобразие личности осужденного проявляется, прежде всего, в ее социальности, правовом, психологическом облике: возрасте, семейном положении, мотиве совершенного преступления, интересах, установках, уровне субъективного контроля своего поведения и др. На их развитие большое влияние оказывает та микросреда, в которой протекает их жизнедеятельность.

¹ См.: Антонян Е. А. Воспитательное воздействие на осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 2. С. 12.

В уголовно-исполнительном законе личность осужденного выступает как одно из оснований индивидуализации исполнения уголовных наказаний. Понятно, что лицу, отбывающему наказание, присущи особые негативные свойства. Они не играют определяющей роли, но их наличие создает вероятность отклоняющегося поведения во время отбывания наказания. Они могут выражаться в антиобщественной направленности личности, безразличном отношении к обществу, порочной ценностной ориентации.

Характеристика осужденных позволяет судить о них не только в момент прибытия в исправительное учреждение, но и в определенной степени прогнозировать их действия после освобождения, на этой основе вырабатывать соответствующие профилактические меры¹. Эти данные свидетельствуют о том, как воздействует на осужденных наказание, как характеризуется их отношение к требованиям режима, труду, воспитательным мероприятиям, какова в целом степень их исправления.

Нормы Общей части УИК РФ, регламентирующие учет личностных особенностей осужденных, можно классифицировать в зависимости: 1) от категории осужденных, их социального положения – ст. 5 УИК РФ; 2) от гражданства – ч. 3 ст. 10, ч. 5, 9 ст. 12 УИК РФ; 3) в зависимости от вида наказания – ч. 4, 6 ст. 14 УИК РФ; 5) от места отбывания наказания – ч. 5 ст. 12 УИК РФ; 6) в зависимости от наличия угрозы личной безопасности – ст. 13 УИК РФ.

Если проанализировать содержание вышеперечисленных норм, то окажется, что в одних статьях законодатель предлагает учитывать личность осужденного в целом и считает ее оценку одним из критериев индивидуализации отбывания наказания. В других статьях конкретизированы подлежащие учету разные обстоятельства, которые характеризуют личность осужденного. Она в них рассматривается в качестве необходимого условия применения этих статей.

Таковыми условиями являются: вид гражданства, вид назначенного наказания, наличие тяжелого заболевания, категория осужденных.

Есть статьи УИК РФ, в которых законодатель подразумевает учет особенностей личности, но не конкретизирует признаки, подлежащие учету (например, принципы уголовно-исполнительного законодательства, применение средств исправления).

В тех статьях УИК РФ, в которых законодатель конкретизировал признаки личности осужденного, их учет, как правило, не сложен. В таких случаях нужно добиваться единообразия в понимании этих показателей личности и безусловного неприменения данных статей, если таковые отсутствуют.

Реальные трудности проявляются тогда, когда требуется учесть личность осужденного в целом в качестве критерия порядка и условий отбы-

¹ См.: Барабанов Н. П. Роль начальника исправительно-трудовой колонии в организации борьбы с наркоманией. Рязань, 1995. С. 3.

вания наказания и когда требуется на основе предусмотренных в статье признаков личности дать ей оценку, т.е. признать или не признать ее необходимым условием применения статьи. При этом в самих статьях УИК РФ содержание оценки в целом не конкретизировано, а только подразумевается. Речь идет, прежде всего, о ст. 8 УИК РФ.

Поэтому требование закона об учете личности осужденного должно быть императивным не только по форме, но и по содержанию. Для этого в статьях Общей части уголовно-исполнительного права следует: а) восполнить характеристику личности осужденного в таком объеме, который позволил бы суду и администрации исправительного учреждения объективно ее оценить; б) указать саму оценку личности, определение которой судом и администрацией ИУ будет обязывать индивидуализировать применение основных средств исправления осужденных. Кроме того, целесообразно иметь в Общей части УИК РФ специальную статью, раскрывающую понятие и значение личности осужденного при применении основных средств его исправления.

Применительно к статьям Особенной части УИК РФ в аспекте отражения в них особенностей личности осужденного необходимо отметить следующее. В этих статьях личность осужденного рассматривается как критерий для дифференцированного применения основных средств исправления осужденного, применения мер поощрения и взыскания, улучшения или ужесточения условий отбывания наказания, применения тех или иных элементов «социальных лифтов». Поэтому ее учет состоит в установлении признаков, характеризующих осужденного, достигшего определенной степени исправления и правильной ее оценки. Эти признаки почти всегда непосредственно закреплены в уголовно-исполнительном законодательстве, и поэтому их учет не вызывает трудностей. Сложнее обстоит дело с их правильной оценкой по отношению к конкретному осужденному. Учет личности осужденного должен определить выбор конкретных условий отбывания наказания, того или иного средства воздействия на него. Отражение законодателем личности осужденного в статьях Особенной части нередко ставит вопрос о том, насколько та или иная мера воздействия на осужденного, помещение его в определенные условия отбывания наказания обоснованы с точки зрения степени исправимости лица, отбывающего наказания. Как показывают исследования отечественных ученых, этот вопрос более чем актуален¹.

Структура Особенной части УИК РФ обуславливает следующую структуру учета личности осужденного: 1) личность осужденного в нормах, касающихся общих положений исполнения наказания в виде лишения свободы (глава XI УИК РФ); 2) учет личности осужденного и режим в исправительных учреждениях (глава XII); 3) личность осужденного и условия

¹ См.: Старков О. В., Милуков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб. 2001. С. 9–15.

отбывания наказания в исправительных учреждениях (глава XIII); 4) труд, профессиональное образование, профессиональная подготовка в зависимости от личности осужденных; 5) личность осужденного и воспитательное воздействие (глава XV).

В заключении необходимо отметить, что практическое значение использования теоретических положений о личности осужденного в законодательстве и пенитенциарной практике заключается в разработке методики индивидуализации исполнения наказаний на основе типовой оценки личности осужденного, а также формулировании дополнений норм Общей части уголовно-исполнительного права, предусматривающих оценку личности осужденного как условие применения этих норм.

И. В. ХОРОШКО,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России)

КАЗУИСТИЧНОСТЬ НОРМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПО ОТНОШЕНИЮ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ)

Анализируя нормы уголовно-исполнительного кодекса мы выявили правовой пробел. А именно, ч. 1 ст. 116 УИК РФ закрепляет, что одним из злостных нарушений осужденными к лишению свободы установленного порядка отбывания наказания является мелкое хулиганство. Ст. 20.1 КоАП РФ закрепляет понятие мелкого хулиганства как нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества. Санкция данной статьи определяет наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток.

Рассмотрим наказание в виде наложения административного штрафа в отношении осужденного, совершившего мелкое хулиганство. Ст. 115 УИК РФ закрепляет, что к осужденному может применяться дисциплинарный (не административный) штраф в размере до двухсот рублей. Исходя из этого, можно говорить о противоречии правовых норм.

Проанализируем административный арест, который в отношении осужденных также не представляется возможным исполнять в силу ряда причин. Так, данный вид наказания заключается в содержании нарушителя в условиях изоляции от общества, что говорит нам о невозможности применения административного ареста к осужденным, поскольку они уже, пребывая в исправительном учреждении, находятся в условиях изоляции. Помимо этого, согласно ч. 2 ст. 32.8 КоАП РФ лицо, подвергнутое административному аресту, содержится под стражей в месте, определяемом органами внутренних дел, как правило, это специальные приемники. Основываясь на этих нормах, становится совершенно очевидным, что наказание в виде административного ареста невозможно налагать на осужденных к лишению свободы.

Отмеченные нами обстоятельства позволяют сделать обоснованный вывод о том, что необходимо исключить из ч. 1 ст. 116 УИК РФ мелкое хулиганство как один из видов злостных нарушений установленного порядка отбывания наказаний. В подтверждении этого также отметим, что УИК РФ не содержит понятия наказания, применяемого к осужденному, а лишь меры взыскания. Соответственно все те правонарушения, которые влекут

наказания, а не наложение взысканий, если это не установлено законодателем отдельно, не могут распространяться на осужденных к лишению свободы.

Помимо данного несоответствия нами также выявлено следующее» ч. 2 ст. 12 УИК РФ гласит: «Меры принуждения к осужденным могут быть применены не иначе как на основании закона». Однако в уголовно-исполнительном законодательстве перечень мер принуждения, которые администрация исправительного учреждения вправе применить к лицам, отбывающим наказания и само понятие мер принуждения не закреплены.

В правовой и научной литературе можно найти информацию о мерах процессуального принуждения, бюджетных мерах принуждения¹, но подобные меры никоим образом не распространяются на осужденных, отбывающих уголовные наказания. Соответственно остается непонятным какие меры принуждения применять и на основании какого закона?

Исходя из того, что законодатель не разъясняет, что является мерами уголовно-исполнительного принуждения и не приводит даже примерного перечня этих мер, а также с целью устранения выявленного пробела мы предлагаем исключить данную недействующую норму из ст. 12 УИК РФ.

¹ См.: Ст. 116 УПК РФ, ст. 306.2, гл. 30 БК РФ.

С. В. ХУДОРОЖКОВ,

начальник

(ГУФСИН России по Свердловской области)

ТРУДОВОЕ ИСПРАВЛЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ

Основной задачей пенитенциарной системы является исправление осужденных. В Российском законодательстве понятие исправление осужденных закреплено ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ).

1. Исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

Средства исправления осужденных применяются с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения.

Исправление осужденных, являясь целью уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ), достигается посредством применения к осужденным основных средств исправления при исполнении наказания. Выбор средств исправления осужденных и их содержание зависит от ряда факторов, таких как:

- вид исправительного учреждения;
- характер и степень общественной опасности совершенного преступления;
- личность осужденного;
- поведение осужденного.

2. Основными средствами исправления осужденных являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие.

Воспитательная работа, одно из основных средств исправления. Как разностороннее средство воздействия на осужденных воспитательная работа подвержена правовому регулированию в меньшей мере, чем такие средства исправления, как режим и труд. Тем не менее, проводить ее без правовой регламентации невозможно.

Учитывая большое количество направлений воспитательного воздействия, закон регламентирует только наиболее важные исходные положения организации воспитательной работы с лицами, лишенными свободы.

Статья 110 УИК РФ определяет основные формы воспитательной работы: нравственное, правовое, физическое, трудовое, иное воспитание осужденных к лишению свободы, способствующее их исправлению.

Воспитательная работа с осужденными проводится дифференцированно, с учетом вида исправительного учреждения и установленного в нем режима и условий содержания.

Организация общеобразовательной подготовки является одним из самостоятельных направлений воспитательной работы с лицами, лишенными свободы. Это направление является необходимым, обеспечивающим успех всей работы по исправлению осужденных, так как без повышения общеобразовательного уровня невозможно реальное воспитание человека.

Общественно полезный труд – в исправительных учреждениях используется в воспитательных целях в процессе исправительного воздействия на осужденных.

Формирование уважительного отношения к труду предполагает у осужденного позитивное отношение к трудовой деятельности как целесообразной деятельности человека, ее содержанию, характеру, процессу, результатам и условиям работы.

Реализуя трудовую деятельность, осужденный включается в трудовой коллектив. В трудовом коллективе закрепляются, углубляются и становятся более многосторонними межличностные контакты, в котором человек видит источник внутреннего обогащения и профессиональной перспективы, все более глубоко осознает себя участником общего социально значимого дела. В трудовом коллективе растет его самосознание, гражданская ответственность и вместе с тем увеличиваются возможности удовлетворения личных потребностей в дружеском общении и контактах. Трудовой коллектив имеет широкие возможности воздействия на осужденного: применение к нему мер воспитательного характера, поощрения, дисциплинарного воздействия, осуществление деятельности по формированию личности.

Формирование уважительного отношения к труду у осужденного будет выражаться в отношении к труду как к процессу (творческому, интересному, познавательному); как к средству удовлетворения определенных потребностей (получение зарплаты, возможность приобретения чего-либо, возможность получения определенных услуг (образование, культурные потребности); как форме самовыражения (творческий труд как отдых, досуг, развитие интеллекта; повышение образовательного уровня, профессионализма и квалификации). Такой подход к труду позволяет более дифференцированно использовать в работе с осужденным те или иные факторы, относящиеся к индивидуальным характеристикам последнего: профессиональная деятельность, наличие или отсутствие у осужденного профессии, образования, трудового опыта, стажа и т.д.

Рассматривая значение труда в процессе исправления осужденного, отмечает, что труд как средство исправления, помимо непосредственного формирования у осужденного определенных свойств, характерных для членов правового общества, способствует его положительной ресоциализации. Нередко причиной совершения преступлений, в частности корыстной направленности, является невозможность трудоустроиться в связи с отсутствием у освободившегося образования или специальности. Компенсируя этот

недостаток, трудовой и образовательный процессы способствуют тому, что человек, отбывший наказание, находит свое место в жизни и в дальнейшем не допускает нарушения законности. Следовательно, воспитание у осужденного уважительного отношения к труду направлено на формирование у осужденного устойчивой потребности к целевой позитивной деятельности, готовности и желания к самовоспитанию, переоценке своих поступков, переосмыслению своих действий, целей и перспектив в жизни.

Профессиональная подготовка и профессиональное образование осужденных к лишению свободы является неотъемлемой частью их трудового воспитания. Профессиональная подготовка позволяет целенаправленно осуществлять привлечение осужденных к труду, помогает им определить свой жизненный путь после освобождения.

Согласно закону, начальное профессиональное образование осуществляется в рамках образовательных программ установленного образца. Начальное профессиональное образование и профессиональная подготовка осуществляются в порядке, установленном Минюстом России, но совместно с Министерством образования и науки РФ.

Правовая регламентация организации профессионального образования и профессиональной подготовки определяется в ст. 108 УИК РФ.

Работа с осужденными начинается с карантинного отделения учреждения. Решение о распределении осужденных по отрядам (камерам) с учетом их личностных особенностей, привлечении их к труду, обучению в системе общего и профессионального образования принимается комиссией ИУ, возглавляемой начальником учреждения. В состав комиссии включаются представители служб – оперативной, безопасности (в тюрьме – режима и охраны), воспитательной, психологической, социальной, медицинской, производственной и других.

Средства исправления осужденных применяются с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения.

В сфере социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года предусматривается создание справедливой и эффективной системы стимулов осужденных к законопослушному поведению, так называемые «социальные лифты». Положение разработано на основании уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, решения совещания при директоре ФСИН России от 25 марта 2011 г. «О внедрении системы «социальных лифтов» в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы», в редакции указаний ФСИН России от 16 июля 2012 г. № 15-13874-03, от 27 февраля 2013 г. № исх-02-5531, от 6 февраля 2014 г. № 02-004546.

Система социальных лифтов представляет собой механизм изменения условий отбывания наказания, изменения вида исправительного учреждения,

замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, условно-досрочного освобождения посредством оценки комиссией исправительного учреждения поведения осужденных с помощью определенных критериев.

Целями системы стимулов являются социализация осужденного, профилактика рецидивной преступности и создание условий для позитивного формирования личности.

Организация профессиональной подготовки осужденных в ИК – это одно из направлений работы ЦТАО осужденных, которая ведется с учетом востребованности определенных профессий и специальностей в ИУ и на региональных рынках труда, а также потребностей осужденных в получении начального профессионального образования. Данная работа способствует дальнейшему трудоустройству как во время нахождения в ИК, так и после освобождения из него. В то же время обучение азам производственной деятельности и профессиональное обучение являются не только одним из самых эффективных средств исправления осужденных, но и показателем качества организации их труда.

Производство ИК носит многоотраслевой характер, что требует наличия различных специальностей, квалификаций и непосредственной их подготовки в ИК, где обучение организовывается с учетом потребности рабочих кадров на региональном рынке, с целью гарантирования трудоустройства и возвращения в общество законопослушных граждан, и поэтому в данном механизме неотъемлемым звеном является образование. Обучение в определенной степени является одним из показателей исправления осужденного, с помощью обучения происходит формирование личности обучающегося (воспитание духовно-нравственных убеждений, овладение навыками интеллектуального и физического труда, развитие способностей к социальному и профессиональному самоопределению, профессиональное становление).

Система профессиональной подготовки осужденных постоянно развивается. Образовательный процесс включает теоретическое и производственное обучение, производственную практику, а также воспитательную работу с обучающимися. Во исполнение отдельных положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года Федеральной службой исполнения наказаний принимаются меры по созданию благоприятных условий для получения лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, среднего и высшего профессионального образования.

В профессиональных училищах создана современная учебно-материальная база. Они имеют производственные мастерские и учебные кабинеты, оснащенные профессиональным оборудованием и учебно-наглядными пособиями.

В соответствии с Российским законодательством каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых ад-

министрацией исправительных учреждений. В соответствии с ч. 2 ст. 9 УИК РФ общественно полезный труд является одним из средств исправления осужденных. Такой труд не может расцениваться как принудительный, поскольку на основании ч. 4 ст. 4 Трудового кодекса РФ принудительный труд не включает в себя работу, выполняемую вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства при исполнении судебных приговоров.

Это полностью соответствует положениям Конвенции МОТ № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда», согласно которой принудительный или обязательный труд не включает в себя работу, требуемую от какого-либо лица вследствие приговора, вынесенного решением судебного органа, при условии, что эта работа будет производиться под надзором и контролем государственных властей (подп. «с» п. 2 ст. 2)¹. Следовательно, трудовая деятельность лиц, осужденных к лишению свободы и отбывающих наказание в исправительных учреждениях, по общему правилу не может рассматриваться как реализация ими своего права на труд.

Современное состояние правового регулирования общественных отношений, связанных с вопросами привлечения к труду осужденных к лишению свободы, характеризуется наличием ряда проблем. Одной из основных проблем в сфере правового регулирования отношений, связанных с трудом осужденных к лишению свободы, представляется отсутствие четко выстроенной системы правового (законодательного) регулирования труда осужденных к лишению свободы, его размытость и, как следствие, неразрешенный в полной мере вопрос об определении и закреплении на законодательном уровне трудово-правового статуса осужденного к лишению свободы.

Решение проблемы трудовой занятости осужденных, содержащихся в местах лишения свободы Российской Федерации, на современном этапе возможно с учетом использования их труда не только на собственном производстве при исправительных учреждениях, но и с учетом применения альтернативных способов организации труда (контрагентские работы, общественные работы, участие в предпринимательской деятельности в ее различных проявлениях).

Уголовно-исполнительное законодательство устанавливает ограничение труда осужденных в виде перечня запрещенных работ и должностей, на которых запрещается использование осужденных к лишению свободы. Кроме того, фактические возможности производственной базы исправительных учреждений достаточно ограничены, в силу чего невозможно учесть специальность осужденных при привлечении к труду. Труд осужденных должен быть устроен с минимальными ограничениями и являться максимально стимулирующим.

¹ Принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-й сессии Генеральной конференции МОТ // Ведомости ВС СССР. 1956. № 13. Ст. 279.

С. С. ЦАПАНОВА,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
(Владимирский юридический
институт ФСИН России)

ИСПОЛНЕНИЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ОХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Исполнение уголовных наказаний является специфическим направлением деятельности государства по борьбе с преступностью, для осуществления которой, как правило, создаются специализированные учреждения и органы. При этом основополагающим является положение, зафиксированное в ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) – наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Структура учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, в России всегда была тесно связана с действующей системой уголовных наказаний, закрепленной в уголовном законодательстве¹.

Принцип индивидуализации наказания, является одним из важнейших начал организации и функционирования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, что обуславливает наличие разветвленной системы уголовных наказаний. Чем разнообразнее составляющие эту систему виды наказания, тем точнее может быть избрана та из них, которая наиболее соответствует тяжести совершенного преступления и личности преступника, и следовательно, эффективнее будет само наказание.

Таким образом, каждое из уголовных наказаний предусмотренных ст.44 УК РФ несет с собой конкретные лишения и ограничения прав и свобод осужденного, которые, несомненно, причиняют ему определенные физические неудобства и даже нравственные страдания, но без них исполнение уголовного наказания и восстановление социальной справедливости потеряли бы всякий смысл.

Принуждение присуще всем без исключения видам уголовного наказания, но объем ограничений при исполнении каждого из них различен. Наиболее широкий спектр ограничений установлен для осужденных, отбывающих уголовные наказания, связанные с реальным лишением свободы.

Результативность наказания и поставленных перед ним целей в меньшей степени зависят и от того, как оно будет исполнено. Поэтому сообразно имеющейся системе наказаний создается корреспондирующая ей система государственных органов, исполняющих эти наказания. Наличие

¹ Уголовно-исполнительное право : учеб. для вузов / отв. ред. А. С. Михлин. М., 2006. С. 100.

последней предусматривает и закрепляет не только Уголовный, но и уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, призванный урегулировать порядок и условия исполнения и отбывания наказаний¹.

Реализация принуждения в его более острой форме, каким является уголовное наказание, требует постоянного контроля со стороны государства за исполнением возложенных на осужденных карательных ограничений. С этой целью, исполнение уголовных наказаний признается исключительно функцией государства, для осуществления которой создаются специализированные государственные учреждения и органы².

Исполнение данных видов наказаний возложено на целую структуру учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, в которую входят: тюрьмы, исправительные колонии (общего, строгого, особого режима), колонии-поселения, воспитательные колонии для несовершеннолетних, лечебно-исправительные учреждения, уголовно-исполнительные инспекции, а также следственные изоляторы, на которые помимо исполнения уголовных наказаний, возложена мера уголовно-процессуального пресечения в виде заключения под стражу.

Кроме того, функция по исполнению отдельных видов уголовных наказаний возложена и на иные органы и должностные лица, которые не входят в число учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и основная деятельность, которых связана с осуществлением иных функций. К таковым относятся: должностные лица, которые исполняют уголовные наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград. Путем внесения в установленном законом порядке записей в соответствующие документы, а также принимают меры по лишению его прав и льгот, предусмотренных для лиц, имеющих соответствующие звание, чин или награды. При этом должностное лицо в течение одного месяца со дня получения копии приговора сообщает в суд, вынесший приговор, о его исполнении; судебные приставы-исполнители реализующие в качестве уголовного наказания – штраф; а также дисциплинарные воинские части, гауптвахты и командование воинских частей, исполняющие уголовные наказания в отношении военнослужащих.

Кроме мер государственного принуждения к осужденным применяются предусмотренные законом средства исправления, которые применяются с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденного и их поведения. К ним относятся: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, по-

¹ Уголовно-исполнительное право: Общая часть : учебник / под общ. ред. Ю. И. Калинина. Рязань, 2001. С. 383.

² Чесноков А. А. Пенитенциарная система в механизме Российского государства: историко-теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2006. С. 62.

лучение общего образования, профессиональная подготовка и общественное воздействие.

Таким образом, исправление представляет собой процесс по формированию у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, а также стимулирует правопослушное поведение.

Исправление осужденного в процессе исполнения уголовного наказания осуществляется по двум общественно значимым направлениям. Во-первых, осуществляется комплексное воздействие на личность с целью искоренения тех свойств и качеств, которые привели осужденного к совершению преступления, воспитания у него потребностей, интересов, взглядов, нравственных позиций, соотносимых с общечеловеческими ценностями. Для этого механизм исправительного воздействия на осужденного включает в себя различные методы, средства и формы, позволяющие осужденному (безусловно, при его желании) стать законопослушным человеком и не совершать новых преступлений.

Во-вторых, исправление предполагает создание условий для ресоциализации осужденного, т.е. восстановления утраченных им позитивных социальных связей. Особенно это важно при исполнении уголовных наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества¹.

Для реализации цели по предупреждению совершения новых преступлений в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством используются меры принуждения, создаются условия и используются различные средства исправления - снижающие либо исключаящие возможность совершения осужденным нового преступления².

Лишения и ограничения прав и свобод, предусмотренные уголовными наказаниями, воздействуют на граждан своей угрозой, предостерегают их от совершения преступных деяний, но одновременно и воспитывают их, заставляя соблюдать законы и нормативные предписания.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

В-первых, сущность деятельности УИС состоит в том, чтобы реализовать цели уголовного наказания посредством применения к осужденным мер государственного принуждения, при этом осужденные выступают лицами, в отношении которых непосредственно направлены нормы права.

Во-вторых, учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания выступают одним из элементов механизма государства, которые всей своей деятельностью на основе закона, в соответствующих формах и на демократических принципах призваны обеспечивать законность и правопорядок, защиту прав и интересов граждан, общества и государства, предупреждать и пресекать правонарушения, применять государственное принуж-

¹ Уголовно-исполнительное право : учеб. для вузов / отв. ред. А. С. Михлин. М., 2006. С. 76-77.

² Там же. С. 77.

дение или общественное воздействие к лицам, нарушившим законность и правопорядок. Последние являются основой безопасности государства и обеспечиваются по средствам реализации охранительной функции государства.

В-третьих, исполнение уголовного наказания означает установленную нормами уголовно-исполнительного права деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, направленную на реализацию целей уголовного наказания посредством применения к осужденным средств исправления и мер государственного принуждения. При правильно организованной деятельности в сфере исполнения уголовных наказаний учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы достигаются цели и задачи, предусмотренные уголовным и уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, а также реализуется одна из важнейших функций по обеспечению безопасности государства и общества в целом, по средствам борьбы с пенитенциарной преступностью.

О. Н. ЯКОВЛЕВА,
кандидат юридических наук, доцент,
ученый секретарь
(НИИ ФСИН России)

ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН: ВОЗМОЖНОСТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Одним из главных аспектов, способствующих продвижению прав женщин в правовой, политической, экономической и культурной сферах, является защита этих прав на международном и региональном уровнях. Существует ряд международно-правовых актов по правам человека, специально посвященных правам женщин. В данных актах в основном говорится о равноправии мужчин и женщин, о запрещении дискриминации женщин в политической и социально-экономической сферах. Специально о правах женщин при исполнении принудительных мер, связанных с изоляцией от общества, в них не говорится. Однако необходимо обратить внимание на то, что международно-правовые нормы не только закрепляют права женщин, но и нацеливают на их особую защиту, например, в период беременности.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955 г.) применяются ко всем заключенным без какой-либо дискриминации, поэтому при их применении следует учитывать особые нужды и реальное положение всех заключенных, в том числе и заключенных женщин. Однако в Правилах, принятых 60 лет назад, не уделялось достаточного внимания особым потребностям женщин. С увеличением числа женщин-заключенных во всем мире необходимость привнесения большей ясности в вопросы обращения с женщинами-заключенными приобретает особое значение и актуальность.

ООН в различных контекстах особо отмечала необходимость привлечения внимания к положению женщин-правонарушителей. Например, новацией явилось введение в новую редакцию Европейских пенитенциарных правил (в ред. 2006 г.) раздела «Женщины». В ст. 34 новой редакции Правил регламентируются специальные условия и льготы в отношении женщин-заключенных: обязанность администрации уделять особое внимание потребностям женщин (физическим, профессиональным, социальным и психологическим), в особенности ставших жертвами физического, психологического или сексуального насилия¹.

В Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века, принятой X Конгрессом ООН (Вена, 10–17 апреля 2000 г.), государства-члены обязались разрабатывать ориентированные на конкретные действия программные рекомендации, основанные на учете особых

¹ Международные акты о правах человека : сборник документов. М., 2000. С. 193.

потребностей женщин заключенных (п. 12), включая обязательство государств осуществлять в соответствии со своими правовыми системами обзор, оценку и, когда это необходимо, изменение своего законодательства, принципов, процедур и практики, касающихся обеспечения справедливого отношения к женщинам в рамках системы уголовного правосудия¹.

В Резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН [по докладу Третьего комитета (А/61/438)] 61/143 «Активизация усилий в целях искоренения всех форм насилия в отношении женщин» Генеральная Ассамблея настоятельно призвала государства рассматривать и, когда это уместно, пересматривать, изменять или отменять любые законы, постановления, политику, практику и обычаи, имеющие дискриминационный характер по отношению к женщинам или влекущие для них дискриминационные последствия, а также добиваться соответствия положений многочисленных правовых систем там, где они существуют, международным обязательствам, обязанностям и принципам в области прав человека, включая принцип недискриминации². Принимать конструктивные меры для устранения структурных причин насилия в отношении женщин и укреплять превентивную деятельность по борьбе с дискриминационными видами практики и социальными нормами, в том числе в отношении женщин, которым необходимо уделять особое внимание. Эта резолюция является признанием того факта, что насилие в отношении женщин имеет особые последствия для контактов женщин с системой уголовного правосудия, а также для их права не подвергаться виктимизации во время заключения. Физическая и психологическая безопасность имеет важнейшее значение для обеспечения прав человека и улучшения положения женщин-правонарушителей.

Как и в случае Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, ввиду существующего в мире большого разнообразия правовых, социальных, экономических и географических условий очевидно, что не все из существующих и рекомендованных правил могут быть в равной степени применимы во всех странах и ситуациях. Они должны, однако, стимулировать постоянное стремление преодолевать практические трудности, стоящие на пути к их осуществлению, с осознанием того, что в комплексе они олицетворяют собой те глобальные устремления, которые, по мнению Организации Объединенных Наций, могут привести к достижению общей цели – улучшению положения женщин-заключенных и их детей. Анализ действующих международно-правовых норм в области исполнения уголовных наказаний в отношении женщин важны с точки зрения оценки возможностей инфильтрации норм международного права в оте-

¹ URL http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/vendec.shtml.

² URL : <http://www.refworld.org/cgi-bin/tehis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?docid=484e7032&reldoc=y>.

чественное пенитенциарное законодательство, а также реализации международно-правовых актов в отношении осужденных женщин в условиях реформирования российской уголовно-исполнительной системы.

В связи с этим представляется целесообразным выделение статей Уголовно-исполнительного кодекса РФ, регулирующих особенности отбывания наказания осужденными к лишению свободы женщинами в отдельную главу, как это сделано в отношении несовершеннолетних осужденных.

Первоначально, при подготовке Уголовно-исполнительного кодекса РФ прорабатывалась идея о таком выделении. Однако в процессе работы над структурой кодекса авторский коллектив пришел к выводу о том, что существующих трех статей, в которых сконцентрированы основные особенности отбывания наказания осужденными женщинами (ст. 100, 177, 178 УИК РФ) для формирования отдельной главы кодекса недостаточно.

На наш взгляд, такое утверждение не совсем обоснованно. Ведь кроме названных статей в УИК РФ имеется достаточное количество положений, в той или иной степени затрагивающих особенности исполнения наказания в отношении женщин, но при этом расположенных в различных частях и статьях кодекса, например, регулирующих порядок и условия выездов осужденных за пределы исправительных учреждений, материально-бытовое обеспечение осужденных к лишению свободы и ряд других. При концентрации этих положений в одной главе кодекса можно было бы получить более цельное представление об особенностях отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами. Кроме того, выделение таких статей в одну главу более бы отвечало требованиям законодательной техники и облегчило бы процесс ознакомления с законом.

Особенно хотелось бы обратить внимание на необходимость совершенствования норм УИК РФ, непосредственно посвященных особенностям исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин.

Речь идет, в первую очередь, о таких категориях женщин, как беременные женщины и женщины, имеющие детей. Необходимо подчеркнуть, что все предоставляемые этим категориям женщин «льготы» и «преимущества» связаны с реализацией женщинами своего материнского предназначения. При этом одни из них фактически вписываются в нормы других отраслей права, в частности трудового. К таким нормам можно отнести предоставление женщинам отпусков по беременности и родам (ст. 165 КЗоТ РФ), перерывов для кормления ребенка (ст. 169 КЗоТ РФ), отпусков по уходу за ребенком (ст. 167 КЗоТ РФ). Предполагается, что все эти нормы автоматически распространяются на осужденных женщин, что фактически и происходит на практике. Однако в УИК РФ нет буквального воспроизведения названных норм трудового законодательства, специально закрепляющих права осужденных женщин по предоставлению указанных льгот, связанных с беременностью и родами. При реализации этих прав руково-

дствуются лишь общим положением ч. 1 ст. 103 УИК РФ, закрепляющей обязанность «привлекать осужденных к общественно-полезному труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья». Кроме того в ч. 1 ст. 98 УИК РФ имеется указание на то, что «осужденные женщины также обеспечиваются пособиями по беременности и родам на общих основаниях». В связи с этим представляется необходимым продублировать в Уголовно-исполнительном кодексе РФ общие нормы трудового законодательства, которые распространяются на всех беременных и женщин, имеющих детей, независимо от того, являются они правопослушными гражданами или преступницами.

Необходимость выделения специальных норм об исполнении наказания в отношении женщин в уголовно-исполнительном кодексе также вытекает из принципов справедливости и гуманизма, поскольку социально-психологические особенности женщин существенны, так что применение к ним требований общих начал назначения наказания, общих требований исполнения наказания невозможно.

Научное издание

**II МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ФОРУМ
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, ИСПРАВЛЕНИЕ»**

(к 60-летию принятия Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и 30-летию принятия Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних)

Рязань, 25–27 ноября 2015 г.

Сборник тезисов выступлений и докладов участников

**Том 3
Материалы
Международной научно-практической конференции
«Совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного
законодательства Российской Федерации»**

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка *Т. А. Ключникова, Г. Н. Смирнова*

Подписано в печать 05.11.15. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Cambria. Печ. л. 13,1. Усл.-печ. л. 12,1. Тираж 200 экз. Заказ № ____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России.
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

Отпечатано: